Я194.5
Р69

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ЯКУТСКИЙ ФИЛИАЛ СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ

ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ПО ГОВОРАМ ЭВЕНКОВ ЯКУТСКОЙ АССР

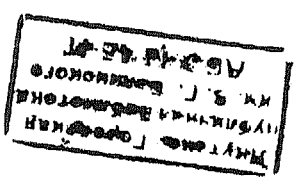
Выпуск первый

А. В. РОМАНОВА и А. Н. МЫРЕЕВА

ОЧЕРКИ ТОККИНСКОГО И ТОММОТСКОГО ГОВОРОВ

Под редакцией Г. М. Василевич

38404

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА — 1962 — ЛЕНИНГРАД

АННОТАЦИЯ

Книга содержит систематическое описание двух говоров эвенкийского языка — токкинского и томмотского, бытующих на территории Якутской АССР. Изложение иллюстрируется лексическими и фразовыми примерами, приводятся параллели с литературным эвенкийским, а также с якутским языками.

Издание рассчитано на научных работников — специалистов по тунгусо-манчжурским языкам.

Ответственный редактор
Г. М. ВАСИЛЕВИЧ

ОТ РЕДАКТОРА

Предпринятое Институтом языка, литературы и истории Якутского филиала Сибирского отделения Академии наук СССР изучение говоров эвенков Якутии, кроме описания их и сбора материалов для составления диалектологического словаря, имеет и ряд специальных задач. Во-первых, следует определить степень сохранности родного языка среди эвенков, живущих по соседству или рядом с якутами; во-вторых, нужно выяснить пути и формы, по которым развивается влияние якутского языка на эвенкийский. Это тем более интересно, что в таком же примерно плане изучаются говоры якутского языка. В итоге изучения могут быть установлены общие закономерности, проявляющиеся в процессе взаимодействия разных языков. В-третьих, важно определить отношение говоров эвенков Якутии к другим говорам эвенкийского языка, что поможет вскрыть исторические связи разных групп эвенков, а также эвенков с якутами и другими народами, установить пути передвижения отдельных групп.

В этом выпуске даются очерки говоров двух групп эвенков: токкинской и томмотской. Сбор материалов и обработка их выполнена научными сотрудницами ИЯЛИ, по национальности эвенкийками. Эвенкийки лингвисты — первые ласточки, отцы и деды их были охотниками, кочевавшими с оленями по тайге в поисках зверя. Жизненный путь этих молодых ученых представляет отражение коренных преобразований, которыми эвенки обязаны Советской власти и Коммунистической партии, претворяющим в жизнь принципы ленинской национальной политики. Поэтому следует остановиться на биографических данных наших авторов.

Агния Васильевна Романова, 1912 г. рождения, ведет свое происхождение от буреинских эвенков, живших во время ее рождения в пос. Тырми. Окончив здесь школу, она училась в техникуме Народов Севера в Хабаровске. По его окончании А. В. Романова в 1932 г. переехала в пос. Бомнак Амурской области, где работала в эвенкийской школе до 1944 г. В 1936/37 учебном году она побывала на курсах переподготовки учителей северных школ в Ленинграде. В 1944 г. Романова перевелась на работу в Читинскую областную библиотеку, которая тогда же командировала ее специализироваться в Московский Государственный библиотечный институт. Несмотря на тяжелое военное и послевоенное время, А. В. Романова окончила этот институт и была направлена на работу в центр Эвенкийского округа — Туру,

где ей предложили заведовать окружным отделом культурно-просветительной работы. По прошествии двух лет она вновь приехала в Москву для поступления в аспирантуру Института национальных школ Академии педагогических наук. В 1954 г. окончив аспирантуру и защитив диссертацию на степень кандидата педагогических наук, А. В. Романова получила направление на работу в Хабаровский педагогический институт, где была преподавателем эвенкийского языка по кафедре языков народов Севера. В 1958 г. ей предложили перейти на научную работу в Якутский филиал Сибирского отделения Академии наук СССР. А. В. Романова — член КПСС, имеет несколько печатных работ по методике преподавания эвенкийского языка в начальной школе, написала ряд учебников для школы. Предлагаемый ниже очерк — ее первая лингвистическая работа.

Жизненный путь второго автора — Анны Николаевны Мыреевой пока менее насыщен событиями. Родилась она в семье охотника из томмотской группы эвенков. В 1948 г. работала учительницей в Угоянской начальной школе того же Томмотского района, откуда была откомандирована продолжать обучение по специальности в Ленинградском педагогическом институте им. Герцена. В 1955 г. окончила с отличием Литературный факультет института и вернулась в Якутию. Здесь получила направление в школу Учурского района, где работала до 1957 г., когда Якутский филиал пригласил ее в Институт языка, литературы и истории на должность вначале лаборантки, затем младшего научного сотрудника. Предлагаемая ниже статья — ее первая научная работа. А. Н. Мыреева сразу обнаружила способности полевого работника — как лингвиста: умение наблюдать и выявлять отдельные, малозаметные детали языковой структуры, так и этнографа: записанные ею тексты представляют большой интерес и для этнографии эвенков.

За недолгое время работы в ИЯЛИ оба автора успели совершить по две поездки, причем собрали разнообразный в языковом отношении материал, который начали обрабатывать. Первым результатом этого является предлагаемый сборник. Отсутствие филологической подготовки у А. В. Романовой сказывается на ее первом лингвистическом труде, но ее трудолюбие и настойчивость, а также хорошие результаты второй диалектологической экспедиции позволяют ожидать более совершенных ее работ.

Остается пожелать авторам успешного завершения их весьма нужной работы, а в качестве завершающего итога — составления диалектологического словаря говоров эвенков Якутии.

Ленинград *Г. Василевич*

ВВЕДЕНИЕ

Эвенкийский язык — единственный из языков своей группы, имеющий большое количество диалектов, делящихся на говоры. Все диалекты объединяются в три основные диалектные группы. До Великой Октябрьской социалистической революции по эвенкийскому языку были сделаны только лексические и фразеологические записи. Эти записи производились начиная с XVIII столетия — с первых экспедиций в Сибирь. Первое описание фонетики и морфологии урульгинских и маньковских эвенков уже в XIX в. сделал М. А. Кастрен. Материалы Кастрена после его смерти были обработаны и изданы академиком А. А. Шифнером.[1] Ценный материал в 1872—1873 гг. собрал от ербогоченских эвенков А. Чекановский, от вилюйских, верхне- и среднеамурских — Р. Маак.[2] Материал, собранный Чекановским, был также обработан и издан академиком Шифнером.[3] С 1919 по 1926 г. верхнеленских, северобайкальских и витимско-нерчинских (баунтовских) эвенков посетил Е. И. Титов, опубликовавший „Тунгусо-русский словарь" (Иркутск, 1926).

Планомерное изучение говоров эвенкийского языка началось в 30-е годы. Значительный вклад в их изучение внесла своими исследованиями Г. М. Василевич. В 1931 г. она впервые дала краткую характеристику основных особенностей диалектов (в предисловии к эвенкийскому букварю),[4] а в 1934 г. выпустила в Ленинграде „Эвенкийско-русский (тунгусо-русский) диалектологический словарь" (по говорам и диалектам к западу от Лены), с приложением карты распространения эвенкийских говоров и диалектов. В 1935 г. сотрудник Научно-исследовательской Ассоциации ИНСа З. Е. Черняков составил карту языков и наречий народов Севера, консультантом его по эвен-

[1] M. A. Castrén. Grundzüge einer Tungusischen Sprachlehre nebst kurzem Wörterverzeichniss. СПб., 1856.

[2] Р. Маак. Путешествие по Амуру (приложение-словарь верхне- и среднеамурских говоров). СПб., 1855.

[3] A. Schiefner. Alexander Czekanowskii tungusischen Wörterverzeichniss. Bulletin de l'Akademie Impériale des Sciénces, V, XXIV, St.-Pétersbourg, 1878.

[4] G. M. Wasilewic. Əlәkəsipti əwədi dukuwun. Moskwa (Г. М. Василевич. Первая эвенкийская книга. М., 1931).

кийскому языку была Г. М. Василевич. В 1948 г. Г. М. Василевич также в Ленинграде выпустила „Очерки диалектов эвенкийского (тунгусского) языка". В этом труде даны характеристики семи диалектов и четырех говоров восточной группы. В последнюю ее работу „Эвенкийско-русский словарь" (М., 1958) включены все собранные до 1955 г. лексические материалы с указателями говоров (28 500 слов). Вопросы диалектологии затрагиваются и в грамматических ее работах, например „Очерк грамматики эвенкийского (тунгусского) языка" (Л., 1940).

Имеется ряд работ и по отдельным говорам. Например, из южной группы диалектов описаны подкаменно-тунгусские говоры,[1] а также говор учамских эвенков,[2] говор наканновских эвенков Катангского района Иркутской области,[3] говор баргузинских эвенков,[4] а из восточной группы говор тугуро-чумиканских эвенков.[5] Некоторые материалы по лексике токкинских эвенков даны В. А. Горцевской.[6]

По материалам определенных говоров написаны также некоторые работы по отдельным вопросам грамматики эвенкийского языка. Например, работа Е. П. Лебедевой „Наречия места в эвенкийском языке" (Л., 1936) основана на материалах говора эвенков Северо-Байкальского района Бурятской АССР, „Категория лица в эвенкийском языке" (Л., 1940) А. Ф. Бойцовой — на материалах говора эвенков Тимптонского района Якутской АССР, работа В. А. Горцевской „Формы отрицания в эвенкийском языке" (Л., 1941)[6] — на материалах наканновского говора эвенков Иркутской области.

В настоящее время изучением говоров занимаются сотрудники Института языкознания АН СССР, уделяет этому вопросу внимание и кафедра языков народов Севера Ленинградского пединститута им. А. И. Герцена.

---

[1] В. Д. Колесникова. Основные черты фонетики и морфологии подкаменно-тунгусских говоров эвенкийского языка. Уч. зап. ЛГПИ им. Герцена, т. 101, 1954, стр. 29 — 49; В. А. Горцевская. Словарные особенности подкаменно-тунгусских говоров эвенкийского языка. Там же, стр. 49—70.

[2] Е. П. Лебедева. Основные особенности учамского говора эвенкийского языка. Уч. зап. ЛГПИ им. Герцена, т. 101, 1954, стр. 71 — 84.

[3] О. А. Константинова. Основные особенности говоров Катангского района Иркутской области. Уч. зап. ЛГПИ им. Герцена, т. 101, 1954, стр. 85—110.

[4] Н. Н. Поппе. Материалы для исследования тунгусского языка. Наречие баргузинских эвенков. Изд. АН СССР, Л., 1937.

[5] Т. З. Пукшанская. Говор эвенков Тугуро-Чумиканского района. Автореферат канд. дисс., Л., 1956.

[6] В. А. Горцевская. Некоторые особенности говора эвенков Токкинского района Якутской АССР. Научный бюллетень ЛГУ, 1948, № 20, стр. 37 — 38.

С 1958 г. в Якутском филиале Сибирского отделения АН СССР организовано изучение говоров эвенков, живущих на территории Якутской АССР.

Целью диалектологического исследования является выявление процесса взаимодействий эвенкийского и якутского языков. Отсюда и задачи: сбор материалов и анализ их, а также определение места говоров эвенков Якутии.

А. Мыреева.

А. В. Романова

ОЧЕРК ТОККИНСКОГО ГОВОРА

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ

В нашей диалектологической работе мы поставили перед собою следующие задачи:

а) показать фонетические, морфологические и синтаксические особенности говора и определить его отношение к другим говорам Олекминского диалекта;

б) показать некоторые особенности, сближающие данный говор с соседними говорами восточных диалектов;

в) проследить, в чем выражается влияние якутского языка на описываемый говор.

С этой целью в 1958 г. была организована диалектологическая поездка для изучения говора эвенков Олекминского района Якутской АССР. Работа проводилась в двух наслегах данного района — Токкинском и Киндигирском. Для сбора грамматических и лексических материалов на месте предварительно были составлены анкеты. Всего на месте изучения говора заполнено от осведомителей 25 анкет.

Токкинские и киндигирские эвенки на западе граничат с непскими эвенками, говорящими на южном секающем сибилянтном диалекте, и с ербогоченскими эвенками, говорящими на одном из северных хакающих диалектов, на юге — с каларскими и тунгирскими эвенками, говорящими на Витимо-Олекминском восточном секающе-хакающем диалекте, и на юго-востоке — с алданскими эвенками, говорящими также на одном из восточных диалектов.

В Токкинском и Киндигирском наслегах живут потомки следующих родов: Лалигир, Иңилас, Чакигир, Мӗтаткӑр, Букочар, Дойдуган (Сологон), Эгдэрэл, Каңагир, Сахылиткар. Представители рода Лалигир, живущие в Токкинском и Киндигирском наслегах, переселились из Нюкжинского и Алданского районов. Их немного — всего три семьи. Представители рода Иӧкӧткӑр переселились из Каларского района.

Эвенки Василий Федорович Девдевилов и Иван Егорович Трынкин рассказывали о прошлом территориальном расселении

представителей вышеуказанных родов. По их словам в верховьях р. Олекмы когда-то жили представители родов: Иŋэлас (Иŋэлахи), Чакагир, Мӗтаткӑр, Букочар, а по средней части р. Олекмы — представители рода Эгдэрэ̄л. Интересно отметить, что В. Ф. Девдевилов свое родовое происхождение относит к Сахылиткӑн, а его братья Е. Ф. Девдевилов, А. Ф. Девдевилов и сестра Т. Ф. Яковлева свое происхождение относят к роду Каŋаги. В. Ф. Девдевилов дал следующую (народную) этимологию названия „Сахылиткӑр": *минŋи амӑкӑнми энӑнин амӑнин бичэ̄. тар этиркэ̄н, коунокулӑ энэ мэдэвуврэ эмэксэ, иннӑктавӑн ихивки бичэ̄. Тарит нуŋанмӑн гэрбичэ̄л сахылиткӑн гуннэл: „тикин бу «Сахылиткар» бихив"* („у матери моего дедушки был отец. Тот старик, подкрадываясь незаметно, доходил до лежащего лося и теребил его шерсть. Поэтому и назвали его „Лисенок". Теперь мы именуемся „Лисятами").

Представители эвенков из рода Дойдуган (Сологон), живущие в Токкинском наслеге, по рассказам жителей данного наслега, также являются пришельцами из района г. Якутска. Схематически прошлое расселение предков эвенкийских родов, потомки которых живут в Токкинском и Киндигирском наслегах, дано Г. М. Василевич в ее „Словаре": „Лалигир — эвенки, жившие в XVII—XX вв. по рр. Алдану, Учуру, Амге, а в XX в. также в Чумиканском, Кур-Урмийском, Верхне-Селемджинском, Тимтонском и Нюкжинском районах..." „Иŋилас, Иŋэлахир — эвенки с рр. Алдан, Учур, Тимтон, Олекма, Тунгир". „Чакигир, Чачигир — эвенки Тунгир-Олекминского, Нюкжинского районов". „Мӗтаткӑр — эвенки Токкинского и Нижне-Олекминского районов". „Букочар — эвенки с рр. Нюкжа, Олекма, Тында, Тимтон, Нюкжинского и Джелтулакского районов". „Шологон, Шолон, Солон, Сологон — эвенки, жившие в XVII в. по рр. Синей и Алдан (истоки), Витим, Оленек (верховья), Вилюй, Силимба (система Зеи); в XIX—XX вв. — по рр. Амга, Ботомая, Вилюй, Зея (верхние притоки), Лена (около г. Киренск), Быстрая; в Томмотском, Тимтонском, Учурском районах". „Эгдырэ (Агдарил, Агдарим) — эвенки, жившие в XIX в. по р. Сым Туруханского района; в XIX—XX вв. — по рр. Олекма, Витим, Албазиха, Быстрая, Муя, Ика и оз. Баунт". „Каŋагир — эвенки Чумиканского, Верхне-Буреинского, Зейско-Учурского, Томмотского районов". „Екэ̄л, Екэ̄гир — эвенки Екогирского рода отмечены в XVII в. в Забайкалье, в районе озер Еравна, Иргень, Ярокле̄й, по р. Шилке; в XX в. — по рр. Витим, Калар, Калакан и на правых верхних притоках Амура".[1]

[1] Г. М. Василевич. Эвенкийско-русский словарь. М., 1958, стр. 577—581, 584—586.

Наши данные о токкинских эвенках совпадают с данными Г. М. Василевич, собранными ею в 1929 г. Таким образом, несмотря на пестроту этнического состава в указанных наслегах, большинство здешних эвенков являются представителями ранее распространенных в бассейне Олекмы родов: Иӈэлас, Чакигир, Мӗтаткӑр, Букочар. Остальные эвенки в этих наслегах составляют по 2—3 семьи одного происхождения.

Брачные связи между представителями различных родов эвенков бассейна Олекмы, верховий Алдана и витимского притока Калара приводили к общению токкинских и киндигирских эвенков с эвенками соседних районов, что отразилось на говорах.

Бывший Токкинский район как самостоятельная административная единица существовал до 1953 г., когда территория его была передана в состав Олекминского района. В этом последнем эвенкийское население было объединено в три колхоза: Тянский колхоз „Новая жизнь", Посовский колхоз „Первый шаг" и Киндигирский колхоз „Патриот".

В 1953 г. население колхозов „Новая жизнь" и „Первый шаг" было объединено в один колхоз „Путь коммунизма". Колхоз находится в поселке Тянь Токкинского наслега, расположенном на левом берегу р. Тянь, в 250 км от районного центра. Это поселок с новыми домами, со школой-интернатом, почтовым отделением, с клубом, больницей, баней, магазином, с домами для правления колхоза и Токкинского сельсовета. Клубом руководит совет, при клубе имеется библиотека, книжный фонд которой составлял в 1958 г. 5277 книг. Число читателей достигало 184 чел. Библиотека организовывала книгопередвижки по оленеводческим бригадам. Тяньская начальная школа открыта в 1933 г. В 1958 г. в ней обучалось 35 детей (18 эвенков, 15 якутов, 2 русских).

Колхоз „Путь коммунизма" включает 70 хозяйств, насчитывающих 264 чел. (из них эвенков 182, якутов 76, русских 6). Основной хозяйственной деятельностью колхозников является охота и оленеводство. Животноводство и овощеводство имеют подсобное значение. Колхоз имеет в своем хозяйстве 2565 оленей, 26 коров, 31 лошадь и 211 чернобурых лисиц.

Пастухи круглый год пасут оленей: осенью пригоняют оленей для охотников, а летом для экспедиций.

Пушная охота начинается с первых чисел октября и заканчивается в конце марта. Кроме того, выделены охотники на копытного зверя, доставляющие мясо для колхозников и зверофермы.

Имеются и постоянные бригады рыбаков. Добытая рыба в основном идет на кормление чернобурых лисиц зверофермы.

В весеннее и летнее время часть колхозников занимается сельхозработами и заготовкой сена для скота; часть работает в бригадах строителей — на строительстве жилых домов и заготовке стройматериалов. Летом 1958 г. такие бригады построили девять жилых домов и два дома на местах пастбищ, где зимуют оленеводы.

Каждая колхозная семья имеет собственный благоустроенный жилой дом с достаточным количеством мебели. Члены семьи одеваются во все покупное. Круглый год люди потребляют разнообразные продукты питания: рыбу, мясо, сахар, масло, молоко, картофель, крупы и макароны, и т. д.

В Киндигирском наслеге эвенки живут в колхозе „Патриот", в пос. Куду-Куол. Поселок расположен на левом берегу р. Олекмы, в 200 км от районного центра. В поселке, кроме жилых домов и административных зданий, имеется школа, медицинский пункт, клуб, почта, магазин, хлебопекарня, баня.

Колхоз „Патриот" объединяет 67 хозяйств (261 чел., из них эвенков 126, якутов 128, русских 7). В колхозном хозяйстве — олени, коровы, лошади; имеется звероферма. Колхозники живут в деревянных домах современного типа.

Все население Киндигирского наслега также обитает в деревянных домах.

Разговорным языком взрослых эвенков Токкинского наслега является эвенкийский, а молодежь и дети говорят на якутском языке. Поэтому молодежь плохо знает родной язык.

Эвенки Киндигирского наслега для взаимного общения пользуются якутским языком. Эвенкийский язык помнят лишь немногочисленные старики.

ФОНЕТИКА

§ 1. Состав гласных фонем и их комбинаторных вариантов точно такой же, как в говорах восточных диалектов (тунгирском, чульманско-гилюйском, зейско-учурском) и в северном илимпийском диалекте.

§ 2. Каждая гласная может быть как долгой, так и краткой: *āмӣ* 'сон', *амӣ* 'отец'; *ɔ̄хикта* 'звезда', *охӣкта* 'ноготь', *ӭрӣрэн* 'позвал (он)', *эрӣрэн* 'дышал (он)'.

§ 3. Комбинаторные варианты имеются у четырех фонем: 1) *э*, *ӭ*; 2) *ӭ*; 3) *а*; 4) *и*.

1) Варианты фонемы *э*, *ӭ*:

а) краткая *э*, следующая после слога с долгим *ā*, некоторыми эвенками из рода Инэлас и Чакагир произносится при нижнем подъеме языка: *сāрӭн* 'знает', *вāрӭн* 'убил (он)', *дӯлāвӭр* 'домой'; при таком же положении языка в двухсложных словах произ-

Таблица 1

Ряд / Подъем	передний		средний (смешанный)		задний	
	губные	негубные	губные	негубные	губные	негубные
Верхний		*и ӣ*	*ụ ụ̄*	*(ɪ)*	*у ӯ*	
Средний		*ē*	*(ọ) (ō)*	*э э̄*	*о ō*	
Нижний		*ē̤ (ӓ)*	*(æ)*	*(ạ)*		*а а̄*

Примечание: а) в скобках показаны комбинаторные варианты; б) различия между двумя фонемами *и* и двумя фонемами *у* не фиксировались.

носится и долгая *э̄*: *бичӣ̄н* 'был (он)', *гунчӣ̄н* 'говорил (он)'. Наряду с этим зафиксировано и литературное произношение фонемы *э*: *сӣ̄рэн* 'знает', *д'ӯ̄лӣ̄вэр* 'домой', *чӣ̄пэ* 'гнездо';

б) долгая *э̄* последнего слога после губной фонемы в предыдущих слогах лабиализуется и произносится при языке, несколько отодвинутом назад: *умӯ̄кō̤н* 'один', *улō̤к* 'хитрый', *эмӯ̄ккō̤кō̤н* 'одинокий', *мӯ̄рō̤лӣ̄* 'кругóм', *эмэ̄нмучō̤* 'остался (он)'.

Подобные варианты краткой и долгой *э* встречаются в произношении эвенков восточных диалектов (тунгирского, чульманско-гилюйского, сахалинского, зейско-учурского) и северного илимпийского говора (табл. 1).

2) Варианты фонемы *ē̤*:

а) долгая *ē̤* встречается только в первом слоге после согласного: *бē̤̄га* 'месяц', *сē̤̄кта* 'тальник', *сē̤̄кач* 'серьги';

б) фонема *ē̤* в исходном положении произносится при более низком подъеме несколько отодвинутого назад языка (*ē̤*), а в произношении некоторых эвенков — при еще более низком подъеме языка (*ǣ*): *ǣха* ~ *ē̤̄ха* 'глаз', *ǣкун* ~ *ē̤̄кун* 'что', *ǣлла* ~ *ē̤̄лла* 'уголь', *ǣда* ~ *ē̤̄да* 'затем', *ǣлаха* ~ *ē̤̄дӣ̄* 'когда угодно'.

Примеры: *ē̤̄да-ка си эчэс д'ӯ̄лӣ̄ви эмэрэ?* 'почему ты не пришел домой?'; *эр ē̤̄кун эмэрэн, ойбондукив йӯ̄рэн?* 'это кто пришел, из моей проруби вышел?'.

Произношение фонемы *ē̤* в исходном положении при более низком подъеме языка характерно для чульманско-гилюйского, сахалинского и зейско-учурского говоров восточных диалектов,[1] где она встречается в словах с опущенным *h* и в суффиксе *-чē̤̄н*: *ē̤̄кса* 'скала', *ē̤̄лаки* 'куропатка', *ē̤̄мурихи* 'холодный', *акӯ-*

[1] Г. М. Василевич. Очерки диалектов эвенкийского (тунгусского) языка. Л., 1948, стр. 231, 275, 300.

начēн 'братья', *экīнэчēн* 'сестры', *ēчкан* 'двухгодовалый олень'.

3) Вариант фонемы *а*:

в словах с ударением на втором слоге *иʌи* с другим гласным во втором слоге фонема *а* первого слога в произношении некоторых эвенков несколько редуцирована и продвинута вперед (*ạ*): *ạбӯн* 'шапка', *адıл* 'сеть', *хạвā* 'работа'.

Примеры: *си эр хạвāвạ сāнни?* 'ты знаешь эту работу?'; *урэлī агдı илтэнэн?* 'вдоль горы прошла гроза'.

4) Вариант фонемы *и* — *ı* смешанного ряда встречается только в сочетании со смычными *д* и *т: адıл* 'сеть', *тıру* 'подушка'.

§ 4. Губное притяжение (прогрессивное и регрессивное). Для токкинского говора характерно губное притяжение, как прогрессивное, так и регрессивное.

Примеры на прогрессивное притяжение: *хӱрӱрӱн* 'ушел (он)', *ӱрӱнӱн* 'обрадовался (он)', *ӱнкӱрӱн* 'пролил (он)', *сӱрӱвкӱл* 'унеси'.

Нэлэчик гӱнэн: „бэйэл, эр ēкун-нун бӱрӱрӱн?“ 'Нэлэнчик спросила: „Люди, это что-то ваше упало?“'.

Примеры на регрессивное притяжение: *ӱмӱрэ̄н ~ эмурō̄н* 'жир' (лит. *имурэн*), *ӱмӱксэ ~ эмӯксэ* 'сало' (лит. *имуксэ*), *ọмӱвкō̄л ~ эмӱвкọл* 'принеси', *тıру ~ турӯ* 'подушка', *тıкулмī ~ тукулми* 'сердиться', *дıӈутмī ~ дуӈутмī* 'защищать', *дıлкэ̄н ~ дулкō̄н* 'муха'.

Губное притяжение характерно для некоторых говоров восточных диалектов (томмотского, тунгирского, чульманско-гилюйских, зейско-учурских и сахалинского), встречается также в отдельных говорах северного илимпийского диалекта (табл. 1).

§ 5. Соответствия гласных.

1) Звукам *и* в середине слова порой соответствует *у*: *саримикта ~ саримукта* 'бровь', *ӈимиктэ ~ ӈимуктэ* 'брусника', *ӈигинан ~ ӈигунан* 'подсмотрел (он)'.

2) Звуку *э*, *ē* в начальном положении может соответствовать *и: эрбэк ~ ирбэк* 'большой палец', *эллэри ~ иллэри* 'долина', *ēлаки ~ илакī* 'куропатка', *ēлаха ~ илаха* 'в какое время года'.

§ 6. Удлиненные гласные. По-видимому, под влиянием фонетики якутского языка долгие гласные в произношении многих эвенков слышатся с долготою еще более значительной, чем в литературном эвенкийском языке:[1] *бии* 'я', *аӈии* 'женщина', *буу* 'мы', *уӈии* 'уздечка'.

§ 7. Закон гармонии гласных, в качестве общеэвенкийского, действует и в описываемом говоре.

[1] Удлиненная долгота гласного обозначается удвоением буквы.

После слова с недолгим гласным *а* могут следовать слоги с *а*, *у*, *и*: *адıлва* 'сеть', *надан* 'семь', *талу* 'береста'.

После слога с недолгим гласным *о* могут следовать слоги с *ō* (*оо*), *ӯ* (*уу*), *ӣ* (*ии*), после же слога с *у* и *о* следует *а*: *оӈко* 'ягель', *долбо* 'ночью', *оӈкочō* 'кормился (он)', *олōчō* 'бродил (он)' *коӈнокува* 'лося', *долбонīва* '(всю) ночь'.

После слога с *э* могут следовать с *э* ~ *ạ* ~ *ọ*, *ē* ~ *ō*, *у* (*уу*), *ī* (*ии*), *ā* (*аа*): *эмкэр* 'берег', *эргīт* 'с этой стороны, отсюда', *эвīвӯн* 'игра', *эмēнмучō* 'остался (он)'.

После слога с долгим *а* могут следовать слоги с *ā*, *а* ~ *э*, *ӯ* (*уу*), *и* (*ии*): *нāлэ* ~ *нāла* 'рука', *нāлэдуви* 'в своей руке', *вāнāхинэн* ~ *вāнāхинаӈ* 'отправился (он) на охоту', *сāрэн* ~ *сāраӈ* 'знает', *сāчāлдӯ* 'узнавшим (например, стал)'.

После слога с долгим *ō* могут следовать слоги с *а*, *ā* *ӯ* (*уу*), *ī* (*ии*): *ōран* 'перекат', *мōдук* 'с дерева', *мōлī* 'через дерево'.

§ 8. Состав согласных фонем — точно такой же, как и в прочих эвенкийских диалектах.

1) переднеязычные *д*, *т*, *ч*, *н*, *л*, *с*, *р*: *дıл* 'голова', *адıл* 'сеть', *талу* 'береста', *чучун* 'прямой скребок', *нанна* 'шкура', *иманна* 'снег', *олло* 'рыба', *ӱллэ* 'мясо', *сēн* 'ухо', *сӱкэ* 'топор', *орон* 'олень', *мурин* 'конь', *упкат* 'все', *авӯн* ~ *агшӯн* 'шапка', *мӯ* 'вода', *эмэврэн* 'принес (он)';

Таблица 2

По способу образования			По действующему органу					
			губно-губные	губно-зубной	передне-неязычные	средне-язычные	задне-язычные	гортанные
Шумные	смычные	глухие	*п*		*т*, *ч*		*к*	
		звонкие	*б*		*д*	*д′*	*г* (*ɣ*)	
	щелевые	глухие			*с*		*х*	
		звонкие	(*w*)	*в*		*й*	(*ɦ*)(*ɣ*)	(*h*)
Сонорные	носовые		*м*		*н*	*н′*	*ӈ*	
	боковые				*л*	*л′*		
	дрожащие				*р*			

Примечание. В скобках приведены варианты фонем.

2) среднеязычные *д'*, *н'*, *й*, *л'*: *д'элӣ* 'таймень', *н'ама* 'тепло', *айа* 'хорошо', *мул'э* 'десна';

3) заднеязычные *г*, *к*, *ŋ*, *х*: фонема *г* встречается в исходном положении и в сочетании с согласным, а в интервокальном и конечном положениях употребляется ее комбинаторный вариант *ɣ*: *гугда* 'высокий', *гаɣил* 'лебеди', *д'агдаɣ* 'сосняк'; щелевая глухая *х* обычно стоит в начальном положении, в интервокальном она озвончается в *ɦ*: *хокто* 'дорога'; *аɦӣ* 'женщина', *уɦӣ* 'уздечка'; *эɦӣл'э* 'теперь', *коŋнорин* 'черный', *ŋӑлэ* 'рука'.

§ 9. Среднеязычный *й* встречается внутри следующих слов: *айа* 'хорошо', *бэйэ* 'человек', *байан* 'богатый'. В начале слогов он сочетается с гласными *у*, *о* в отдельных словах: *йӯктӯ* 'родник', *йӯми* 'выйти', *йэкӯ* 'якут'. Сочетания же *йэ*, *йа*, как в якутском, в большинстве случаев заменяются сочетаниями *д'э*, *д'а*: *д'эгин* 'девять', *д'аŋ* 'голец', 'гора'; *д'аɦик* 'ящик'.

Примеры: *д'эгин мэŋэтулбэ вāчӑм* 'я убила девять диких оленей'; *Нэлэнчик ороконми даɦиккāндӯви дирэн, тадук эвид'эллэн* 'Нэлэнчик игрушку-оленчика положила в ящик и стала играть'; *нуŋартин д'удук йӯрэ д'эгин бинэл* 'они вышли из дому, их было девять'.

В исходном положении фонема *й* выступает в следующих словах: *эбэй* 'медведь', *дулӗй* 'глухой', а также в суффиксе *-тай*: *ахиитай* 'с женой'.

§ 10. Начальный *с* ~ *х*. Для токкинского говора характерны особенности восточного диалекта, а именно: в начале слова, преимущественно в сочетании с широкими гласными *а*, *о*, *э*, употребляется *с*: *сāрэн* 'знает', *сӑ айа* 'очень хорошо', *сэктэ* 'ветка'. В сочетании же с узкими гласными *и*, *у* и со средним гласным *ӗ* обычны оба варианта: *сӣ* ~ *хӣ* 'ты', *сирӯ* ~ *хирӯ* 'производитель', олень; *сӯ* ~ *хӯ* 'вы'; *сукэ* ~ *хукэ* 'топор', *сӗкта* ~ *хӗкта* 'тальник', *сӗкāн* ~ *хӗкāн* 'серьги'.

Параллельное употребление *с* ~ *х* в начальном положении характерно для соседних говоров:

Токкинск.[1]	Тунгирск.	Чульманско-гилюйск.	Томмотск.
сӯрӯрӯн ~ *хӯрӯрӯн* 'ушел (он)'	*сӯрӯм* ~ *хӯрӯм* 'ушел (я)'	*сӯрӯм* ~ *хӯрӯм* 'ушел (я)'	*сӣ* ~ *хӣ* *сӯ* ~ *хӯ* 'вы'
сирэн ~ *хирэн* 'погасил (я)'	*сулаптан* ~ *хулаптан* 'остался (он)'	*сигдилӭ* ~ *хигдилӭ* 'промежуток'	*сулакӣ* ~ *хулакӣ* 'лисица'

[1] Примеры взяты из кн.: Г. М. Василевич. Очерки диалектов..., стр. 182, 200, 233, 303.

сēкан ~ хē-кан 'серьги'	*суптім ~ хуптім* 'ушел вперед (он)'	*сēкта ~ хекта* 'тальник'

Фонема *х*, озвончаясь в *h* в интервокальном положении, иногда переходит в звонкий щелевой *γ*: *кӯhин ~ кӯγин* 'драка', *ӯhā ~ ӯγā* 'уздечка', *ŋэнэhинд'эрэн ~ ŋэнэγинд'эрэн* 'уходит'.

Примеры: *эр ēда тікэн олгоγинчакӯттан, ēда н'āн д'алупиγинчакӯттан?* 'почему так быстро высох, почему опять наполнился?'

Такое произношение наблюдается у отдельных эвенков Токкинского наслега. Это отмечено также в тунгирском, зейском и чульманско-гилюйских говорах.[1]

§ 11. Начальный *h*.

1) В говоре токкинских эвенков начальный *h* может либо опускаться, либо сохраняться:

Токкинск.	Тунгирск.	Чульманско-гилюйск.	Томмотск.	Значение [2]
(h)унāт	*(h)унāт*	*(h)унāт*	*(h)ӯнāт*	'девушка'
(h)ӯтэ	*(h)ӯтэ*	*(h)ӯтэ*	*(h)ӯтэ*	'сын'
(h)алка	*(h)алка*	*(h)алка*	*(h)алка*	'молот'
(h)окто	*(h)окто*	*(h)окто*	*(h)окто*	'дорога'

Опускание начального *h* отмечается в соседних говорах восточных диалектов.

2) В произношении некоторой части молодежи начальный *h* под влиянием письменного якутского языка произносится как *с: hунāт ~ сунāт* 'девушка', *hокто ~ сокто* 'дорога', *hāрaн ~ сāрaн* 'стоянка',

Это отмечено также в томмотском говоре.

§ 12. Наряду с указанными фонетическими признаками восточного диалекта описываемый говор имеет и некоторые особенности, частично связанные с влиянием фонетики якутского языка и характерные для соседних говоров (олекминского, чульманско-гилюйского и томмотского).

1) Вместо согласного *w* между гласными иногда употребляется *б*: *абӯн* 'шапка', *локобӯн* 'вешалка', *хубӯн* 'пила', *сулабувкā* 'остается'.

Примеры: *бӯ мōлба хубӯн'ди хӯчāбун* 'мы пилой пилили дрова'; *унāт кунгуби локобӯндӯ локорон* 'девушка повесила пальто на вешалку'.

---

[1] Г. М. Василевич. Очерки диалектов. . ., стр. 201, 236, 263.

[2] Значение слова в правом столбце указывается лишь в случаях, когда оно общее для всех примеров целой строки.

2) Как и у большинства восточных говоров, в именных частях речи в форме множественного числа, винительного падежа, а также в возвратно-притяжательных суффиксах единственного числа и множественного числа наблюдается замена *ш* согласным *б: мэ̄рбэр* 'самих себя', *эӈнэкэ̄рбэ* 'телят', *куӈакā̄рбэ* 'детей', *адɪлɪлбар* 'свои сети', *адɪлби* 'свою сеть', *оллолбо* 'рыбы'.

Примеры: *этɪркэ̄н эр качикā̄рба улɪ̄рэн* 'старик накормил этих щенков'; *нуӈартɪн мэ̄нӈɪлбэр кӯнгӯлбӯр тэттэ* 'они надели свои шубы'; *тар акнɪ̄лби гэрбилтɪн Тунɪ̄всая Гидавсан'ун* 'имена моих братьев Тунивса и Гидавса'; *постухил оробор постуд'ара* 'пастухи пасут своих оленей'.

3) В тех случаях, когда фонема *ш* попадает в сочетание с губным гласным *у* следующего слога, она не переходит в *б/п: сӯрӯ̆шрӯ̆н* 'унес (он)', *ɵмӯ̆шрɵн* 'принес (он)', *сӯрӯ̆шкӯл* 'унеси'.

4) В произношении отдельных лиц *ш* перед согласными *д* или *л* переходит в *г*: *совдоптӯ̆н → согдоптӯ̆н* 'пояс', *авлā̄н → аглā̄н* 'поляна'.

§ 13. Наблюдается ассимиляция согласных, как прогрессивная, так регрессивная.

1) Кроме общеэвенкийской прогрессивной ассимиляции в говоре ассимилируются согласные возвратно-притяжательных суффиксов после суффикса отложительного падежа (*-дук*) и после суффикса отчуждаемой принадлежности *-ӈ*: *д'ӣ̄дукпи ~ д'ӣ̄дукки* 'от своего дома', *тарɪӈми ~ тарɪӈни* 'этого'.

д'ā̄ндɪӈин ӯ̆тэвэ балдɪвум тарɪндукки наданматɪн хэгдɪливкэ̄ним 'я родила четырнадцать детей, из них вырастила семерых'.

Регрессивная ассимиляция характерна для сочетаний звонкого согласного в с глухим: *эвтэ ~ эптэ* 'легкое (в организме)', *ɪ̄вкэ̄нэн ~ ɪ̄пкэ̄нэн* 'заставил (он) войти'.

Дистанционная регрессивная ассимиляция согласного *ч* имеет место лишь в случаях, когда в середине слова имеется еще один звук *ч*: *чачари* 'двухгодовая важенка', *чучаран* 'убежал (он)', *чукчаран* 'разбил (он)'.

Это характерно для всех эвенкийских говоров, имевших связи с бурятским языком, в частности для витимского, верхнеолекминского и зейского диалектов.[1]

§ 14. Наряду с ассимилированными сочетаниями *нн, нм* в отдельных словах встречаются неассимилированные *рн, рм: нонно ~ норно* 'рысь', *иманна ~ имарна* 'снег', *иланмā̄н ~ илармā̄н* 'тройной'.

тɪкса илармā̄нд'и талут ӯ̆лливчэ̄ 'берестяная покрышка сшита из трех слоев бересты'.

---

[1] Там же, стр. 200, 203, 234, 235, 264.

2 А. В. Романова и А. И. Мыреева

38404

Таб

Соответствие некоторых

	Говоры восточных		
	токкинск.	тунгирск.	чульманско-гилюйск.
э ~ а̣ после *ā* в следующем слоге	*сāрэн ~ сāра̣н*	*сāрэн ~ сāра̣н*	*сāрэн ~ сара̣̄н*
	д'ӯлāвэр ~ д'ӯлāвар	*д'ӯлāвар*	*д'ӯлāвар*
э ~ а̣̄ в конечном слоге	*бичэ̄н ~ бича̣̄н*	*бичэ̄н ~ бича̣̄н*	*бичэ̄н ~ бича̣̄н*
э ~ о̣̄ в последнем слоге после *у*	*ʻӯмӯко̣̄н*	*ӯмӯко̣̄н*	*ӯмӯкэ̄н*
е ~ ē	*ēкун*	*ēкун*	*ēкун*
	ēха	*ēха*	*ēха*
	ēлла	*ēлла*	*ēлла*
губное притяжение:			
у	*хӯрӯрӯн*	*сӯрӯрӯн*	*хӯрӯрӯн*
	ӯрӯнӯн	*ӯрӯнэн*	*ӯрӯнӯн*
и ~ у	*саримāкта ~ сарумӯкта*		
э ~ и	*эрбэк ~ ирбэк*	*эрбэк*	
I ~ у	*тіру ~ туру*	*тіру*	*тіру*

Примечание: Материалы говоров и диалектов, кроме описываемого, взяты

Тем не менее в словах *согдонно* ʻспинаʼ, *нанна* ʻшкураʼ и нек. др. ассимилированные сочетания *нн* остаются.

§ 15. Оглушение конечного смычного согласного. В произношении эвенков из рода Мēтаткāр, Чакагир и Инэлас наблюдается оглушение *г* в конце односложных слов, что объясняется влиянием фонетики якутского языка, для которого характерно отсутствие конечных звонких согласных: *гāӈ ~ гāк* ʻлебедьʼ, *д'эӈ ~ д'эк* подбородок.

§ 16. Соответствия согласных.

1) Некоторые эвенки родов Мēтаткāр и Йэкēткāр в начале отдельных слов заменяют *м* согласным *н'*: *мēван ~ н'ēван* ʻсердцеʼ, *мэрбэкэ̄ ~ н'ēрбэкэ̄* ʻхолмʼ.

2) Отдельные представители родов Чакагир и Кацаги в начале слова употребляют *м* вместо *н*: *нōним ~ мōним* ʻдлинныйʼ, *нанмакта ~ мармакта* ʻкомарʼ.

лица 3

гласных фонем

диалектов		Говоры северных диалектов		Значение
сахалинск.	зейско-учурск.	илимпийск.	ербогоченск.	
сāрэн ~ сāраn	*сāрэ ~ сāрa*	*хāраn*	*хāрэн*	'знает'
д'ӯскīшар ~ д'ӯлāшaр	*д'ӯлāшaр*	*д'ӯлāвaр*	*д'ӯлāвэр*	'домой'
бичэ̄н	*бичэ̄н*	*бичэ̄н*	*бичо̄н*	'был (он)'
ӯмӯн	*ӯмӯкэ̄н*	*ӯмӯкэ̄н*	*ӯмӯко̄н*	'один'
ēкун	*ēкун*	*ēкун*	*ēкун*	'что'
ēха	*ēха*	*ēха*	*ēса*	'глаз'
ēлла	*ēлла*	*ēлла*	*ēлла*	'уголь'
сӯрӯкул	*сӯрӯрӯн*	*хӯрӯрӯн*	*хурӯрун*	'ушел (он)'
ӯрӯнӯн	*ӯрӯнӯн*		*ӯрӯнэн*	'обрадовался (он)'
саримукта	*саримукта*	*харимикта*	*харимикта*	'брови'
hӯрӯгӯн	*hӯрӯгӯн*	*эңкā*	*эңкā*	'большой палец'
тīру	*тīру*	*тīру*	—	'подушка'

из кн.: Г. М. Василевич. Очерки диалектов. . .

3) Иногда в первом слоге слова вместо *л* употребляется *р*: *илгинчикэй ~ иргинчикэй* 'мизинец', *илкэ̄н ~ иркэ̄н* 'метка (дорожная)'.

4) В некоторых словах *т* заменяется согласным *ч*: *тид'аки ~ чид'аки* 'мышца голени', *типала ~ чипала* 'глина, грязь'.

5) Также в некоторых словах *с* заменяют согласным *ч*: *соковӯн ~ чоковӯн* 'ковш', *соксо ~ чоксо* 'ловушка'.

§ 17. Палатализация согласных.

1) В произношении эвенков рода Чакагир наряду с непалатализованным *л* употребляется палатализованный *л'*: *кӯл'пэк* 'унты', *мул'э* 'десна', *ӯл'ӯкā* 'белка'.

Примеры: *аңии кӯл'пэквэ ӯллāд'эрэн* 'женщина шьет унты'; *нинакин ӯл'ӯкīвэ гоɒод'орон* 'собака лает на белку'.

2) Эвенки Токкинского и Киндигирского наслегов произносят притяжательный суффикс лично-притяжательных местоиме-

Таб

Соответствие некоторых

	Говоры восточных		
	токкинск.	тунгирск.	чульманско-гилюйск.
в ~ *б* в интервокальном положении	*ав̄ун* ~ *аб̄ун* 'шапка'	*авун* 'шапка'	*сэ̄хэбэс* 'кровь твою'
в ~ *б* после сонантов *р*, *л*	*ororво* — *ororбо* 'оленей'	*ororво* 'оленей'	*ororво* 'оленей'
	дiлилва ~ *дiлилба* 'головы' (вин.)	*ӯтэкэ̄рбӣ* 'дети мои'	*(h)ӯтэ̄лбэ* 'детей'
в ~ *п* ~ *к*	*д'ӯдукки* 'из дома'	*'дамгарукка'* 'табакерку'	*д'ӯдукки* 'из дома'
с ~ *h*	*ахи*~*ahī*	*ahī*	*ahī*
с ~ *ч*	*чачарī* 'важенка' *чуча-* 'убежать'	*чачари* 'важенка' *чуча-* 'убежать'	*чачарī* 'важенка' *чуча-* 'убежать'
нн ~ *рн* ~ *нд*	*нонно* ~ *норно* 'рысь'	*маннi* ~ *марни* 'крепкий'	*норно* 'рысь'
рм ~ *нм*	*иланмāн* ~ *илармāн* 'тройной'	*авданна* ~ *авдарна* 'лист'	*илармāн* 'тройной' *надарну* 'семь хозяйств'
лл ~ *лд*	*олло*	*олло*	*олло*
л ~ *р*	*илгинчикэй* ~ *иргинчикэй*		
т ~ *ч*	*тiд'акī* ~*чид'акī*	*чид'акī*	

ний 1-го и 2-го лица множ. ч. как *-н'у*, вместо *-ӈи*: *мунӈи* — *мунн'у*, *сунӈи* — *сунн'у*.

Они же палатализируют начальный *н* показателя совместного падежа *-нун*: *Апанас hӯтэн'ӯнми бэйӯhинд'эрэн* 'Афанасий вместе с сыном отправляется на охоту'.

§ 18. Ниже (включая таблицы 3 и 4) даются сводные материалы о некоторых фонетических сходствах и различиях между говорами и диалектами эвенкийского языка.

лица 4

согласных фонем

диалектов		Говоры северных диалектов		Значение
сахалинск.	зейско-учурск.	илимпийск.	ербогоченск.	
д'эбӯм 'ем'	*д'эбувкāл* 'едят'	*хӯбӯн* 'пила'	*авӯн* 'шапка'	
улабум 'промок (он)'	*эмэбувкāл* 'приносит'	*кōбукта* 'шиповник'		
бэрилбун 'ружья наши'	*д'урба* 'двух'	*олдолбо* 'рыб' (вин.)	*орорбо* 'оленей'	
сулакāлби 'лисы свои'	*сулакилби* 'лисы свои'	*адɪлибар* 'сети свои' (вин.)	*д'āлби* 'родственники мои'	
хутэ̄дукки 'от ребенка'	*звэ̄дӯкки* 'от бабушки'	*д'ӯдукки* 'из дома'	*д'ӯдуквар* 'из дома'	
ahā	*ahи ~ aγи*	*ahā*	*ahā*	'женщина'
	чуча- 'убежать' *чукча-* 'разбить'	*чукча-* 'разбить'	*хачарā* 'важенка' *чуча-* 'убежать'	
иманна 'снег'	*иманда* 'снег'	*нандра* 'кожа'	*нанна* 'кожа'	
иланмāн 'тройной'			*иланмāн* 'тройной'	
олло	*олдо*	*олдо*	*олло*	'рыба'
чимиткā	*чимиткā*	*никāкā*	*накакā*	'мизинец'
тɪд'акā	*тɪд'акā*	*чилки*	*чилки*	'мышца'

Фонетические отличия токкинского говора от литературного эвенкийского языка

Токкинск.	Литературн.	Значение
æха ~ ē̆ха	*ēса*	'глаз'
æкун ~ ē̆кун	*ēкӯн*	'что'
æла ~ ē̆лла	*ēлла*	'уголь'
æда ~ ē̆дā	*ēдā*	'зачем'

æлаха ~ ēлаха	*ēлаха*	'когда'
ēкса	*хēкса*	'скала'
ēлаки	*хēлакӣ*	'куропатка'
ēмурихи	*хемурихӣ*	'холодный'
акӯначēн	*акӯнасал*	'братья'
экинэчēн	*экӣнэсэл*	'сестры'
бии	*би*	'я'
бӯӱ	*бӯ*	'мы'
ачии	*асӣ*	'женщина'
хӱрӱрӱн	*сӱрӱрэн*	'ушел (он)'
ӱрӯнӱн	*ӱрӱнэн*	'обрадовался (он)'
ӱнкӯрӱн	*ӱнкӱрэн*	'пролил (он)'
умӯрēн ~ эмӯрӉн	*имӱрэн*	'жир'
умӯксэ ~ эмӯксэ	*имӱксэ*	'сало'
сӱрӱвкул	*сӱрӱвкэл*	'неси'
ӎмувкэл	*эмэвкэл*	'принеси'
д'эгин	*йегин*	'девять'
д'аӈ	*йаӈ*	'голец'
д'ахик	*йасик*	'ящик'
чачарӹ	*сачарӣ*	'двухгодовалая важенка'
чучаран	*сучаран*	'убежал (он)'
чукчаран	*сукчаран*	'разбил (он)'

МОРФОЛОГИЯ

Словоизменение и словообразование имен

§ 19. О грамматическом числе. Формы множественного числа одинаковы для всех именных частей речи, а частично также и для глагольных (глагольно-именные формы, деепричастия).

Наряду с общеэвенкийскими суффиксами множественного числа *-л* (после гласных), *-сал ~ -хал*, *-р* (после основ на *-н*, *-р*) слова, оканчивающиеся на гласные, могут принимать суффикс множественного числа *-хал*, который придает значение собирательности: *омолгил ~ омолгихал* 'парни', *гаӷил ~ гаӷихал* 'лебеди', *байар ~ байахал*' богатые'. Суфф. *-хал ~ -сал* имеет значение собирательности во многих говорах.[1]

Словообразовательный суфф. *-ган* выражает значение множественности и собирательности в слове *сагдаӷан* 'старшие'. В таком же значении иногда употребляется форма единственного числа имен — названий по месту жительства:

[1] Там же, стр. 28, 142, 236, 265, 306.

солоӈон эмэрэ 'приехали верховские'; *сагдаӈан колхостӯвар хавалд'ара* 'старшие работают в колхозе'; *солоӈон коӈнокува вачал* 'верховские убили лося'.

§ 20. Падежи. Падежные формы одинаковы для всех именных частей речи и глагольно-именных форм. В говоре встречаются все падежи, которые известны в эвенкийском языке. Однако ряд падежей, кроме основных, имеет еще дополнительные значения, которые составляют характерную особенность исследуемого говора и группы говоров олекминского диалекта.

1) Звательный падеж с суффиксом *-йа* употребляется только при обращении к родственникам, кроме того, некоторые эвенки рода Букочар суфф. *-йа* осложняют суффиксом множественного числа *-л*, причем сохраняется значение единственного числа и приобретается оттенок ласкательности.

Торгянэй, акпйал, эриӈис эрӯкӯн, иктэлд'иви кикчавкп, бхивкп 'Торганэй, братец, это плохой, зубами кусает, когтями царапает'; *ӱтэйэл, ёкӯнма бд'ачас д'ӯлави энэ эмэрэ?* 'что ты делал, сынок, не приходя домой?'.

2) Творительный падеж, выражая значение орудия действия, материала и способа передвижения, оформляет также лицо, производящее совместное действие. Порядковые числительные в творительном падеже имеют значение времени действия, а определяемое слово 'день' в таких случаях принимает форму дательного падежа:

би hӱтэлд'иви, ахптпи Олокнолб нӱлгичэм 'я со своими детьми и с женой переехал на Олекму'; *нуӈан ахптпи олломброн* 'он со своей женой уехал рыбачить'; *нунартӣн элэ надӣтпар инэӈдӱ эмэчэтин* 'они приехали сюда на седьмой день'.

Вышеуказанные значения творительного падежа отмечены в тунгирском и чульманско-гилюйских говорах.[1]

3) Суффикс совместного падежа имеет палатальный *н'*: *-н'ун*. Совместность выражается также суффиксами *-тай, -нан* (*-нэн*). Но последние отличаются от *-нун* тем, что суфф. *-тай* включает значение притяжательности, а суфф. *-нан* (*-нэн*) выражает совместность, когда речь идет о родственниках или людях, состоящих в близких отношениях. Наряду с *-нун* имеется суфф. *-лун*, заимствованный из якутского языка. Употребляется этот суффикс только в тех случаях, когда необходимо выразить совместность:

энпкэн хӱтэн'ӱнми д'ӯдӱви эмэнмӱрэн 'бабушка со своим внуком осталась дома'; *этіркэн омолптай постуд'ара* 'старик со своим сыном пасут [оленей]'; *упкат курча авдӯлун кол-*

[1] Там же, стр. 205, 237.

хостӯ колбончошун 'все, вместе со скотом, объединились в колхоз'; *постух оролун эмэ·ӣвэ мэŋэтӯвэ вачӣ* 'пастух убил дикого оленя, пришедшего с [домашними] оленями'; *этиркӣн атиркӣтай городмӣран* 'старик со старухой поехали в город'; *нуŋан нэкӯнӣн олломорон* 'он с младшим братом отправился рыбачить'.

4) Местный падеж, помимо обозначения места, лица или предмета, к которому направлено действие, также служит для выражения времени при обозначении еще не исполнившегося числа лет:

эр угучак илпӣви аннанпӣ исчаран 'этому верховому оленю скоро исполнится три года (букв.: этот верховой к третьему своему году доходит)'; *унӣд'им надīӣви аннанпӣ ŋэнэд'эрэн* 'моей дочери идет седьмой год (букв.: моя дочь к седьмому своему году идет)'.

5) Суффикс винительного падежа, в силу фонетических особенностей говора, имеет несколько вариантов: *-ба* (*-бэ*, *-бо*), а также ассимилированные: *-па* (*-пэ*, *-по*), *-ка* (*-кэ*, *-но*), *-ŋа* (*-ŋэ*, *-ŋо*).

Примеры: *ŋинакин ороробо гоɣод'орон* 'собака лает на оленей'; *ahӣл тар оŋкучӣкка гэлӣктэллэ* 'женщины стали разыскивать ту яму'; *нуŋан тариŋŋан лангаличӣ, компаритчӣ* 'он схватил того и разбил'; *эгдīкӯнмэ ӣмутпа ичэрэв* 'мы увидели большое озеро'.

Указанные варианты суффиксов винительного падежа встречаются также в зейско-учурском говоре.[1]

6) Показатель направительного падежа имеет варианты: *-ткӣ ~ -ткаки*.

Примеры: *ŋинакин бираткӣ гоɣод'орон* 'собака лает в сторону реки'; *куŋакӣн бираткӣкӣ ŋэнэд'эрэн* 'ребенок идет по направлению к реке'; *би ӯрэткӣкӣ бултанӣд'ӣнӣв* 'я пойду охотиться к горе'.

7) Направительно-местный и направительно-продольный падежи в токкинском говоре употребляются редко.

Остальные падежные формы — общеэвенкийские.

§ 21. Притяжательные формы имен.

Лично-притяжательные суффиксы.

Мы видим, что 1-е л. ед. ч. и 1-е л. множ. ч. имеют по два варианта суффиксов: *-в ~ -м* (ед. ч.), *-вун ~ -бун* (множ. ч.); также по два варианта суффиксов — *-сун ~ -hун* — имеется во 2-м л. множ. ч. В 3-м л. ед. ч. суфф. *-н*, во множ. ч. — *-тин*. Употребление суфф. *-м* в 1-м л. ед. ч. независимо от конечного звука основы, по-видимому, заимствовано из якутского языка.

[1] Там же, стр. 204.

Таблица 5

Фонетические изменения лично-притяжательных суффиксов в зависимости от конечного звука основы

Число и лицо	Конечный звук основы		Суффиксы множ. ч.		
	гласн.	согласн.	*-н*	*-р*	*-л*
Ед.	'нож'	'сеть'	'олень'	'олени'	'дома'
1-е	*кото-в*	*аділ-и-в*	*орон-ми*	*орор-ви*	*д'ӯл-ви*
	кото-м	*аділ-и-м*	*орон-и-м*	*орор-би*	*д'ӯл-би*
2-е	*кото-с*	*аділ-и-с*	*орон-ни*	*орор-ри*	*д'ӯл-ли*
3-е	*кото-н*	*аділ-и-н*	*орон-и-н*	*орор-и-н*	*д'ӯл-и-н*
Множ.					
1-е искл.	*кото-вун*	*аділ-вун*	*орон-бун*	*орор-вун*	*д'ӯл-вун*
	кото-бун	*аділ-бун*	*орон-мун*	*орор-бун*	*д'ӯл-бун*
1-е вкл.	*кото-т*	*аділ-и-т*	*орон-ті*	*орор-ті*	*д'ӯл-ті*
2-е	*кото-сун*	*аділ-лун*	*орон-нун*	*орор-рун*	*д'ӯл-лун*
	кото-ɦун	*аділ-и-ɦун*			
3-е	*кото-тін*	*аділ-и-тін*	*орон-тін*	*орор-тін*	*д'ӯл-тін*

Примеры: *хэгдэ̄гӯм омолгӣм д'а̄нд'апкӯчӣ, н'идэ̄гӯм хуна̄д'им д'а̄чӣ* 'старшему сыну восемнадцать, младшей дочери девять'; *минӈидӯ бригададӯв мэ̄нд'ив д'эгин бэйэ хавалд'аран* 'в моей бригаде со мной работает десять человек'; *су сӯкэхун ӗкӯнма-да̄ эхин этэрэ* 'ваш топор тупой, ничего не рубит'; *орорбун ӗкӯндук-вал хуктӣллэ* 'наши олени убежали от кого-то'; *минӈи дігим ӯтэм оскӧладӯ татчаран* 'мой четвертый ребенок учится в школе'; *сӯ̆ дагалгӈун би тэ̄ӈэктэ* 'около вас я сяду'; *нуӈан оронин ӯрэдӯ̆ бид'эрэн* 'его олень находится на горе'.

§ 22. Возвратно-притяжательные суффиксы единственного и множественного числа имеют по два варианта: *-ви ~ -би*, *-вар ~ -бар*, а после основ с глухими согласными *-пи* и *-пар*.

Примеры: *та̄дук эвэскӣ мэ̄ннидӯ̆ви колхостӯви совхогӣт хавалд'ам* 'с тех пор в своем колхозе работаю завхозом'; *нуӈан аділби тӯлэнэ̄рэн* 'он отправился ставить сеть'; *бу оробор постуд'арав* 'мы своих оленей пасем'; *би хуна̄ттӣ элэ̄ктэд'эм* 'я ищу свою дочь'; *нуӈан надівӣ оронми кол-*

хостук гача 'он своего седьмого оленя взял из колхоза'; *би д'ӯлэдӯви бихӣвэ куӈакӑнма эчэв тӑкта* 'я не узнал ребенка, находившегося впереди меня'.

Эти варианты суффиксов характерны для чульманско-гилюйских и сахалинских говоров.[1]

§ 23. Суффикс относительной принадлежности *-ӈ* отмечен нами только при именах существительных: *бу нуӈардӯтiн мӯӈӑлатiн, мӧӈӑлатiн бэлэннэунэрэв* 'мы для них заготовляем дрова и воду'.

§ 24. Формы оценки.

1) При именной основе суфф. *-кӑкӯн* (*-кӧкӯн, -кӧкӯн*), *-кӯн* служит для усиления признака, выраженного основой: *бэйэкэкӯн* 'человек же', *кэтэкэкӯн* 'много же', *хунӑткӑкӯн* 'девушка же'.

2) При именной основе суфф. *-кӣкӑн, кӑчӑн, -чан, -кӑн, -кикин* выражают значение уменьшительности и ласкательности: *айакӑчӑн ~ айачӑн, айакӑн ~ айакикин* 'хорошенький'.

Суфф. *-кикин* отмечен в соседних зейско-учурском и томмотском говорах.

Примеры: *нуӈан айакӣкӑн бэйэткэн* 'он хорошенький мальчик'; *адiлду н'уккӣкӑн оллоткӧн таӷача* 'в сеть попала маленькая рыба'.

3) Суфф. *-мӑт* (*-мэт, -мӧт*), присоединяясь к основе имен и глаголов, придает дополнительный оттенок со значением пренебрежения к лицу и усиления отрицания (...даже не...):

нуӈан сукэмэтiйэ ӑчин 'у него даже топора нет'; *бу нуӈан сураксмӑтпӑн эӈкӣвун долдiра* 'мы о нем даже слуха не слыхали'; *д'ӯлӑ ӈинакин инэмэтпэн эчэв сӑрэ* 'я даже не знала, как собака в дом вошла'.

4) Суфф. *-гда*, присоединяясь к основе любой именной и глагольной части речи, выражает ограничительное значение: *арай нуӈан нэкӯнин гирамнагдан эмэнмӯчӧ* 'оказалось, от его брата остались одни кости'; *умӯкӧгдо кумака уд'ӑвӑн ичэм* 'я увидел следы только одного изюбря'; *нуӈан хӯктiнэгдэн ӯд'ан бихин* 'от его бега только след остался'.

5) Суфф. *-ӈаха* при основах существительных и прилагательных выражает усилительное значение (с оттенком пренебрежения):

аханӈахал картоскава ӯлэд'эрэ 'женщины же копают картошку'; *сагдiӈахал-да, хунӣӈахал-да, омолгӣӈахал-да бэлэд'эрэ колхостӯ* 'старики же, девушки же, парни же помогают колхозу'.

---

[1] Там же, стр. 235, 304.

6) Суфф. *-йа*, присоединяясь к именной основе усиливает, подчеркивает значение: *горойолō* 'очень далеко', *дойалā* 'очень глубоко', *ӯгийэлэ̄* 'очень высоко', *хэргийэлэ̄* 'очень низко'.

Также усиливает значение суфф. *-мийа*:

нуӈан химāмпйāт туксаран 'он очень быстро побежал'; *си хō̄т химāмпйāт эмэдэ̄вī* 'ты очень быстро приходи'.

Об имени прилагательном

§ 25. Все общеэвенкийские производные прилагательные имеются и в токкинском говоре. Наряду с ними для говора характерно отглагольное прилагательное с суфф. *-хи: хēмурихī* 'холодный', *хэкухī* 'горячий', *иӈинихī* 'холодный', *хактірахī* 'темный'.

§ 26. Качественные прилагательные, обозначающие цвет, образуются как с помощью суфф. *-ма*, так с помощью суфф. *-рин*: *хулама ~ хуларин* 'красный', *коӈномо ~ коӈнорин* 'черный'.

§ 27. Сравнительная степень прилагательных образуется при помощи суфф. *-тмар* (*-тмэр*, *-тмор*), *-мар* (*-мэр*, *-мор*):

ул'ӯкīксэдук андагикса тамутмар 'шкурка соболя дороже шкурки белки'; *омолгим ӈунāттукив гугдатмар* 'мой сын выше моей дочери'; *эр эӈнэкэ̄н тар ӈинакиндук-н'ун хэгдімэр* 'этот теленок выше только той собаки'; *эр сēраӈ тавар сēраӈдук дірамдімар* 'эта жердь толще той жерди'.

Местоимения

§ 28. Личные местоимения — те же, что во всех эвенкийских говорах. В связи с фонетическими особенностями токкинского говора местоимение 1-го лица множественного числа включительной формы выступает в двух вариантах: *мит ~ мӯ̄т*:

мӯ̄т (~ *мит*) *эр хоктолī эмэд'эӈэ̄т* 'мы поедем по этой дороге'.

Местоимения 1-го и 2-го лица единственного и множественного числа в винительном падеже имеют две формы — с суфф. *-э* и *-э҃э: минэ ~ минэ҃э*, *мӯ̄нэ ~ мӯ̄нэ҃э*, *синэ ~ синэ҃э*, *сӯ̄нэ ~ сӯ̄нэ҃э*.

Примеры: *сī минэ экэ̄л алāттаӈ* 'ты не жди меня'; *нуӈан минэ҃э иргид'эрэн* 'он воспитывает меня'; *би сунэ э҃эм ичэрэ* 'я не видел вас'; *амāкāн сӯ̄нэвэ д'ӯ̄лāви эрāрэн* 'дедушка позвал вас к себе домой'.

Личные местоимения могут принимать частицу подтверждения *-ка* (*-кэ*) 'то':

би-кэ ēкуна бд'āм 'я-то что буду делать?'; *си-кэ д'ӯлāви хӯрӯкӯл* 'ты-то иди домой'.

§ 29. Возвратное местоимение *мэн-* → *мэ* в токкинском говоре имеет еще значение 'лицо, персона', аналогичное значению слову *бэйэ*,[1] *мāнми* 'я собственной персоной'.

Это местоимение, как и существительное, может принимать суффикс совместности *-тэй*, включающий значение возвратного притяжания (в таких случаях притяжательный суффикс не добавляется).

Примеры: *би мāнд'ив тунна бихив* 'нас вместе со мною пять человек (букв.: с моей персоной пять суть-нас)'; *минӈи бригададӯв мэнд'ив д'эӈин бэйэ хавалд'аран* 'в составе моей бригады работает девять человек (букв.: в моей бригаде с моей персоной девять человек работает)'; *нуӈан мāнд'ин надан бэйэ бихи* 'вместе с ним семь человек'; *сī мāтэй hӯтэлн'ӯнми ашалд'анни?* 'ты сам работаешь вместе с детьми?'; *Курēнай мāнд'ин курча сохулун эйэhинэн* 'Куренай уплыл вместе скотом (букв.: Куренай со своей персоной со всем скотом уплыл)'.

Возвратное местоимение *мā(н)* может быть как в лично-притяжательной, так и в безлично-притяжательной форме.

Лично-притяжательные формы 1-го л. ед. и множ. ч. имеют фонетические варианты: *мāнми* ~ *мāним* 'я сам', *мāрвун* ~ *мāрбун* 'мы сами'.

мāрбун д'ӯва бунāрав 'мы сами строим дом'.

Возвратно-притяжательные формы во множественном числе также выступают в двух вариантах: *мэрвэр* ~ *мэрбэр*:

нуӈартин мāрдӯбэр мōлāд'ара 'они для себя заготовляют дрова'.

§ 30. Притяжательные местоимения. Лично-притяжательные местоимения 1-го и 2-го л. множ. ч. наряду с общераспространенным суфф. *-ӈи* принимают также суфф. *-н'у* (*и* → *у* в результате губного притяжения): *мӯннӈи* ~ *мӯнн'у* 'наши', *сӯннӈи* ~ *сӯнн'у* 'ваши'.

Примеры: *мӯнн'ӯ орорбун Меладӯ д'уӈавкāл* 'наши олени летом находятся на Меле; *сӯнн'ӯ авдучāррун солокī биктэд'эрэ* 'ваши коровы ходят в верховьях'.

В значении лично-притяжательных употребляются также личные местоимения:

---

[1] Этот случай позволяет согласиться с предложением А. Ф. Бойцовой об общем происхождении корня слов *бэ-йэ* и *мэн-* → *мэ-*. Ср.: А. Ф. Бойцова. Категория лица в эвенкийском языке. Л., 1940, стр. 70—71.

би хӯтэм холхостӯ хавалд'аран 'мой сын работает в колхозе'; *си омолгӣс мӯндӯ эвӣд'эрэн* 'твой сын у нас играет'; *сӯ ӈинакиннун ноноли сӯндук эмэрэн* 'ваша собака раньше вас пришла'.

Возвратно-притяжательные местоимения в описываемом говоре употребляются как атрибутивно, так и предикативно. Они образуются из возвратного местоимения *мэн-*, притяжательного суфф. *-ӈи* и притяжательных суффиксов. В 1-м и 2-м л. они имеют фонетические варианты: *мэ̄ӈив ~ мэ̄ӈим* 'свой-мой'; *мэ̄ӈивӯн ~ мэ̄ӈибӯн* 'свой-наш'; *мэ̄ӈисӯн ~ мэ̄ӈи-хӯн* 'свой-ваш'.

Примеры: *мэ̄ӈим ӈунӣд'ӣм Токодӯ бид'эрэн* 'своя (-моя) дочь живет в Токо'; *эр д'ӯ мэ̄ӈибӯн* 'это дом свой (-наш)'; *мэ̄ӈихун эӈнэкэ̄н тоготчорон* 'свой (-ваш) теленок лежит'.

§ 31. Указательные местоимения *эр*, *тар* употребляются каждое в двух вариантах: *эр ~ эри*, *тар ~ тари*. Оба они также имеют две формы винительного падежа: *эрэ̄ ~ эрэ̄ wэ*, *тарӣ ~ тарӣва*.

Примеры: *эри куӈакӣн ӣлэ̄ ӈэнэчэ̄* 'этот ребенок куда ушел?'; *тари эӈнэкэ̄мэ д'авакал* 'лови этого теленка; *эрэ̄вэ уӈӣвэ гакса, н'амӣви ӯйкэл* 'возьми эту уздечку и привяжи свою важенку'; *тарӣ си тӣкэл, экэл ӯйчэрэ* 'отпусти ты этого, не держи на привязи'.

§ 32. Взаимно-возвратное местоимение представляет собой удвоенное возвратное местоимение *мэ̄н*, в первом из них опущено *-н*, второе — в форме множественного числа: *мэ̄мэ̄р*.

д'ӯр бэйэ мэ̄мэ̄ривэр иктӯмэ̄тчэ̄рэ 'два человека бьют друг друга' (загадка: ресницы).

§ 33. Вопросительное местоимение *ӈи?* 'кто?' во множественном числе имеет суффиксы *-л* и *-йэ* ед. ч. *ӈи?*, множ. ч. *ӈил?*, *ӈийэ?*

Примеры: *ӈил эмэрэ Токодук? — би ӈийэwэ-дэ̄ эчэм ичэрэ* 'кто приехал из Токхо? — я не видел никого'.

Числительные

§ 34. Количественные числительные.

1 — *ӯмӯӈ*	6 — *н'ӯӈӯӈ*	11 — *д'ӣӈ ӯмӯӈ ~ д'ӣндӯк ӯмӯӈ*
2 — *д'ӯр*	7 — *надан*	12 — *д'ӣӈ д'ӯр ~ д'ӣндӯк д'ӯр*
3 — *илан*	8 — *д'апкӯӈ*	20 — *д'ӯр д'ӣӈ ~ д'ӯр д'ӣр*
4 — *дигин*	9 — *д'эгин*	30 — *илан д'ӣӈ ~ илан д'ӣр*
5 — *тунна*	10 — *д'ӣӈ*	100 — *н'ама*
		1000 — *тихинча ~ тихича*

Числительные второго десятка *с д'ā́н* в форме отложительного падежа характерны также для северного илимпийского диалекта и для соседних чульманско-гилюйских говоров.[1]

Количественные числительные первого десятка имеют производные формы с суффиксом ограничительности *-ксā* (*-ксō*): *ӯмӯ́н* 'один' — *ӯмӯ́кōксō* 'только один', *д'ӯ́р* 'два' — *дӯ́ксō* 'только два', *илан* 'три' — *илаксā* 'только три', и т. д.

Примеры: *ӯмӯ́кōндӯ́ балдīнам ӯмӯ́кōксō бэйэ бичэ̄н* 'родившийся со мной вместе был только один мужчина'; *ӯмӯ́кōксō унāт бихин Бодойбоду, эдīлэ̄чэ̄ н'āн эвэнкāлэ̄* 'только одна дочь живет в Бадайбо, тоже вышла замуж за эвенка'.

§ 35. Собирательные числительные для счета людей, наряду с формой на *-нā*, имеют формы на *-кāн* (*-кэ̄н*, *-кṓн*), *-кāр* (*-кэ̄р*, *-кṓр*) и *-рā*. Вариант на *-рā* употребляется только с числительным *д'ӯ́р* 'два' и может иметь притяжательные суффиксы.

Примеры: *бӯ́ д'ӯ́кэ̄р бинэл балдīчāвун* 'мы родились вдвоем'; *эhīткэ̄н д'ӯ́кэ̄р бихив* 'сейчас нас двое живет'; *д'ӯ́рīм бӯ́чэ̄н, ӯмӯ́кōнми бид'эрэн* 'двое умерло, один живет'; *нуӈан д'ӯ́кэ̄н никāвэ вачā* 'он убил две утки'; *бӯ́ иланā агиткā ӈэнэрэв* 'мы втроем пошли в лес'.

Собирательные числительные для счета дней, образующиеся при помощи суфф. *-лла*, могут принимать форму разновременного деепричастия с суфф. *-кса*, которая обозначает, в течение скольких дней происходило действие:

мурин илāллакса эмэрэн 'конь его пришел, проделав трехдневный переход (букв.: пройдя три дня)'; *'олā д'ӯ́ллэксэ эмэрэн* 'ворон прилетел, сделав двухдневный перелет'.

§ 36. Порядковые числительные имеют суфф. *-п* — *-гӣ* и, кроме того, вторичный суфф. *-вукта*, который представляет собой сочетание двух самостоятельных суффиксов: *-ву* и *-кта* (*-ктэ*). Суфф. *-ву* является глагольным:

илāвум гӯ́ним 'в третий раз сказал (я)'.

Суфф. *-кта* служит для вторичного образования порядковых числительных от глагольной основы: *илā* 'третий' → *илив(у)-* 'в третий раз сделать что-л.' → *илāвукта* 'третий'; *гэ̄* 'второй' → *гэ̄ву-* 'во второй раз сделать что-л.' → *гэ̄вукта* 'второй, вторично'.

Порядковые числительные на *-вукта*, как и на *-п* (*-гӣ*), могут принимать притяжательные суффиксы и быть в функции как предиката, так и атрибута:

тар илāвуктас ōран тāдук ōн-дā этэ̄нни бӯ́рӯ́рэ 'это с тобой уже в третий раз случилось, теперь никак не упа-

[1] Г. М. Василевич. Очерки диалектов. . ., стр. 167.

дешь': *нуӈан эмэчӣн илӣдӯтин инэӈӣдӯ* 'он приехал на третий день'.

Такие числительные могут также принять деепричастную форму с суфф. *-на*:

сӣ элӭ гӭвуктана эмэнни 'ты сюда вторично приехал'; *эр эӈнэкӭмэ гӭвуктана ӯйд'эм* 'этого теленка вторично привязываю'; *ӈинакинӣм илӣвуктана кумакава гоӷоӈинан* 'моя собака третий раз залаяла на изюбря'.

Порядковые числительные, обозначающие возраст, образуются при помощи суфф. *-чи*, как и в гилюйском, зейско-учурском и северных говорах илимпийского и ербогоченского диалектов.[1]

Примеры: *нӣдэгӯ хунӣдӣм д'ӣн надачӣ* 'младшей дочери моей семнадцать лет'; *нӣдэгӯ омолгӣм д'ӣчӣ* 'младшему сыну десять лет'.

Глагол

§ 37. Основообразование. В токкинском говоре действуют общеэвенкийские способы отыменного образования глаголов — с помощью суффиксов *-мӣ*, (*-мӭ*, *-мӧ*), *-лӣ* (*-лӭ*, *-лӧ*), *-лӣ*; *-мӯ*, *-ӈ*, *-ӈи*: *олломӧрон* 'отправился рыбачить (он)', *мӯлӭрэн* 'отправился за водой (он)', *мӧлиран* 'носил дрова (он)', *айаӈнан* 'улучшил (он)', *кэтэӈнэн* 'увеличил (он)'. Специфическими для описываемого говора являются следующие глаголообразующие суффиксы:

1) Суфф. *-дӣ* (*-дӭ -дӧ*), после глухих согласных *-тӣ* (*-тӭ*, *-тӧ*), присоединяясь к основам существительных, образует производные основы, обозначающие выполнение должности, названной в основе имени: *бригад'ирдӣ-* 'быть бригадиром', *булгакчирдӣ-* 'быть бухгалтером'.

Примеры: *би стададӯ тунна аннуанӣва бригад'ирдӣчӣв* 'я в стаде работал бригадиром пять лет'; *миннуи этиркӭнӣм колхостӯ булгакчирдӣд'аран* 'мой муж работает в колхозе бухгалтером'.

2) Суфф. *-мтӣ* образует основы со значением употреблять в пищу, добывать пищу, действовать для получения пищи: *булта* 'охота' → *бултамтӣ-* 'охотиться для пропитания'.

Примеры: *амӣнми бултамтӣна бид'эукӣн* 'отец мой занимался промыслом для пропитания'; *нуӈан оллоптӣна бид'эрэн* 'он живет добычей рыбы для питания'.

3) Суфф. *-рбӯ* образует основы со значением стать чем-л., обогатиться чем-л., и т. п.: *ӈиӈтэ* 'корень' → *ӈиӈтэрбӯ-* 'укорениться'.

[1] Там же, стр. 168, 189, 240, 266.

Примеры: *эр-дэ̄ бини ӈинтэрбӯӈин* 'пусть укорениться современная жизнь'; *ӈунан-да̄ хӯтэрбӯӈин* 'пусть она заимеет ребенка'.

§ 38. Наклонения и времена.

1) Изъявительное наклонение. В настоящем времени изъявительного наклонения 1-е л. множ. ч. включительной формы и 2-е л. множ. ч. имеют два варианта — с суфф. *-ра* и без него (*тэгэ-* 'сидеть', *эмэ-* 'прийти'):

	Ед.			Множ.	
1-е л.	*тэгэм*	*эмэм*	1-е вкл.	*тэгэрэв*	*эмэрэв*
2-е л.	*тэгэнни*	*эмэнни*	искл.	*тэгэп*	*эмэп*
				тэгэрэп	*эмэрэп*
3-е л.	*тэгэрэн*	*эмэрэн*	2-е л.	*тэгэс*	*эмэс*
				тэгэрэс	*эмэрэс*
			3-е л.	*тэрэрэ*	*эмэрэ*

Личные суффиксы прошедшего и будущего времени в 1-м л. ед. и множ. ч. исключительной формы и во 2-м л. множ. ч. употребляются в двух вариантах:

Ед.		Множ.	
1-е л.	*-в* ~ *-м*	1-е л. вкл.	*-вун* ~ *-бун*
2-е л.	*-с*	искл.	*-т*
3-е л.	*-н*	2-е л.	*-сун* ~ *-хун*
		3-е л.	*-тин*

Прошедшее время в описываемом говоре представлено в трех формах: две личные, одна безличная. Личные формы образованы суфф. *-ча̄* и *на*; безличная — суфф. *-ча̄*.

Примеры: *би тадӯ истарсаит бригад'ирит хавалча̄в* 'там я работал старшим бригадиром'; *Путуной ӈунан мэча̄кпэн тэвэчэ̄, та̄дук компаритча̄* 'Путуной поймал его мяч и порвал'; *ӈунартин Олокно дэрэнӈид'ин эмэчэ̄л* 'они приехали со стороны истоков Олекмы'; *мӯт тар ӯрэвэ ичэнэт* 'мы ту гору видели'.

Наличие трех вариантов прошедшего времени характерно для ряда говоров олекминских эвенков и частично для курурмийского говора.[1]

Безличная форма прошедшего времени на *-ча̄* употребляется лишь в тех случаях, когда сообщается о действии отсутствующего в момент речи субъекта (обычно это 3-е л. ед. или множ. ч.).

Прошедшее неоднократное время образуется из формы на *-ӈуки* и личных суффиксов:

бу нонон тикэ бид'эӈча̄вун 'мы раньше так жили'.

[1] Там же, стр. 208, 242, 286.

Будущее время выражается двумя формами — на *-д'аңā* (*-д'эңэ̄*, *-д'оңō*) и *-д'ал* (*-д'эл*, *-д'ол*).

Будущее время с суфф. *-д'аңā* (*-д'эңэ̄*, *-д'оңō*) имеет такое же значение, как и в литературном эвенкийском языке.

Форма будущего времени на *-д'ал* (*-д'эл*, *-д'ол*) выражает намерение произвести действие в ближайшем будущем (но это действие может и не осуществиться):

би мова чиңид'аңāв, тікивд'эңэ̄в 'я вырублю дерево и свалю', *би мова туктід'элīм, эмī туктірэ чиңīд'алīм* 'я полезу на дерево, если не полезу, то срублю (его)'.

Что касается формы на *-д'а* (*-д'э*, *-д'о*) с личными суффиксами (ед. ч.: 1-е л. *-м*, 2-е л. *-нни*, 3-е л. *-н*; множ. ч.: 1-е л. вкл. *-т*, искл. *-вун*, 2-е л. *-хун*, 3-е л. *-тін*), то она выражает предостережение. Она употребляется только в повелительных предложениях, как при другом глаголе в повелительном наклонении, так и самостоятельно.

Примеры: *д'э, си ңэнэд'энни, сэрэ̄нкэл!* 'ну, если ты уйдешь, то берегись (букв.: ну, пойдешь — остерегайся)!'; *ңинакин уллэшэ дэвд'эн, ичэткэл!* 'смотри, чтобы собака не съела (букв.: собака мясо съест, смотри)!'; *куңакāн бираткāкī эвд'эн* 'смотри, ребенок не спустился бы к реке (букв.: смотри, ребенок к реке спустится)!'; *си коңнокува илбэд'энни!* 'ты не вспугни лося, а то убежит (букв.: эй, ты лося спугнешь)!'; *сӯ тāлā нэнэдэс?!* 'вы не ходите туда (букв.: вы туда идете?!)'; *тīт эйэ̄хинд'эн!* 'лодка бы не уплыла (букв.: эй, уплывет)!'.

Частица *-кийā* при этой форме будущего времени выражает определенность, уверенность ('наверно'):

куңан коңнокуйā вāдэн-кийā 'он наверно убьет лося'; *куңан дагалī эмэд'эн-кийā* 'он наверно скоро приедет'; *постукил ӯтэлбэр ōмӯвд'ōрō-кийā* 'пастухи наверно привезут своих детей'.

2) Повелительное наклонение, форма I (настоящее время), в 1-м л. искл. множ. ч. имеет два варианта: с суфф. *-квун* и с суфф. *-кпун*.

ō- 'сделать'

Ед.		Множ.	
1-е л.	*бī ōкта*	1-е л. искл.	*бӯ ōквун ~ ōкпун*
2-е л.	*сī ōкал*	1-е л. вкл.	*мит (мӯт) ōгāт*
3-е л.	*куңан ōгин*	2-е л.	*сӯ оңнасун ~ ōңнахун, ōкаллу*
		3-е л.	*куңартін ōктін*

Повелительное наклонение, форма II (будущее время), образуется с помощью суффиксов *-ңна* + личный суффикс и *-дāви* (ед. ч.), *-дāвэр* (множ. ч.):

	Ед.		Множ.
1-е л.	*бӣ бунав*	1-е л. искл.	*бӯ бунавун ~ бунабун*
2-е л.	*сӣ бунас*	1 вкл.	*мит (мӯт) бунат*
3-е л.	*нуӈан бунан*	2-е л.	*сӯ бунасун ~ бунахун, бӑдӑбэр*
		3-е л.	*нуӈарін бунатін*

Значение повелительности принимает форма на *-на* (множ. *-нал.*). Эта форма употребляется только в главных предложениях при условном придаточном:

д'эвгэ бирэкин д'эпнэл, тэткэ бирэкин, тэтнэл 'если еда имеется, то съешьте, если одежда имеется, то одевайтесь'.

3) Предположительное наклонение, выражающее предположение, наметку, планирование действия, образуется из глагольно-именной формы на *-мачин* + личные суффиксы и вспомогательный глагол *би-*:

д'уганпва арахинай хавӑдӯ хавалмачинми 'все лето намечаю работать на разных работах'; *лэрэдӑкан бксӑ, дэгилмэчин бичӑс* 'предполагал же ты улететь, став бабочкой'.

4) Долженствовательное наклонение, выражающее необходимость произвести действие, образуется из глагольно-именной формы на *-ӈӑт* (*ӈэ̄т, -ӈӧт*) + личные суффиксы:

бӣ Чокурдактіки хӯрӯӈӧ̄тім 'я должен (обязан) уехать в Чокурдах; *нуӈартін элэ̄ эмэӈэ̄тітін* 'они должны (обязаны) приехать сюда'; *нуӈандӯн сӣ гӯннӧ̄тіс* 'ты ему должен (обязан) сказать'.

5) Форма безличной возможности действия образуется с помощью суфф. *-кит* при глаголе-сказуемом:

ӑвунма улукӣксэдук бкӣт 'шапку можно сделать из беличьей шкуры'; *наннава милат-кӑт, ӈакиндӣ-кат, иргэт-кэ̄т бэгэдэ̄кӣт* 'кожу можно смазать и мылом, и печенью, и мозгом'.

§ 39. Настоящее время вспомогательного глагола *бими* 'быть, жить, находиться' имеет три формы: с суфф. *-хи, -рэ* и без них в 1-м и 2-м л. ед. ч., в 1-м л. вкл. множ. ч., во 2-м л. множ. ч.:

	Ед.		Множ.
1-е л.	*би бихим, бим*	1-е л. искл.	*бӯ бихив, бирэв*
2-е л.	*сӣ бихинни, бинни*	вкл.	*мит (мӯт) бихип, бип, бирэп*
3-е л.	*нуӈан бихин, бирэн*	2-е л.	*сӯ бихис, бис, бирэс*
		3-е л.	*нуӈартін бихи, бирэ, бихитін*

Примеры: *гӗ унӑт Бодойбодӯ бихин* 'вторая дочь находится в Бодайбо'; *бӣ, эдилэ̄ксэ̄, айат бим* 'я хорошо живу, выйдя замуж за него'; *бӯ Чокурдакту бирэв* 'мы жили в Чо-

курдахе'; *нуңан минн'ун илан аннанӣва бирэн* 'он три года жил со мной'.

Наряду со вспомогательным глаголом отрицания э- употребляется имя отрицания *эчин* со вспомогательным глаголом *би-*, который в настоящем времени может опускаться, и *эчин* с притяжательным суффиксом

(*э-ми ңэлэрэ* 'не бояться'):

Настоящее время, I форма

	Ед.		Множ.
1-е л.	*бӣ эхим ңэлэрэ*	1-е л. искл.	*бӯ эхив ңэлэрэ*
		вкл.	*мит (мут) эхип ңэлэрэ*
2-е л.	*сӣ эхинни ңэлэрэ*	2-е л.	*сӯ эхис ңэлэрэ*
3-е л.	*нуңан эхин ңэлэрэ*	3-е л.	*нуңартін эхи ңэлэрэ*

Настоящее время, II форма

	Ед.		Множ.
1-е л.	*бӣ эчин ңэлэрэ бихим*	1-е л. искл.	*бӯ эчир ңэлэрэ бихив*
		вкл.	*мит (мӯт) эчир ңэлэрэ бихит*
2-е л.	*сӣ эчин ңэлэрэ бихинни*	2-е л.	*сӯ эчир ңэлэрэ бихис*
3-е л.	*нуңан эчин ңэлэрэ бихин*	3-е л.	*нуңартін эчир ңэлэрэ бихитін*

II форма настоящего времени выражает более высокую степень утвердительности:

эчин тӣнэ бихим 'оказывается, я не вытянул'; *нуңан наннава эхин ӣрэ* 'она не выделала кожу'; *нуңан наннава эчин ирэ бихин* 'она, оказывается, не выделала кожу'. *Горотпа эчинми ичэрэ* 'я не видел города':

Глагол отрицания э- в будущем времени также выступает в двух формах — с суфф. *-д'эл(и)* и с суфф. *-д'эңэ*:

эр орор эд'эллэ сӗгава ирүд'ара 'эти олени не потянут нарту'; *ахӣл эд'эллэ авӣвар этэрэ* 'женщины не закончат свою работу'; *бэйӯд'эл эд'эллэ эмэрэ* 'охотники не приедут'; *нунан эдэңӭн орорбо эмуврэ* 'он не приведет оленей'; *сӣ экэл соңоро, соңорокис, синэ эд'эңӭв эксэрэ* 'ты не плачь, если будешь плакать не повезу тебя'; *нуңартін бэйухинэ, эд'эңӭтін картоскава улӭрэ* 'они отправились на охоту, не будут копать картошку'.

Глагол э- с суфф. *-мэл(и)* и словом *кэ̄йан* выражает значение неудачи в совершении какого-л. действия:

бӣ эмэлим кэ̄йан ичэрэ 'я никак не могу видеть'; *сӣ эмэлинни кэ̄йан ичэрэ* 'ты никак не можешь видеть'; *нуӈан эмэлин кэ̄йан ичэрэ* 'он никак не может видеть'; *бӯ эмэллэв кэ̄йан ичэрэ* 'мы никак не можем видеть'; *сӯ эмэллэс кэ̄йан ичэрэ* 'вы никак не можете видеть'; *нуӈартин эмэллэ кэ̄йан ичэрэ* 'они никак не могут видеть'.

§ 40. Глаголы *ō-* 'сделать', *бу-* 'умереть', *га-* 'взять' в настоящем времени имеют либо суфф. *-ра* (*-рэ*, *-ро*), либо суфф. *-да* (*-дэ*, *-до*); последние употребляются в речи эвенков рода Лалигар.

Примеры: *нуӈан д'ӯва мэ̄нин ōран* 'он сам сделал дом'; *нуӈартин ӈэнэнэлэ̄тин надан д'ā̄р аннуна̄ ōдан* 'прошло семьдесят лет с тех пор, как они уехали'; *бӯ магасиндук эр истакā̄рба̄ гарав* 'мы взяли (=купили) эти стаканы в магазине'; *нуӈан авдучā̄нма̄ колхостӯк гадан* 'он взял корову из колхоза'; *сахилиткā̄н будэн* 'лисичка околела'; *орон курэ̄ду бурэн* 'олень пропал в загоне'.

§ 41. Глагольно-именные формы.

1) Форма законченного действия с суфф. *-ча̄* (*-чэ̄*, *-чō*), выступая в функции определения, принимает значение причастия прошедшего времени:

нуӈартин Олокно дэрэнӈидин эмэчэ̄л бэйэл бичэ̄тин 'они были пришлыми людьми с вершин Олекмы'.

Выступая в роли сказуемого, она принимает значение глагола прошедшего времени:

чипа тэпэрэкэ̄нн'ун ӈō̄рчачā̄л 'птичка боролась с мышкой'; *чипа тэпэрэкэ̄нмэ мукчō̄с ōкин нōдача̄* 'птичка перебросила мышку, как колобок'.

2) Форма ближайшего действия наряду с суфф. *-лтак* (*-лтэк*, *-лток*) может быть образована также с суфф. *-ма*.

В качестве именной эта форма употребляется с глаголом *ō-* 'стать':

нуӈан эмэлтэк ōран 'он должен приехать вот-вот (на днях)'; *нуӈан эмэмэрэн* 'он должен вот-вот приехать'.

3) Форма на *-ри*, образованная от основы несовершенного вида, выступая в роли определения, принимает значение причастия настоящего времени:

тар сулакā̄ дōд'арӣва чипава д'авача̄ 'та лиса поймала (садившуюся на землю) птичку'; *бӣ дэгд'эрӣвэ н'уӈнакива пэктирэ̄нчэм* 'я выстрелил в летящего гуся'; *хуктид'эрӣвэ коӈнокӯва бача̄м* 'я убил бежавшего лося'.

В описываемом говоре не отмечены личные формы на *-ри* в значении прошедшего времени изъявительного наклонения, имеющиеся в соседних говорах.

Кроме вышеописанных, отмечены глагольно-именные формы на *-на* (*-на*, *-но*), *-вкӣ*, *-гсан*, (*-гсэн*, *-гсон*), *-д'аӈа̄* (*-д'эӈэ̄*, *-д'оӈо̄*).

4) Не встречается безличная форма необходимости действия на *-вка*. Ее заменяет слово *нада* (=русск.) с глаголом *о̄-* в значении связки или с деепричастием на *-да* в безличной или личной форме и форма на *-кит* (§ 32).

Примеры: *миндӯ со̄ нада о̄ран* 'мне необходимо, мне надо'; *тара̄ гундэ̄ нада* 'то надо сказать'; *нуӈан элэ̄ эмэдэ̄н нада* 'ему надо прийти сюда'.

5) Форма на *-да* (*-дэ*, *-до*) в местном падеже с притяжательными суффиксами имеет значение ограничительности и соответствует форме на *д'ан* в винительном падеже других говоров. Кроме того, она служит для выражения действия, предшествовавшего главному.

Примеры: *ӈутэн а̄дӈа̄ла̄н бӣ ӯллид'эӈэв* 'пока спит мой сын, я буду шить'; *этиркэ̄н тоӄови иладала̄н нинакин уллэвэн д'эптэн* 'пока старик разжигал костер, собака съела его мясо'; *сӣ эмэдэлэ̄с бӣ а̄д'ӈа̄дв* 'до твоего прихода я буду спать (пока ты приедешь, я усну)'.

6) Форма одновременного действия в прошлом с показателем *-ӈахи* выступает как с лично-притяжательным, так и с возвратно-притяжательным суффиксом:

амӣнми мӣндӯ, н'ӯккӯн биӈэхӣв, улгучэ̄ниӈкин 'мой отец, когда я был маленьким, рассказывал мне'; *этиркэ̄н эдэрӈэхӣви со бэркэ бэйэ бичэ̄* 'старик был смелый, когда был молодым (в молодости)'.

§ 42. Деепричастные формы.

1) Форма на *-дала* с притяжательным суффиксом служит для выражения состояния, являющегося следствием главного действия:

нуӈан дэрӯдэлэви хавалла̄н 'он работал до того, что устал'; *бӣ хэкӯлдэлэ̄ви гиркум* 'я шел до того, что мне стало жарко'; *эр куӈака̄н доӈотодолоӄви тулилэ̄ бичэ̄* 'этот ребенок находился на улице до того, что замерз'.

2) Разновременное деепричастие образуется при помощи суфф. *-кса* и *-кэ̄н*. Последний характерен для тунгирского и чульманско-гилюйских говоров.

Примеры: *тар ахӣ эмэд'экэ̄н сокточо̄* 'та женщина как только приехала сразу опьянела'; *нуӈан хуруд'экэ̄н коннокува вача̄* 'он как только уехал, сразу убил, лося'; *эр омолӣ д'эпд'экэ̄н, н'а̄н д'эвулчэ̄* 'этот мальчик только что ел, и опять ест'.

3) Деепричастная форма попутного действия с суфф. *-мнак* (*-мнэк*, *-мнок*) характеризует признак действия:

ола̄ „кук" гӯнимнэк дэгилкӯттэн 'орел, крикнув „кук", быстро улетел'.

§ 43. Залоги глагола образуются так же, как в других говорах: совместный — с суфф. *-лдı*, взаимный — с суфф. *-мāт*, (*-мэ̄т*, *-мō т*), *-мāчи*, (*-мэ̄чи*, *-мō чи*), побудительный — с суфф. *-вкāн*.

Примеры: *бū нуӈарн'унтıн уэн'элдıӈнэм* 'я с ним поеду'; *чипан'ун тэпэрэкэ̄н гӯмэ̄ттэ* 'птичка с мышкой договорились'; *этıркэ̄н энэ мэдэвкэ̄нэ иӈивкū бичэ̄ коӈнокулā* 'старик незаметно подкрадывался к лосю'; *тар киӈнэл миндӯ (минд'и) бвчāл* 'эти лыжи сделаны мною'.

§ 44. Виды и видовые оттенки.

1) Формы с суфф. *-уна*, стоящим перед суффиксом времени, выражают постоянное, обычное действие:

бū наннава ӣӈнэм 'я выделываю шкуру'; *нуӈартıн мӯндӯлэ̄ эмэӈнэрэ* 'они обычно приходят к нам'.

2) Вид быстроты действия образуется суфф. *-нча*, *-малча*. Подчеркивание быстроты, моментальности действия выражается, кроме того, суффиксом усиления *-йэ̄т*, *-йӯт*: *хэтэкэ̄нчэйӯттэн* 'быстро прыгнул (он)', *ин'эӈинчэ̄йэттэн* 'как засмеется (он)'.

Примеры: *Нэлэнчик хэтэкэ̄нчэйӯттэн акнāлби эмэрэктıн* 'Нэлэнчик вскочила, когда пришли ее братья'; *тар куӈакāндӯк нуӈан ин'эӈинчэ̄йэттэн* 'он рассмеялся над этим ребенком (букв.: от этого ребенка он как засмеется)'.

3) Вид попытки произвести действие образуется при помощи суфф. *-мка*:

бū-дэ̄ икэмкэ̄дэӈэв 'и я попытаюсь (попробую) спеть'; *этıркэ̄н эмӯкин мōвā хӯмкāран* 'старик один попробовал спилить дерево'; *куӈакāн кунгувū тэтımкэ̄рэн* 'ребенок попытался надеть пальто (но так не смог надеть)'.

Попытка произвести действие также выражается суфф. *-чиӈнэ*:

Курēнай бōканин ойбонмо ӯлтэличиӈнэрэн 'работник Куреная пытался продолбить прорубь'; *эр куӈакāн дукучиӈнāран, дукучиӈнаран, бн-дā эӈин сатара* 'этот ребенок пытается, пытается писать, никак не умеет'.

4) Суфф. *-мал* (*-мэл*, *-мол*) при глагольной основе подчеркивает, что речь идет о конкретном действии:

ӈинакин оӈкучакка ӯлэ̄мэ̄ллэн 'собака все же стала рыть яму'; *кэ, эр буга эдıмэ̄ллэн* 'ну, ветер усилился (букв.: ну, это буга[1] начала сильно дуть).

5) Суфф. *-гла* (*-глэ*, *-гло*), выражает пожелание, иногда долженствование:

[1] Буга — природа, мыслимая как целое. Язык сохранил пережиток представлений того времени, когда все природные явления считались действиями этой „буга". Ред.

нуŋан эмэглэрэн 'он должен, хочет приехать'; *энӣкэ̄н ĥутэлэ̄ви Олокноло хуруглӯд'ӯрӯн* 'бабушка вот-вот собирается, хочет поехать на Олекму'; *амӣнни эр-ти эмэглэд'эрэн, тогови илакал, чан'ик ĥӯйӯд'эгин* 'отец твой должен вот-вот приехать, разжигай костер, пусть вскипит чайник'.

6) Суфф. *-какут* (*-кӯкӯ̄т, -кӧкӯ̄т*), *-кут*, находясь перед суффиксом времени и лица, выражает усиление действия:

оли дэгилкӯ̄ттэн 'ворона быстро улетела'; *Нэлэнчик эшӣлкӯ̄ттэн* 'Нэленчик так разыгралась'.

Наречия

§ 45. Наряду с общеэвенкийскими наречиями (например, времени: *эр-дэт* 'сию минуту'; *эхиткэ̄кэ̄н* 'вот-вот сейчас'; *эхилэ* 'теперь'; *эхи* 'потом') в томмотском говоре отмечены и свои: а) времени: *тутумту* 'погодя', *битэкэн* 'немного погодя'; б) качества (состоящие как из одного слова, так и из двух): *дупор* 'насквозь', *лӧкчэс* 'кубышкой', *ахари* 'слишком', *лумпӧ̄с* 'как пух', *мукчӧ̄с ӧ̄кин* 'колобком', *лумбэр ӧ̄кин* 'прилипнув'.

Например: *бӣ, лородокӧ̄н ӧ̄кса, лумбэрэчэнэ туктид'эŋэ̄в* 'я, превратившись в бабочку, прилипая, поднимусь'; *нуŋартин н'а̄н тутумчӯ̄ биŋнэрэ, та̄дук ӯрэвэ ичэрэ* 'побыли они немного и увидели гору';

Кроме того, некоторые наречия образуются с помощью суффиксов, присоединяемых к именной основе.

1) Суфф. *-каки* выражает признак действия:

нунан тиӈэви д'алумка̄кӣ тэвлэрэн 'он полным-полно в посудину набрал ягоды'; *бира̄кан д'алумка̄кӣ мӯ̄дэ̄чэ̄* 'речушка полным-полно разлилась'.

2) Суфф. *-лта* (*-лтэ, -лто*) обозначает взаиморасположение предметов: *амар* 'зад' → *амарулта* 'друг за другом', *хэрги* 'низ' → *хэргимэ* 'нижний', *хэргимэлтэ* 'один под другим'; *ойо* 'верх' → *ойолто* 'друг над другом'.

Примеры: *эвенкӣ̄л амарулта ŋэнэктэд'эвкӣ̄л* 'эвенки ходят друг за другом'; *сӣ эр мӧ̄лба хэргимэлтэ нэтикэл* 'ты складывай эти дрова одно над другим'; *нуŋан эр каптахурба ойолто нэ̄рэн* 'он сложил эти доски одну над другой'.

3) Суфф. *-чира̄* (*-чирэ̄*) выражает значение ослабления, уменьшения того, что обозначено в основе: *горочира̄* 'подальше', *дагачира̄* 'ближе', *ӯмнокочирэ̄* 'разочек', *ӯрӯ̄мчирэ̄* 'короче'.

Послелоги и частицы

§ 46. Послелоги.

В говоре отмечен только один послелог *д'угу* 'для, ради', зарегистрированный также в урмийском и сахалинском говорах.

Он употребляется в притяжательной форме:

сӣ д'угудӯс бӣ авалд'ам 'ради тебя я работаю'.

Употребляется также якутский послелог *онну*:

сӣ оннудӯс колхосту авалд'ам 'за тебя я работаю в колхозе'.

В необходимых случаях в роли послелогов выступают падежные притяжательные формы имен места и существительных — названий частей тела (*дага* 'близость', *амар* 'зад', *дулин* 'середина', *д'улэ̄* 'перед', *ойо* 'макушка' и т. п.).

Примеры: *курӗ̄ дагадӯн айа мӯ илитчаран* 'около изгороди стоит хорошее дерево'; *бира дулиндӯн никӣл дӯра* 'на середине реки сели утки'; *би д'ӯлэ̄дӯв качикӣн hуктид'эрэн* 'впереди меня бежит щенок'.

§ 47. Частицы.

1) Наиболее распространенной является частица вероятности *-кийа* 'вероятно':

нуӈан д'ӯлӣви эмэрэн-кийа 'вероятно, он пришел домой'; *ӈинакин-кийа ӯллэвэ д'эпчэ̄* 'вероятно, собака съела мясо'.

2) Частица отрицания *-кӣт* (*-кэ̄т*, *-кӯт*) 'ни' употребляется как в отрицательных предложениях, так и в значении соединительного союза 'и':

бӣ-кэ̄т, си-кэ̄т эмэллэп ситан ӯра 'ни я, ни ты не сможем сделать'; *наннава милат-кат, hакинд'и-кат, иргэт-кэт бэгэдэ̄кит* 'кожу можно смазать и мылом, и печенью, и мозгом'; *йэкэ̄дит-кӣт, эвэдит-кэ̄т нуӈан сӣнукӣн* 'он знал по-якутски и по-эвенкийски'.

3) Частица *-ват* (*-вэт*, *-вот*) выражает усиление:

ан дойдӯ блӣкӯрин эмэрэ-вэт 'прилетели же вороны со всех концов мира'.

4) Частицы *-дэӈэн* и *-кэнэ* употребляются с личными местоимениями: *бӣ-дэӈэн* 'я же', *сӣ-дэӈэн* 'ты же', *бӣ-кэнэ* 'теперь я', *сӣ-кэнэ* 'теперь ты'.

5) Частица *-н'ун* имеет значение союзов 'да', 'лишь только': *умӯн бэйэ хэгэмэ-н'ун хэгэмэ бичэ̄* 'один человек пел да пел'; *эмэмӣ-н'ун минэ эривкӣ* 'лишь только придет, всегда зовет меня'; *нэнэмӣ-н'ун д'ӯлӣви эвкӣ эмэмэлчэрэ* 'лишь только уйдет, не возвращается скоро домой'.

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ СИНТАКСИСА

§ 48. Наряду с общеэвенкийским порядком слов в предложении, в разговорной речи наблюдаются отклонения: сказуемое помещается перед управляемыми словами — дополнением и обстоятельством:

аннанпдӯ бӣӈнам илан, дигин н'ама ул'укивэ 'в течение года убивал (я) три-четыре сотни белок'; *бӣ колхос оронмӧн*

постучам д'эӈин аннанидӯ 'я четыре года пас колхозных оленей'; *тар арай д'ачикканан ойбондулин лупор тарилā хэтэкэнчэйӯттэн* 'вдруг из проруби выскочил ящичек'; *эрдэт акнилли эмэд'эллэ* 'скоро придут твои братья'; *Торганэй, дэгилд'энэ, адилдӯ лумпос таӈаран* 'полетел Торганэй и попал в сеть'.

§ 49. Для описываемого говора характерны предложения без подлежащего, когда сказуемое оформлено личным суффиксом. Примеры: *эдӯ битэкэн ӧкалду, токийа вакса, эмэд'эуэв* 'побудьте здесь, пока я приду, добив лося'; *элэ эмэчэлэв, надан куӈакан балдичан* 'когда я приехала сюда, то родилось семь детей'; *киӈнэлд'и со айат ӈэнэӈнэм* 'на лыжах иду очень хорошо'.

§ 50. Сказуемое при подлежащем в форме единственного числа, имеющем определением количественное числительное, выступает в форме единственного или множественного числа:

д'ӯр коуноку баргилта тоготчоро 'два лося лежат друг против друга'; *надан куӈакан балдичан* 'родилось семь детей'.

§ 51. Глаголы, со значением 'сделать что-л. из ...' управляют двумя падежами: творительным (в речи эвенков Каӈаги) и отложительным (в речи представителей родов Лалига, Чакагир, Йӧкӧткар и др.).

Примеры: *эр инмэквэ талут бчан* 'эту сумку сделала (она) из бересты'; *утэнмэр ӯнэкэксэт бвкил бичэл* 'чум покрывали (они) ровдужным нюком (букв.: чум нюком делали бывало)'; *минду абӯнав ул'укиксэт ӯлликэл* 'шей мне шапку из беличьей шкурки'; *нуӈан талудук атийакка бвкӣ бичэн* 'бывало, он делал из бересты чуман'; *эр ирэксэлдук йӧкӧдйа ӧксэ, бӯкэл* 'из этих шкур сделай доху (букв.: из этих шкур сделав доху, дай мне)'.

§ 52. Лицо или лица, принимающие участие в действии подлежащего, оформляются творительным падежом, хотя сказуемое согласуется в лице с подлежащим:

би хутэлд'иви, ачитпи Олокколо нӯлгим 'я с детьми и женой перекочевал к Олекме'; *Анна орорд'и ӈӯтэтпи эмэрэн* 'Анна с сыном приехала на оленях'; *би ӈинакинд'иви тит эйэним* 'я со своей собакой плыл [на лодке] вниз по реке'.

§ 53. Обстоятельство времени, обозначающее день, когда действие доведено до конца, выступает в форме творительного падежа, а само слово день — в форме дательного падежа:

бу Кинд'игирдук элэ илитпар инэӈдӯ исчавун 'мы приехали сюда из Киндигира на третий день'; *эр ӈинакин, кэйихэ,*

тунӈӣт инэӈӣдӯ эмэчӭн 'эта собака, заблудившись, пришла на пятый день'.

§ 54. Связь определения с определяемым.

1) Если определение выражено количественным числительным, то определяемое не оформляется суффиксом множественного числа, а числительное не согласуется с существительным в падеже:

д'ӯр н'ууннакӣ дэгд'эрэ 'летят два гуся'; *тунӈа никӣчӭнмэ вӣм* 'я убил пять уток'; *д'апкӯн оллово адӏлитпи д'авачӣ* 'сетью поймал (он) восемь рыб'.

2) Определение, выраженное прилагательным, не всегда согласуется с определяемым в падеже:

коӈнорин олӣ Коӈнорин ӱрэвэ явус бкин тікчӭ 'черный ворон распластался на Черной горе'; *мӧмакӯр д'ӯлва бра* 'построили (они) деревянные дома'; *бӣ hэгдӏ горотпа эчинми ичэрэ* 'я не видела большого города'.

3) Определение, выраженное указательным местоимением *тавар* или *эр*, кроме согласования с определяемым в числе, иногда согласуется еще и в падеже:

тавар д'ӯлва колхостӯ бд'ара 'эти дома строят для колхоза'; *эрилбэ эӈнэкэрбэ тінэрӣдӯ элэкин бран* 'наверно, настало время отпустить телят'; *эрэвэ уллэвэ ӱлэкэл* 'вари это мясо'.

ОСОБЕННОСТИ ЛЕКСИКИ

§ 55. В лексике говора токкинских и киндигирских эвенков наблюдается многозначность слов при наличии синонимов. Например, слово *ид'ирэ* употребляется в значении 'спина, поясница' и в значении 'позвоночник'. Одновременно вышеуказанные понятия имеют и другие названия: слово *ид'ирэ* имеет синонимы: *битӏлик* (якутск. *биил*), *бохонтӏла*, *дарама*, а также *сигдэ* 'пространство между отростками позвонков', *нугдӏ* 'поясница', главным образом животного, но в то же время 'поясничный позвонок'.

Понятие 'бедро' выражается словами *ого*, *дэвэкӣ* ~ *дӱгӱкӣ*; последнее также означает 'тазовая кость'.

Для понятия 'лопатка (спинная кость)' имеются слова: *ихаки* 'лопатка с мясом', *кэндэкэ* 'лопаточная кость', *далу* 'лопаточная кость оленя с трещинами от пережигания', *аркан*. Последнее также означает 'спина'.

Несколько синонимов имеется для понятия 'ляжка': *ого*, *бӧкӓн*, *ӱмэкӣ*, *дилбэк* (← якутск. *дьилбэк*). 'Пятка (ноги)' называется *ӈинӈи*, *хэӈэр*, *тиӈилэк* (← якутск. *тиҥилэх*). Слово *хэӈэр* означает также 'подошва (обуви)'. Кроме того, подошва называется *хэрэ* и *хагдӏки*, последнее раньше означало только

'набойка'. Понятие 'висок' именуется: *гёкан, чечеӈэй* (← якутск. *чачаҕай*), *чавургай* (← якутск. *чабырҕай*).

§ 56. Некоторая часть понятий, выражающих родство между людьми, стала обозначаться якутскими словами: 'свекор (мой)' *тойонӣм* (якутск. *тойонум*), 'свекровь (моя)' *котунӣм* (якутск. *хотунум*), 'невестка (моя)', *саӈахӣм* (якутск. *саҥаһым*), 'зять (мой)' *кутэт* (якутск. *кытөт*).

Однако 'дед' *амӣкӑн*, 'бабка' *энӣкэ̄н*, 'мать' *энӣнми* — названия эвенкийские.

§ 57. Интересны некоторые названия одежды и предметов домашнего обихода. Доха из оленьей шкуры называется *йо̄кодӏ* букв. 'якутская', потому что шьют ее по якутскому покрою. Прямоспинная шуба из бараньего меха носит название *бараӈки, бараӈин* (← русск. *баранья*). Пальто называют *кунгу*. Высокие меховые унты из камысов — *куллэк* ('унты до колена' — верхнеленск., хинганск.), *куруму* ~ *курму* ('ноговицы' — у вилюйских эвенков в XIX в.). Домашние унты из ровдуги — *тэргэми*, коротенькие унты ниже колен — *һэмчӯрэ̄* ~ *эмчӯрэ̄*.

Постель — *гиркэвӯн*, подушка — *туру* (в других говорах *тиру*), наволочка — *туру какин* (← якутск. *хах* ~ *как* 'чехол'), *туру ойон* букв.: 'поверхность подушки', *туру тулгун* букв.: 'наружная часть подушки'.

Фартук — *дӏлбаптун* (букв.: 'набрюшник'), *бэрэнник* (← якутск. *бэренник* ← русск. *передник*).

§ 58. Для наименования жилища (различных видов), а также деталей жилища токкинские эвенки употребляют слова: *ӯтэн* 'конический чум, крытый корьем и поверх его дерном', *ӯгдан* 'жилище, прямоугольное в плане, крытое корьем', *балаган* 'бревенчатый дом, крытый корьем', *ӯнӄо̄н* 'чум, крытый ровдужным нюком', *со̄на* 'дымовое отверстие'.

§ 59. Названия диких зверей: *коуноку* 'лось', *амӣкӑн* 'медведь', *андаги* 'соболь', *бэлэлэк* (← якутск. *бэлиэлээх*) 'горностай', *хивига, нʹэӈур, кутуруктак, болка* (← якутск. *болка* ← русск. *волк*) 'волк', *амчика, амсир*, 'колонок', *мэривки* 'бурундук', *эйтэкэ* 'россомаха', *тэпэрэ̄кэн* 'мышь', *туртас* (← якутск.) 'косуля', *сахил* (← якутск. *саһыл*) 'лиса'.

§ 60. Возрастные и специальные названия оленей: в возрасте двух лет — *ӗ̄вкан, чо̄нӄӯ*, трех лет — *нʹӧгаркӑна̄*, *иктэнэ*, четырех лет — *гилҕэ*, пяти лет — *мутучӑ̄*;

бангай 'яловая важенка', *ӯмирӑ̄* 'важенка, у которой пропал теленок', *нʹамӑ̄* 'важенка, у которой был теленок', *чачарӑ̄* 'важенка, у которой еще не было теленка', *байтахун* 'яловая важенка'.

Олени обычно носят клички, подчеркивающие их внешний вид: *ламба* 'с развесистыми рогами', *чоңкичāн* 'с рогами, концы которых загнуты вниз крючком, подобно птичьему клюву', *сулугур* 'с рогами, вытянутыми кверху и заостренными', *чуруйлун* 'с рогами, неодинаковыми по величине', *алат*, *алатчан* 'пестрой масти', *боротчōн* 'серой масти', *бугдıкан* 'с белым пятном на носу или ногах'.

§ 61. Терминология, относящаяся к средствам передвижения, в описываемом говоре лишь незначительно отличается от общеэвенкийской. Вот некоторые примеры: *д'аш*, *тī* (← якутск. *тыы*) 'лодка', *улāвӯн*, *эрдı* (← якутск. *эрдии*) 'весло', *урагас* (← якутск. *урагас*), *тест* (← русск. *шест*) 'шест (лодочный)', *тīйэвӯн* 'палка оленьего седока', *угучарук*, *нāмā* ~ *нэмэ* 'седло (оленье)', *сēрга* 'нарта'.

§ 62. Топографическая терминология детально разработана. Примеры: *эллэнуэ*, *эллэри*, *д'апканңа* 'долина', *эгдэн* 'долина, поросшая лесом', *ӱрэ* 'гора (общее наименование)', *гугдар* 'одиночная высота', *чурбукā* 'холм с пологой вершиной'. Верхняя линия горного хребта называется в зависимости от формы, очертания: *чорбокō*, *мурикā*, *чорокō*, *чукчукӯ*, *курбукā*. Еще примеры: *эмкэр* 'высокий крутой берег' (ср. якутск. *эмкэ*), *нэ̄кэ* 'холм на самом краю берега', *кирагин* 'пологий берег', *мар* 'болото, поросшее карликовой березкой', *кэвэр* 'болото, поросшее травой', *лэвэ̄* 'топь', *н'ирэ* 'болото с ямами', *тагин* 'лужа', также *чалбак*, *чалбах* (← якутск.), *тэнки* 'лужа на твердой земле', *чипала*, *чивида* 'размокшая глинистая земля', *калар*, *курбэ* 'скала', *хэрнэ* 'галечник', *суруӈи* 'пески на берегах'.

'Горелый лес' называется: *куруӈ*, *которо*, *д'эгдэннэ*, *бадарачā*, *хэтэр*, *авгумна*.

Для понятия 'молния' имеется три синонима: *духэн*, *hēркин*, *чаӈилган* (← якутск. *чаӈылӈан*).

Для понятия 'радуга' — четыре синонима: *серӯн*, *сēкалан*, *кустук* (← якутск. *кустук*), *солиңа*.

§ 63. Названия цветов (окраски): *хуларин* 'красный, малиновый, бордовый, вишневый', *чутурин* 'зеленый', а также 'синий, голубой', *синарин* 'желтый', 'коричневый, 'оранжевый', *ид'арин* 'серый', 'рыжий'.

§ 64. Названия месяцев в обычной речи — якутские. Только глубокие старики помнят эвенкийские названия:

I — *хорон* (первоначальн. значение: макушка)

II — *мирэнкирэ* (плечо)

VII — *ирин* (поспевание), *иргалаха* (время паутов — молодых рогов)

VIII — *иркилэхэни* (обдирание рогов)

III — *неванукирā* (сердце)
IV — *балдинī* (рождение)
V — *чутулахāни* (зеленение)
VI — *илкун* (наливание ягод)
IX — *сирулахāни* (спаривание)
X — *д'апкар* (замерзающие кромки льда у берега)
XI — *говд'он* (?)
XII — *эптэнкирэ̄* (снег на ветвях)

§ 65. Лексические расхождения с литературным языком.

Токкинск.	Говоры, в кот. приводимые слова идентичны токкинским	Литературн.	Значение
авдучан	в.-л. тнг.	*мачāлэ*	'корова'
амāкāн	п.-т. и. с. тнг.	*хомō̄ты*	'медведь'
амсир (якутск.)	олкм. тнг.	*солоно*	'колонок'
баранка (русск.)	—	*баракса*	'овчинная шуба'
барча	олк. алд. учр. урм.	*будивчэ̄ олло*	'вяленая рыба'
болка (← русск.)		*иргичи*	'волк'
бэлэлэк (якутск.)	олкм.	*д'элэкī*	'горностай'
бэрэтчит (русск.)	—	*н'ōгусит*	'передовой олень в упряжке'
гилгэ	—	*н'ōгāркāн*	'четырехгодовалый олень'
гиркэвӯн	тнг. з. алд.	*сэктэвӯн*	'постель'
д'ухэм	олкм. з. алд. сх.	*хелкин*	'молния'
икэ̄	—	*калан*	'котел'
йэкō̄дı	—	*хэгилмэ*	'доха из оленьей шкуры'
катачī уллэ	з. алд. учр.	*ологочō̄ уллэ*	'вяленое мясо'
конноку	тнг.	*мō̄тı*	'лось'
кунгу	з. алд. учр.	*сун*	'пальто'
куструк (← якутск.)	—	*сēрун*	'радуга'
куртуруктак (← якутск.)	—	*иргичī*	'волк'
кэрэ	п.-т. н. с. с.-б. брг.	*хоролāвун*	'коршун'
мэривкī	з. алд. тнг.	*улгукī*	'бурундук'
мэкчикэ̄ (← якутск.)	з. алд. тнг.	*муку*	'кабарга'
мэкчиргэ (←якутск.)	—	*иӈтылгун*	'сова'

нёван	—	*мёван*	'сердце'
н'эгур'	с.-б. тнг. з.	*иргичӣ*	'волк'
н'элиптэн	—	*ӯрӯнэн*	'обрадовался (он)'
н'элунэн	—	*микчӣнэн, хэтэкӭнэн*	'прыгнул (он)'
онтон	—	*сокобӯн*	'ковш, поварешка'
туртас (якутск.)	в.-л. втм.	*гивчэн*	'козуля'
туруктэ	с.-б. олкм. чмк. сх.	*иннэктэ*	'черемуха'
туруйа (якутск.)	тнг. урм. учр.	*карав*	'журавль'
угучарук	—	*нэмэ̄*	'седло'
хивиŋа	тнг.	*иргичи*	'волк'
холиŋа	—	*сӭрун*	'радуга'
чагилɣан (якутск.)	—	*хӭлкин*	'молния'
чоноку	тнг. з. алд. хыг.	*эвкӣн*	'двухгодовалый олень'
эйтэкэ̄	тнг.	*дянтакӣ*	'россомаха'
эрбэк (якутск.)	т. з. алд. хнг.	*эŋки, хуругун*	'большой палец'

Сокращенные названия диалектов и говоров

алд. — верхнеалданско-зейский диалект, брг. — баргузинский диалект, в.-л. — верхнеленский говор токминско-верхоленского диалекта, втм. — витимско-нерченский диалект, е. — ербогоченский диалект, з. — зейский говор верхнеалданско-зейского диалекта, и. — илимпийский диалект, н. — непский диалект, олкм. — олекминский говор витимо-олекминского диалекта, п.-т. — подкаменнотунгусский диалект, с. — сымский диалект, с.-б. — северобайкальский диалект, сх. — сахалинский диалект, тнг. — тунгирский говор витимо-олекминского диалекта, урм. — урмийский говор буреинско-урмийско-амгуньского диалекта, учр. — учуро-зейский диалект, чмк.-чумиканский диалект.

§ 66. Слова, заимствованные из якутского языка. В токкинском говоре они укоренились в фонетически измененном виде.

Токкинско-кинди-гирск.	Якутск.	Значение
арай	*арай*	'вдруг'
ахари	*аһара*	'слишком'

артīк	*аартык*	'большая дорога'
балтас	*балта*	'коренные зубы'
барањки	*бараанька*	'шуба, тулуп'
битīлик	*биил*	'поясница'
болла	*буолла*	'стало'
бэлэлэк	*бэлиэлээх*	'горностай'
д'илбэк	*дьилбэк*	'передняя сторона ляжки'
д'ōллок	*дьоллоох*	'счастливый'
д'уллйэ ачин	*дьуулэ суох*	'безмерный бесшабашный'
каптагас	*хаптаҥас*	'красная смородина'
коллорук	*холорук*	'буран, вихрь'
комойд'ōнни	*хомойуон*	'огорчиться'
комурган	*хомурҕан*	'ключица'
кустук	*кустук*	'радуга'
кэхэ	*киэһэ(э)*	'вечер'
котунīм	*хотунум*	'свекровь'
кутэт	*кұтұөт*	'зять'
кэмчи	*кэмчи*	'мало, недостаточно'
кэрийми	*кэрий*	'разведывать, 'высматривать'
мул'э	*миилэ*	'десна'
мэкчиргэ	*мэкчиргэ*	'сова'
ойбон	*ойбон*	'прорубь'
олок	*олох*	'жизнь'
отон	*онтон*	'потом, затем'
сахил	*саһыл*	'лиса'
саңахим	*саҥаһым*	'сноха'
синбир	*син-биир*	'все равно'
таңалай	*таҥалай*	'небо'
тасми	*тас*	'возить, таскать'
товок	*тобук*	'колено'
тойонīм	*тойонум*	'свекор'
тоңок	*тоҥолох*	'локоть'
туртас	*туртас*	'дикая коза'
туруйа	*туруйа*	'журавль'
тутумчо	*чочумча*	'немного погодя'
тэйми	*тиэй*	'возить, таскать'
тī	*тыы*	'ветка (местная лодка)'
ураҕас	*ураҕас*	'шест'
чалбак	*чалбах*	'грязь, лужа'
чавурҕай, *чэчэҕэй*	*чабырҕай*, *чэчэгэй*	'висок'
эрбэк	*эрбэх*	'большой палец'
эрдı	*эрдии*	'весло'
эйэксит	*иэйэхсит*	'дух-покровитель'

НЕКОТОРЫЕ ВЫВОДЫ

§ 67. В части фонетики:

1) Общим для токкинского говора и всех восточных диалектов является: а) наличие начального *с*; б) интервокальное *х*; в) выпадение начального *h*.

2) С говорами олекминского диалекта (тунгирским, каларским) описываемый говор сближают: а) соответствия: *э* — *а*, б) озвончение *х* в *ĥ* в интервокальном положении перед узким гласным *и*.

3) С чульманско-гилюйскими и алдано-амурскими диалектами говор сближают: а) варианты фонемы *ē*: *ē* ~ *æ*, *ē* ~ *ɛ̄*; б) замена щелевого согласного *в* смычным *б* после суффиксов множественного числа *-л* и *-р*; в) переход губно-губного *w* в заднеязычный *г*; г) прогрессивная ассимиляция в следующих случаях: после суффикса отложительного падежа (*-дук*) и суффикса отчуждаемой принадлежности *-ŋ(и)*; д) дистанционная (через гласный предшествующего слога) регрессивная ассимиляция согласного *ч*; е) неассимилированные сочетания *рн*, *рм*, *рд*; з) переход согласного *ĥ* в звонкий *γ*.

4) Влияние фонетики якутского языка проявляется: а) в наличии удлиненных гласных; б) в губном притяжении гласных; в) в переходе интервокального *w* в *б*; г) в замене щелевого *й* смычным *д'*; д) в оглушении конечного *г* в *к*; е) в замене начального *h* звуком *с*.

§ 68. В части морфологии.

1) С другими восточными диалектами описываемый говор сближают: а) варианты суффиксов направительного падежа *-ткӣ*, *-тикāкӣ*; б) две формы личных местоимений 1-го и 2-го л. в винительном падеже; в) три варианта прошедшего времени; г) собирательные — временны́е числительные в разновременной деепричастной форме на *-кса* (*-ксэ*, *-кса*).

2) С соседними говорами томмотский говор сближают: а) с алданско-учурским — форма числительных второго десятка в отложительном падеже; б) с чульманско-гилюйским — формы порядковых числительных на *-вукта* и *-чӣ*; форма уменьшительности на *-кикан*; в) с тунгирским — наличие имени отрицания действия *эчин*; вторая форма условного деепричастия на *-кӗн*.

§ 69. Необходимо отметить и специфические особенности токкинского говора.

1) В части фонетики: а) соответствие гласного *у* гласному *и*; б) соответствие гласного *и* гласному *э*; в) замена согласного *л* согласным *р*; г) замена заднеязычного согласного *ŋ* среднеязычным *н'* при губном притяжении гласных.

2) В части морфологии: а) возвратное местоимение *мэ̄(н)* сохраняет значение, соответствующее значению существительного *бэйэ*; это наиболее ярко выражается в форме совместности с суфф. *-тэй*: *мэ̄тэй* 'сам собственной персоной'; б) количественные числительные первого десятка в производной форме с суффиксом ограничительности *-ксо̄*; в) формы безличной возможности действия с суфф. *-кит* (в функции сказуемого); г) три формы настоящего времени глагола 'быть'; д) лично-притяжательные суффиксы 1-го и 2-го л. множ. ч. *-н'у*: *мунн'у*, *сунн'у*.

А. Н. Мырсева

ОЧЕРК ТОММОТСКОГО ГОВОРА

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ

В 1958 г. для сбора диалектологического материала нами была проведена научная командировка в Алданский район — в Буягинский и Белетский наслеги.

Алданский округ, состоящий из Тунгиро-Олекминского, Учурского и Тимптонского районов и Алданского улуса, был создан в 1925 г.; в него входили кочевые Советы, объединяющие эвенков и приисковые поселки. В Алданском округе в 1926 г. насчитывалось якутов 848 чел., тунгусов 2827 чел.,[1] не считая русских и представителей других национальностей.

В 1931 г. в Якутской АССР проводилось национально-территориальное районирование. Тунгиро-Олекминский район отошел к Витимско-Олекминскому Эвенкийскому национальному округу. В Якутии к северным национальным районам были отнесены девятнадцать (в том числе Тимптонский, Учурский и Томмотский). В указанных девятнадцати районах в 1933 г. насчитывалось 5772 эвенка (то есть фактически эвенков и эвенов).[2]

Томмотский и Учурский районы теперь объединены с Алданским.

Современный Алданский район расположен по верхнему течению р. Алдана, включая верховья р. Амга и низовья р. Учур (приток Алдана). Томмотские эвенки, расселенные по бассейну р. Алдана, на западе и юге живут по соседству с чульманско-гилюйскими эвенками Тимптонского района, на востоке с учурско зейскими эвенками бывшего Учурского района и якутами Амгинского района; их северными соседями являются токкинские эвенки, нижнеолекминские якуты Олекминского района и якуты Орджоникидзевского района.

Эвенкийское население Алданского района в основном живет в колхозе им. Кирова и пос. Буяга Буягинского наслега, в колхозах Беллетского наслега — „Серп и молот“ и еще одном, в

[1] Всесоюзная перепись населения 1926 года, т. VII, Отд. 1, стр. 180.
[2] ЦГА ЯАССР, ф. 50, оп. 31, ед. хр. 124, л. д. 137.

колхозе им. Кирова Якокутского поссовета и в двух колхозах Чагдинского поссовета (один — им. Чкалова).

Буягинский наслег расположен на верховьях р. Амга. Население наслега на 80% состоит из эвенков, прочие — якуты и русские. Все эвенкийское и якутское население наслега объединено в колхоз им. Кирова (до укрупнения существовало три артели: „Буяга", им. Кирова и „Улуу"). Колхозники в основном занимаются охотой и оленеводством, только частично — земледелием и животноводством. Несколько семей эвенков живет в пос. Буяга на р. Амга.

Эвенки Буягинского наслега ведут свое происхождение от родов Буяги(р), Девулгэ, Кэлтэку, Бомборко, Баттак, Кухагай и Анаму. Большинство эвенков Буягинского наслега относится к роду Буяги. Сородичи их, как указывает Г. М. Василевич, — Баягир, Боягир, Буягир — в XVII в. жили по рекам Ур, Наун, Шилка, Чита (притоки Амура), Вилюй, у оз. Еравна и на р. Лене, между реками Кута и Синей; в районе Тазовского и Мангазейского зимовий; по р. Кута (приток Лены); в XVIII в. — в бассейне р. Алдан и в районе Телембинского острога; в XIX в. — по рекам Нерча, Зюльзя, между Алданом и Амгой, по рекам Тунгир, Тимптон, Ур, Патома, Алдан, Кута, Вилюй, Чона, Наун-Амур (у Стрелки), у Норильских озер, у оз. Чиригдинского и р. Хатанга-Котуй (к северу от Нижней Тунгуски), по рекам Анабара и Хантайка; в XX в. на востоке — между Амгой и Алданом, по рекам Тимптон, Нюкжа, Зея, Учур, Гонам, Сутам, Алгома, Бухта, Мерген, Ган, Нонни (правые притоки Амура).[1]

Согласно рассказам, поколение Дебулгэ — якутского происхождения, предки их до XX в. жили на острове Тойон-Арыы на Лене (ныне Орджоникидзевский район).

Сородичи Кэлтэку ~ Калтакул (Келтокут, Келтят, Келраку) жили в XVII в. по рекам Вилюй, Варка; в XVIII в. — по рекам Вилюй и Лена;[2] Колто (Колтоет, Култу, Колтагир) в XVIII в. жили в Забайкалье, в XIX в. — по реке Селенге, в XX в. — по рекам Гилюй, Зея, Сутам, Мерген, Ган, Быстрая, Албазин и в Забайкалье;[3] Калтагир, Калтагат жили в XVII в. в районе Аргунского острога и по реке Нергат; в XIX — XX вв. — по рекам Албазиха, Быстрая, Бухта.[4] У якутов есть рассказ, в котором упоминается родоначальник Кэлтэки, живший на Лене: „На территории Орджоникидзевского района жили родоначальники-тойоны, как Тыгын, Сабыйа Кэлтээки и другие,

[1] Г. М. Василевич. Эвенкийско-русский словарь. М., 1958, стр. 576—577.
[2] Там же, стр. 579.
[3] Там же, стр. 579-580.
[4] Там же, стр. 579.

известные своими набегами против других якутских племен".[1] По якутским преданиям, главы семейно-родственных групп распределяли землю между своими детьми и родственниками. Рассказывают, что легендарный предок пяти Мальжегарских наслегов старик Малдьагар „повелел своим пяти сыновьям жить в разных местах. Старшего сына Кэлтээки Сабыйа определил жить на острове Тойон-Арыы [на Лене]".[2]

К роду Лонггорку (в произношении буягинских эвенков —Бомборко) относятся только два хозяйства. Лонггорку (Бомборко) в XIX—XX вв. жили по рекам Амга (приток Алдана) и Алдан.[3]

Сородичи Сологор (Шологон, Шолон, Солон, Сологон) в XVII в. жили по рекам Синей и Алдан (истоки), Витим, Оленек (верховья), Вилюй, Силимба (система Зеи), в XIX—XX вв. — по рекам Амга, Патома, Вилюй, Зея (верхние притоки), Лена (около г. Киренска), Быстрая и на Большом Хингане, в Томмотском, Тимптонском, Джелтулакском, Учурском районах.[4]

Около одного десятка хозяйств колхоза им. Кирова Буягинского наслега относятся к поколению Баттак (якутск. *баттах* 'волосы, шкурка с головы оленя или лося'). Видимо, эти эвенки принадлежат к роду Метаткар: *мета* по-эвенкийски означает также 'шкурка с головы оленя (лося)'. Метаткар — эвенки из Токкинского и Нижнеолекминского районов.[5]

Эвенки Кухагай, по утверждению их самих, пришли на Амгу с берегов Лены, из Кангалласского улуса (ныне Орджоникидзевский район ЯАССР) в начале XX в.

К поколению Анамул относится только три хозяйства. По преданию, род получил название Анаму (что значит 'лось') оттого, что предок их был человеком исключительно высокого роста. Представители рода Анаму кочевали по рекам Амга, Учур (притоки Алдана), Зея (правый приток Амура).

Родной — эвенкийский язык в Буягинском наслеге сохранился довольно хорошо по сравнению с другими наслегами района. Все эвенки старше 35—40 лет хорошо владеют родным языком и на нем общаются между собою. Молодежь 25—35 лет родным языком владеет частично (хорошо понимает эвенкийскую речь, но свободно не говорит). Эвенки младше 25 лет языком не владеют, а дети школьного возраста родного языка не

---

[1] П. П. Барашков. Особенности говора якутов Орджоникидзевского района. Уч. зап. ИЯЛИ, Якутского филиала АН СССР, Якутск, 1955, вып. 3, стр. 152.

[2] Г. У. Эргис. Землепользование у якутов по их историческим легендам, преданиям и рассказам. Там же, стр. 109.

[3] Г. М. Василевич. Эвенкийско-русский словарь, стр. 580.

[4] Там же, стр. 585.

[5] Там же, стр. 581.

знают совсем. Все эвенки хорошо владеют якутским языком, поэтому в быту говорят только на якутском языке. Молодежь хорошо владеет также русским языком, так как обучение в школе с пятого класса ведется на русском языке (до пятого класса — на якутском).

Колхозное делопроизводство ведется на якутском и русском языках, собрания и другие общественные мероприятия ведутся также на якутском языке.

Беллетский наслег расположен по р. Алдан в 80 км, выше г. Томмот. Центр наслега — пос. Угоян (в 100 км от районного центра), здесь расположен колхоз. В этом наслеге имеется еще колхоз „Серп и молот" (в 30 км от Угояна). Население наслега смешанное, эвенки составляют примерно половину, якуты — 40%, остальные русские. В этом наслеге родной — эвенкийский — язык сохранился плохо, им владеют лишь отдельные лица, преимущественно охотники и оленеводы. Эвенки, постоянно живущие в колхозе, родным языком не владеют и говорят на якутском языке, частично на русском.

Беллетские эвенки по своему происхождению являются потомками нескольких родов: Буллэт, Нюрмаган, Сологор, Метаткар, Чакигир.

Сородичи Буллэт (Булдэ, Буллэ, Бэлдэ, Бэллэ) жили в XVIII в. по рекам Алдан и Зея; в XIX в. — по рекам Амур (в районе Албазина), Алдан, Амга, Патомой, Олекма, Уд; в XX в. — по рекам Алдан, Тимптон (Тимптонский район), Гилюй, Зея (Джелтулакский район), Бахта, Албазиха и Быстрая (правые притоки Амура).[1]

Эвенки Нюрмаган (Нюрма) в XVII в. жили по рекам Нюрба, Толба, Чона (притоки Вилюя), Олекма; в XIX в. — по истокам рек Алдан, Амга, Потомой; в XX в. — в Томмотском и Тимптонском районах.[2] В настоящее время часть их живет в Олекминском районе.

Представители поколений Метаткар и Чакигир в Беллетском наслеге живут с 30-х годов XX в. Чакигир (Чачигир) — эвенки из Тунгир-Олекминского и Нюкжинского районов.[3]

Кроме двух вышеописанных наслегов, командировкой был охвачен колхоз им. Кирова Якокутского поссовета. Большинство населения колхоза им. Кирова эвенкийское. Основным занятием колхозников является охота и оленеводство. Эвенкийским языком владеет старшее поколение. В этом колхозе объединены эвенки — потомки родов Буяги, Бута, Ингилахинкур, Буллэт.

[1] Там же, стр. 577.
[2] Там же, стр. 582.
[3] Там же, стр. 584.

Сородичи Бута (Бутал, Бутан) жили в XVII—XX вв. по рекам Алдан, Учур, Уд; в XX в., кроме того, — в. Аянском, Чумиканском, Кур-Урмийском, Верхнебуреинском, Верхнеселемджинском, Зейско-Учурском районах и на Сахалине.[1]

Сородичи Ингилахинкур (Ингэлэс, Ингэлахир, Иглагир) живут по рекам Алдан, Учур, Тимптон, Олекма и Тунгир.[2]

Таким образом, эвенки Буягинского наслега связаны родством с эвенками из бывшего Учурского и Орджоникидзевского районов, эвенки Беллетского наслега — с эвенками из Олекминского и Тимптонского районов.

ФОНЕТИКА

§ 1. Состав гласных фонем в этом говоре несколько отличается. Неясные по артикуляции пары узких гласных (*у, и*) выражены более четко. Кроме губной заднего ряда фонемы *у*, в этом говоре есть вторая более продвинутая вперед фонема *ӳ*. Под влиянием фонетики якутского языка вторая, отодвинутая назад фонема *и* чаще произносится как заднеязычная фонема *ы*, (см. рентгенограммы произношения Мыреевой).

Долгому *ē* соответствует дифтонгоидный звук *ᵘе*, или *ɛ̄*. В начале слова обычно встречается *ᵘе* , а в середине и в конце слова — *ɛ̄*.

Таблица 1

Подъем \ Ряд		Передний		Средний		Задний	
		губные	негубные	губные	негубные	губные	негубные
Верхний	узкие		*и ī*	*ӳ ӯ*	*(ɪ ɪ)*	*у ӯ*	*ы ы̄*
Средний	широкие		*ᵘе (ɛ̄)*	*ō*	*э э̄*	*о ō*	
Нижний					*(ạ)*		*а ā*

Долгий *э̄* вследствие губного притяжения превращается в губной *ō*.

Остальные гласные по своей артикуляции соответствуют общеэвенкийским гласным звукам.

[1] Там же, стр. 577.
[2] Там же, стр. 578.

Как видим, в говоре 17 гласных звуков. Из них долгими и краткими могут быть: *а* — *ā*, *о* — *ō*, *и* — *ī*, *ы* — *ы̄*, *э* — *э̄*, *у* — *ӯ*, *ӱ* — *ӱ̄*, звуки *ө̄* и *ӗ̄* всегда долгие.

а — негубной заднего ряда, нижнего подъема: *амин* ‘отец’, *гаран* ‘взял (он)’, *буӈа* ‘страна, родина’.

ā — соответствующий долгий: *āвун* ‘шапка’, *кунгāкāн* ‘ребенок’, *вāчā* ‘убил (он)’.

о — губной заднего ряда, среднего подъема: *орон* ‘олень’, *гоpо* ‘далеко, далекий’.

ō — соответствующий долгий: *ōха* ‘камыс’, *ōлā* ‘ворон’, *олōрон* ‘перешел вброд (он)’, *поpочо* ‘сушеное мясо (в виде порошка)’.

у — губной заднего ряда, верхнего подъема: *уман* ‘костный мозг’, *умукта* ‘яйцо’, *талу* ‘береста’.

ӯ — соответствующий долгий: *ӯс* (якутск. *уус*) ‘кузнец, мастер’, *урӯран* ‘несколько раз промахнулся (он)’, *малӯ* ‘место в юрте (палатке) против печки или за очагом’.

и — негубной переднего ряда, верхнего подъема: *иррэн* ‘сварился (он)’, *hӱнмиктэ* ‘мошка’, *гиркī* ‘друг, товарищ’.

ī — соответствующий долгий: *икэ* ‘котел’, *hэлиндӣэм* ‘тороплюсь’, *ники* ‘утка’.

ы — негубной заднего ряда, верхнего подъема: *ылан* ‘три’, *ытык* (якутск. *ытык*) ‘мутовка’, *кāhы* (русск. *каша*).

ы̄ — соответствующий долгий: *гы̄та* ‘суп из сушеных хрящей и жил’, *ылы̄ха* ‘сопля’, *сачары̄* ‘домашняя важенка двухгодовалая’.

і — негубной среднего ряда, верхнего подъема; встречается только после *д*, *т*: *тікрэн* ‘упал (он)’.

э — негубной среднего ряда, среднего подъема: *экин* ‘старшая сестра’, *hэрэкэ* ‘отдельно’, *дэрэ* ‘лицо’,

э̄ — соответствующий долгий: *энэ̄* ‘часть, пай, доля’, *ирэ̄ктэ* ‘лиственница’, *сӣрэ̄* ‘лось-самец осенью’.

ӱ — губной, продвинутый вперед, верхнего подъема: *ӱллэ* ‘мясо’, *ӱлӱкī* ‘белка’, *hӱмӱ* ‘жила’.

ӱ̄ — соответствующий *ӱ* ‘скребок’, *имӱ̄рэн* ‘жир (топленый)’, *йэпӱ̄* ‘теплый (о воде)’.

ө̄ — долгий губной среднего ряда, среднего подъема: *ө̄рэк* ~ *ө̄рэх* (як. *үерэх*) ‘учеба, ученье’, *ӱлө̄кпчэ̄* ‘обманул (он)’, *ин'эмө̄* (междом.) ‘ох, как смешно, смех берет’.

ӗ̄ — негубной долгий переднего ряда, среднего подъема: *мӗ̄та* ‘шкурка с головы оленя или лося’, *тыкӯн'ӗ̄* (междом.) ‘зло берет’.

"е — дифтонгоидный переднего ряда, среднего подъема: *"еха* ‘глаз’, *"елла* ‘уголь’, *"екӯн?* ‘что?’.

На примерах, приведенных при характеристике каждого вука, видно, что любой гласный, кроме *ӗ̄* и дифтонгоида *"е*,

может занимать в слове какое угодно положение. При этом следует заметить, что гласный *ǭ* в начале слова встречается только в словах, заимствованных из якутского языка, и соответствует якутскому дифтонгу *үө*: *ǭр* (якутск. *үөр*) 'стадо, стая, группа'.

§ 2. Гармония гласных в описываемом говоре отличается большей последовательностью, чем в других говорах эвенкийского языка. Это проявляется в следующем: в одном слове могут быть гласные только переднего ряда или только заднего и средне-заднего ряда — так же, как и в якутском языке.

Вследствие этого после слога с долгим *ā*, в отличие от северных и южных говоров, в томмотском говоре следует *ạ*,[1] а не *э*. Употребление этого *ạ* после долгого *ā* было отмечено в других восточных говорах: тунгирском, чульманско-гилюйских, учурско-зейских и токкинском говорах.

§ 3. Для говоров эвенков, живущих в Якутии, характерно губное притяжение. Оно было отмечено Г. М. Василевич в учурско-зейских[2] и чульманско-гилюйских[3] говорах. В томмотском говоре губное притяжение выражено более ярко, чем в вышеупомянутых говорах. Примеры: *сӱрӱрӱн* ~ *хӱрӱрӱн* 'ушел (он)', *бӱрӱрӱн* 'упал ,выпал (он)', *бӱйӱрӱн* 'кровяная колбаса', *ӱрӱнӱн* 'обрадовался (он)'.

В результате губного притяжения в некоторых глаголах настоящего времени изъявительного и повелительного наклонений сочетание *эв* превращается в *ӱв*, губно-зубной *в*, попав рядом с губным гласным, превращается в губно-губной *ш* и стягивается с *ӱ*: *эмэврэн* → *эмӱврэн* → *эмӱрэн* 'принес (он)', *эмэвкэл* → *эмӱвкэл* → *эмӱкэл* 'принеси'.

Г. М. Василевич кроме того отметила в учурско-зейских говорах и сахалинском диалекте усиление долготы *ӯ*: *эмӱрэн* 'принес (он)', *эмӱкэл* принеси;[4] в описываемом говоре эта долгота почти не слышна.

§ 4. Если основа слова оканчивается на узкий гласный *у*, он обычно опускается: *hӱмкэ* (лит. *hӯмукӣ*) 'большая сова', *дукран* (лит. *дукуран*) 'написал (он)', *hӣнгкӣчӣн* (лит. *hӣнукӣ*) 'рябчик', *сиргӣ* (лит. *сиругӣ*) 'песок', *тӣм* (лит. *тӣму*) 'плот', *анам* (лит. *анаму*) 'лось (накануне спаривания).'

Опускание конечного *у* основы — явление, характерное для чульманско-гилюйских и учурско-зейских говоров.[5]

---

[1] Г. М. Василевич. Очерки диалектов эвенкийского (тунгусского) языка. Л., 1948, стр. 110—120, 232, 263.
[2] Там же, стр. 263.
[3] Там же, стр. 232.
[4] Там же, стр. 302, 263.
[5] Там же, стр. 232, 263.

Вследствие опускания конечного *у* основа глагола осознается оканчивающейся на согласный, и суффикс лица добавляется при помощи соединительного гласного *и*. Эта черта как следствие характерна для крайневосточных говоров.[1]

Примеры: *дук-и-м* (лит. *дукум*) 'написал (я сейчас)', *дэр-и-м* (лит. *дэрум*) 'устал (я, сейчас)', *ир-и-м* (лит. *ирум*) 'приволок (я, сейчас)'.

§ 5. Состав согласных звуков томмотского говора следующий:

Таблица 2

По способу образования		По действующему органу					
		губно-губные	губно-зубные	передне-язычные	средне-язычные	задне-язычные	фарингальные
Смычные	чистые	*п б*		*т д*	*ч' дʼ*	*к г*	
	аффрикаты			*[ц]*			
	носовые	*м*		*н*	*нʼ*	*ŋ*	
Щелевые	срединные	*[ф]*	*в*	*с [з] [ш] [ж]*	*й*	*х (ɣ)*	*(h)*
	боковые			*л*			
Дрожащие				*р*			

Примечание: В простых скобках — комбинаторные варианты. В квадратных скобках — согласные, заимствованные из русского языка и употребляющиеся только в русских же заимствованных словах.

§ 6. Томмотский говор так же, как и все восточные говоры, является сибилянтно-спирантным. В начале слова, если слово берется вне контекста, в большинстве случаев употребляется *с*. Так, из 18 осведомителей 13 произносит *сулаки* 'лиса', 5 — *хулакй*; *сӱкэ* 'топор', произносят 14 человек и только 4 человека — *хӱкэ*, и т. д. В связи с тем, что в слове в интервокальном положении может стоять только *х*, в контексте, если слово с начальным *с* следует за словом с открытым последним слогом, почти всегда употребляется *х*: *с п эрӱ бэйэ бихинни*

[1] Там же.

'ты плохой человек'; *би хинэ вāмчав-дā, улāнінам бэйэлбэ* 'я бы убил тебя, но людей я жалею'; *тар Ӈамӈава эвкī хāра бичэ̄*... 'ту Амгу он не знал...'; *былыргы бэйэл лōктӯрва эӈкитін сāра* 'прежние люди не знали врачей'.

§ 7. 1) В интервокальном положении в данном говоре употребляется только *х*: *ахī* (лит. *асī*) 'женщина', *эӈэхī* (лит. *эӈэсī*) 'сильный', *ӱхīкэ̄н* (лит. *усīкэ̄н*) 'тесемка, веревочка'.

2) Звук *х* соответствует сочетанию *кс* литературного языка в существительных, глаголах и в производных от них словах. Такое соответствие характерно для чульманско-гилюйских и токминских говоров.[1] Примеры: *ирэ̄хэ* (лит. *ирэ́ксэ*) 'оленья шкура', *тамнāха* (лит. *тамнāксэ*) 'туман', *тӯхам* (лит. *туксам*) 'побежал (он)', *этэхэ̄* (лит. *этэксэ̄*) 'закончив (он)'.

Это явление иногда распространяется и на отдельные заимствованные якутские слова: *соксо* (якутск. *сохсо*) 'ловушка', 'пасть', некоторые эвенки произносят *сō̄хо* — с удлинением первого слога.

§ 8. Начальный согласный суффикса настоящего совершенного времени изъявительного наклонения *-ра* (*рэ*) не ассимилируется: а) с предшествующими носовыми; б) с предшествующим *к*, что также характерно для олекминских и чульманско-гилюйских говоров.[2] Примеры: *ӱӈрэн* 'послал (он)', *ӱӈрэ* 'послали (они)'; *таӈран* 'прочитал (он)', *таӈра* 'прочитали (они)'; *умра* 'выпили (они)'; *кыкран* 'укусил (он)', *кыкра* 'укусили (они)'; *лукран* 'снял (он)', *лукра* 'сняли (они)'; *тікрэн* 'упал (он)', *тікрэ* 'упали (они)'.

Эвенки рода Бута эти слова произносят с *д* вместо *р* так же, как в северных говорах илимпийского диалекта[3] и учурско-зейских говорах.[4] Примеры: *ӱӈдэ* 'послали (они)', *таӈда* 'прочитали (они)', *умда* 'выпили (они)'.

Но в произношении эвенков рода Кэлтэку *р* после *с* так же не ассимилируется, как и в говорах непского диалекта,[5] распространенных по верховьям р. Чоны и восточнее — за Леной (в районе нижних притоков Витима), и в речи представителей рода Бута кур-урмийских эвенков.[6] Например: *исран* 'дошел (он)'.

В произношении же всех остальных *-р* ассимилируется полностью, как и в произношении некоторых учурско-зейских эвен-

[1] Там же, стр. 234, 98.
[2] Там же, стр. 234.
[3] Там же, стр. 162.
[4] Там же, стр. 265.
[5] Там же, стр. 142.
[6] Там же, стр. 284.

ков:[1] *ыссан* 'дошел (он)', *ысса* 'дошли (они)'; *дассан* 'закрыл (он)', *дасса* 'закрыли (они)'.

§ 9. Начальный *h* сохраняется, за исключением слов *усми* 'стричь' и *ихэлэ* 'ящерица'. Представители же рода Инилахинкур *h* в начале слова не произносят во всех случаях: *ӯтэ* 'дитя, ребенок', *окто* 'путь, дорога', *актіра* 'темно, темный'.

Это явление характерно для большинства южных шипящих диалектов,[2] а также для ряда говоров других диалектов, на которых говорят потомки забайкальских эвенков.

Буягинские эвенки в слове *анчан* 'щека' сохранили начальный *h*: *hанчан*.

§ 10. Начальный согласный суффикса совместного падежа *-нӯн* и частицы *-нӯн* палатализируется, как и в соседних учурско-зейских говорах:[3] *бэйэн'ӯн* (лит. *бэйэнӯн*) 'с человеком', *гиркин'ӯнмӣ* (лит. *гиркинӯнми*) 'с товарищем своим', *сӯрӯмӣн'ӯн* (лит. *сурумӣ-нӯн*) 'как только пойдет, если только пойдет', *этэмӣ-н'ӯн* (лит. *этэмӣ-нӯн*) 'как только закончит, если только закончит'.

§ 11. В суффиксе будущего времени глагола употребляется узкий гласный *и* и заднеязычный *ӈ*, а не *ӈ* как в других диалектах: *ōд'иӈāн* 'сделает', *йӯд'иӈэ̄н* 'выйдет', *омӈод'иӈāн* 'забудет'.

§ 12. Под влиянием якутской фонетики среднеязычный начальный звук *й* в заимствованных русских и в некоторых эвенкийских словах заменяется палатализованным *д'*: *д'эӈин* ← *йэгин* 'девять', *д'āӈы* ← *йāӈ* 'голец, сопка', *д'ōлка* ← *йōлка* 'елка', *д'ӯпка* ← *йӯбка* 'юбка'.

Такая замена была отмечена как редкое явление в соседних чульманско-гилюйских говорах.[4]

§ 13. Основной особенностью говора в области согласных является отсутствие звонкого губно-губного проточного *w*. Ему в глагольном суфф. *-ву* соответствует губно-губной взрывной *п*: *улапум* 'промок (он)', *нулипум* 'зажегся (он)', *д'эпим* 'съел (он)', *умӣпум* 'собрал в кучу (он)'.

В возвратно-притяжательных суффиксах и в суффиксе винительного падежа после *р*, *л* согласный *в* заменяется губно-губным *б*, который после глухих согласных ассимилируется всегда в *п*: *ороробu* ~ *ороровu* 'своих оленей', *hӯтэлбэр* ~ *hӯтэлвэр* 'своих детей', *мōлба* ~ *мōлва* 'деревьев', *бэйӯрбэ* ~ *бэйӯрвэ* 'диких оленей', *угӯчакпи* 'своего верхового оленя', *āмутпа* 'озеро' (вин. пад.).

---

[1] Там же, стр. 265.
[2] Там же, стр. 234.
[3] Там же, стр. 264.
[4] Там же, стр. 236.

§ 14. В некоторых заимствованных и эвенкийских словах начальному звонкому *б* соответствует глухой *п* или наоборот: *палага* (русск. *балаган*), *булат* (русск. *платок*), *пурча* (якутск. *барча*) 'сушеная, растертая в порошок рыба', *Пуйāгы* (лит. *Буйāги*) — название населенного пункта и эвенкийского рода.

§ 15. Смычный согласный *г* в интервокальном положении иногда, а в конце слов всегда, произносится как щелевой *ŋ*: *тоŋо* 'огонь, очаг', *дӯŋэ̄* 'конец, наконечник, вершина', *д'агдаŋ* сосняк', *hулāкāŋ* 'гарь с молодой порослью', *тāлгыŋ* 'бурелом'.

МОРФОЛОГИЯ

Словоизменение

§ 16. Категория числа. В описываемом говоре, как и во всех других, суффиксы множественного числа для именных категорий, глагольно-именных и деепричастных форм одни и те же.

1) После гласных — *-л*; при основах на *н* — *-р* или *-хал*, соответственно в секающих диалектах *-сал*: *бэйэ* 'человек', *бэйэл* 'люди'; *орон* 'олень', *орор* 'олени'; *хаман* 'шаман', *хамар* ~ *хамахал* 'шаманы'; *айа* 'хороший', *айал* 'хорошие'; *hуларӣн* 'красный', *hуларӣр* 'красные'; *тунна* 'пять', *тунналь* 'пятеро (их)'; *тар* 'тот', *тарил* 'те'; *нунан* 'он', *нунартин* 'они'; *нэнэд'эрӣ* 'идущий', *нэнэд'эрӣл* 'идущие'; *вāчā* 'убивший', *вāчāл* 'убившие'; *ōхā* 'сделав (он)', *ōхāл* 'сделав (они)'.

Кроме того, названия лиц одной семьи и родственников, имеют во множественном числе суфф. *-йā*: *тар hэгдı д'ӯдӯ Иванōвйā бид'эрэ* 'в том большом доме живут Ивановы'; *нунартин чāгидāдӯтин Д'ākипйā д'ӯтын* 'за ними дом Якова (семьи Якова)'.

Названия родственников, оканчивающиеся на *-н*, во множественном числе имеют суфф. *-нӣл*:[1] *акин* 'старший брат', *акнӣл* 'старшие братья'; *нэкӯн* 'младший брат, сестра', *нэкнӣл* 'младшие братья, сестры'; *кӯкин* 'невестка', *кӯкнӣл* 'невестки'.

Для обозначения большого количества живых существ суфф. *-йā* выступает в удвоенной форме *-йāйā* (по значению соответствует русск. 'много-много'). Слова, оформленные этим суффиксом, произносятся с особой интонацией восклицания, логическое ударение падает на суффикс числа: *орōйōйō онкод'оро*! 'много-много оленей пасется!'; *āмуттӯ нākāйэ̄йэ̄* 'на озере много-много уток!'.

---

[1] Форма на *-нил* отмечена в непском диалекте. См.: Г. М. Василевич. Очерки диалектов. . ., стр. 142.

Таблица 3

Склонение имен

Падежи	Единственное число					Множественное число
	основа на гласный	основа на согласный				
Именительный	*мӧ* ‘дерево’	*д'ав* ‘лодка’	*ӑмут* ‘озеро’	*орон* ‘олень’	*ӟил* ‘голова’	*мол* ‘деревья’
Винительный	*мӧ-ва*	*д'ав-ва*	*ӑмут-пӑ*	*орон-мо*	*ӟил-ва* (-ба)	*мӧл-ва (-ба)*
Винительный неопределенный	*мӧ-йа*	*д'ав-йа*	*ӑмут-йӑ*	*орон-о*	*ӟил-йа*	*мӧл-а*
Творительный	*мӧ-т*	*д'ав-и-т*	*ӑмуд'-и-т*	*орон-д'и*	*ӟил-и-т*	*мӧл-д'и*
Совместный	*мӧ-н'ӯн*	*д'ав-н'ӯн*	*ӑмут-н'ун*	*орон-н'ӯн*	*ӟил-н'ӯн*	*мӧл-н'ӯн*
Дательный	*мӧ-дӯ*	*д'ав-дӯ*	*амут-тӯ*	*орон-дӯ*	*ӟил-дӯ*	*мӧл-дӯ*
Местный	*мӧ-лӑ*	*д'ав-дулӑ*	*ӑмут-тулӑ*	*орон-дулӑ*	*ӟил-дулӑ*	*мӧл-дулӑ*
Отложительный	*мӧ-дук*	*д'ав-дук*	*ӑмут-тук*	*орон-дук*	*ӟил-дук*	*мӧл-дук*
Исходный	*мӧ-гӣт*	*д'ав-гӣт*	*ӑмут-кӣт*	*орон-ӈӣт*	*ӟил-гӣт*	*мӧл-гӣт*
Направительный	*мӧ-ткӑкӣ*	*д'ав-тікӑ-кӣ*	*ӑмут-ті-кӑкӣ*	*орон-тікӑкӣ*	*ӟил-тӣкӑкӣ*	*мол-тікӑки*
Продольный	*мӧ-лӣ*	*д'ав-дулӣ*	*ӑмут-тулӣ*	*орон-дулӣ*	*ӟил-ду-лӣ*	*мол-ду-лӣ*

2) В говоре Буягил зафиксированы только три слова, сохранившие значение двойственности: *сōннӯнан* ~ *хōннӯнан* 'важенка с теленком', *нынāнан* 'лосиха с теленком', *гохīнан* 'две белки в одном гнезде'.

Слово *сōннӯнан* употребляется в урмийском говоре и в сахалинском диалекте,[1] а *гохīнан* — в сахалинском диалекте и учурско-зейских говорах.[2]

§ 17. Категория падежа. Падежную форму могут принимать существительные, местоимения, числительные, прилагательные, глагольно-именные формы, наречия. Ко всем именным частям речи и глагольно-именным формам добавляются одни и те же падежные суффиксы, например: *бэйэ-дӯ* 'человеку', *мин-дӯ* 'мне', *ӯмӯн-дӯ* 'одному', *hуларīн-дӯ* 'красному', *тэгэтчэрī-дӯ* 'сидящему', *даҕа-дӯ* 'близко' и т. д. Характерны все общеэвенкийские падежи, не отмечены только формы направительно-местного и направительно-продольного падежей.

Некоторые отличия имеются в функциях падежей и в вариантах их суффиксов.

§ 18. Винительный падеж наряду с суффиксом *-ва* (*-вэ*, *-во*) имеет фонетический вариант *-ба* (*-бэ*, *-бо*), который употребляется преимущественно во множественном числе, например: *ororво* ~ *ororбо* 'оленей', *нīкīлвэ* ~ *нīкīлбэ* 'уток', *hэгдилвэ* ~ *hэгдилбэ* 'больших', *эрилбэ'* ~ *эрилбэ* 'этих', *д'ӯр д'āрва* ~ *д'ӯр д'āрба* 'двадцать' (вин. пад.), *hавалд' арīлва* ~ *hавалд'арīлба* 'работающих'.

Согласный суффикса после основ на глухие согласные оглушается, и суффикс произносится как *-па* (*пэ*, *-по*): *угӯчакпа* 'верхового оленя', *hунāтпа* 'девушку'.

§ 19. Направительный падеж. После основ на гласные суффикс этого падежа имеет форму *-ткāкī* (*-ткэкī*), а после основ на согласные — *-тыкāкī* (*-тікэкī*):

орор бираткāкī хӯрӯчӧл 'олени ушли по направлению к реке'; *ӯнакинти āмуттикāкī акчӯллан* 'наша собака начала рваться к озеру'.

§ 20. Дательный падеж. Суффикс (*-дӯ*, *-тӯ*) и функции падежа общеэвенкийские; в форме дательного падежа с соответствующими лично-притяжательными суффиксами употребляется и слово *онну* 'вместо', заимствованное из якутского языка: *би оннудӯв эн'īнми орорвов сырран* 'вместо меня (т. е. вместо моего действия) мать надоила моих оленей'; *кӯнгӯв оннудӯн мукукэвэ тэтим* 'вместо пальто надел(он) доху'.

---

[1] Г. М. Василевич. Эвенкийско-русский словарь, стр. 363.
[2] Там же, стр. 94.

В описываемом говоре дательным падежом, как и в якутском и русском языках, может управляться глагол *гун-* 'говорить': *аминми миндӯ гунэн: „ororvi тінтікэл“* 'отец мне сказал: „распусти оленей“'.

Словообразование

§ 21. Имя существительное. От существительных образуются новые существительные при помощи следующих характерных для всех диалектов суффиксов: *-мāн* (*-мэ̄н*, *-мо̄н*), *-г*, *-рӯк*, *-ткāн* (*ткэ̄н*, *-тко̄н*), *-птӯн*, *-гāн* (*-гэ̄н*, *-го̄н*), *-мигда* (*-мигдэ*), *-ты*, *-ран* (*рэн*, *-рон*), *-ӈāт* (*-ӈэ̄т*, *-ӈо̄т*), *-лаха* (*-лэхэ*, *-лохо*).

Общеэвенкийскому суфф. *-кса*, который образует название шкур животных, в говоре соответствует фонетический вариант *-ха*:[1] *ирэхэ* 'оленья шкура', *ӯлӯкӣхэ* 'беличья шкурка', *сулакӣха* 'лисья шкурка'.

Суфф. *-ӈна* (*-ӈнэ*, *-ӈно*), образующему географические названия по какому-либо характерному признаку, в говоре соответствует неассимилированная форма на *-ӈра* (*-ӈрэ*, *-ӈро*). Зафиксированы, например, такие названия озер и рек: *Бэ̄лбукэ̄нрэ* 'озеро, где водятся черти, водяные, лешие'; *Гāгиӈра* 'Лебединое озеро'; *Ийэӈрэ* 'река с притоками наподобие рогов'; *Ихэлэӈрэ* 'река с ящерицами'.

Вариант суффикса *-мни*, суфф. *-мӈӯ* образует наименования лиц женского пола, указывая на национальность или принадлежность к роду (происхождение): *эвэмнӯ* 'эвенкийка', *лӯчамнӯ* 'русская', *йакӯмнӯ* 'якутка', *Бутāмнӯ* 'женщина из рода Бута', *Буйāгимнӯ* 'женщина из рода Буйагир'.

При помощи суфф. *-ӈаха* (*-ӈэхэ*, *-ӈохо*) образуются существительные — имена покойников и названия по родству умерших людей. Умерших, как правило, не называют их подлинными именами. Примеры: *Байбалӈаха* 'покойник Павел', *Анаӈаха* 'покойница Анна', *эн'иӈэхэ* 'покойная мать', *амāӈаха* 'покойный отец'.

Этот же суффикс в контексте может выражать досаду, пренебрежение говорящего по отношению к лицу или предмету, о котором идет речь: *омолгиӈаха эчāн-гӯ ылла?* 'парень (негодный), еще не встал что ли?; *ороӈохолты н'āн гороллo кэхин* 'горе-олени опять наверно ушли далеко'; *авуӈахавӣ-ка*

---

[1] Характерен для южнотоккинского и соседнего чульманско-гилюйского говоров. См. Г. М. Василевич. Очерки диалектов..., стр. 93, 236.

ӣдӯ нӛнэв ойдиӈӛн? 'а шапку-то (свою дрянную) куда же мог (ты) положить?'.

Имя обладания, кроме суфф. *-чи*, образуется еще с помощью суфф. *-чӛн* (множ. ч. *-чӛр*),[1] который в томмотском говоре отмечен только в форме множественного числа, причем он подчеркивает обладание множеством: *орочӛр* 'многооленные', *hутэчӛр* 'многодетные'.

Примеры: *тар орочӛр эмэд'эрэ* 'вон едут многооленные,' *бӣ мурчӛрба ичэм* 'я видел многолошадных людей', *hутэчӛр ахӓл hавалдатiн, д'ӓхилава нӣрэ* 'чтобы работали многодетные женщины, открыли ясли'.

Суфф. *-ма(-мэ)* образует название укрытий, жилищ: *угда-ма* 'юрта, крытая корьем', *угда-ха* 'кора дерева', *угда-ха-ма* 'корьевой', *калтӣ-ма* 'навес для оленей (полукруглой формы, открытый с теневой стороны)', *калта-ка* 'половина', *кал-та-ка-ма* 'половинчатый', 'только половина'.

При помощи суфф. *-кӣн* от основы существительного *гирамна* 'кость, скелет' образовано существительное *гирам-кӣн* 'могила'.

§ 22. От корней и основ, обозначающих действие, образуются существительные при помощи следующих общеэвенкийских суффиксов: *-мнӣ*, *-мӈӯ*, *-лан* (*-лэн*, *-лон*), *-кӣт*, *д'ӓк* (*-дӛк*, *д'ӧк*), *-вун*, *-ӈуки*, *-н*, *-хамна* (*-хэмнэ*, *-хомно*), *-нӣ*, *-птiн*, *-д'а*, (*-д'э*, *-д'о*).

Суффикс имени деятеля *-д'а* употребляется наряду с суфф. *-мнӣ* ~ *-мнӯ* и встречается чаще, чем в других говорах. Примеры: *соно-д'о* 'плакса', *олломи-д'а* 'рыбак', *д'эпнӛ-д'э* 'живоглот, людоед', *н'эхӯ-д'э* 'человек, который возит мясо с места, где был убит лось или дикий олень и зарыто мясо', *ӯлӯми-мнӣ* ~ *ӯлӯмӣ-д'э* ~ *ӯлӯмӣ-мӈӯ* 'охотник на белку'.

При помощи суфф. *-ка* образуются имена результата действия: *хукча-ка* 'беда, несчастье, разруха, разрушение' от *хукча-* 'разбить, сломать'; *эмтэ-кэ* 'обломок' от *эмтэ-ри-т* (якутск.) 'отломить кусок'; *коӈно-ко* 'черное пятнышко', переносно: 'лось'[2] от *коӈно-* 'почернить'; *багда-ка* 'белое пятнышко', переносно: 'дикий олень' от *багда* 'побелить'.

В этой функции употребляется также суфф. *-р* (гласный перед ним всегда долгий): *ӯӣӯр* 'узел' от *уй-* 'завязать, привязать'; *ӯлгӯр* 'рассказ' от *ӯлгӯ-* 'рассказать'; *ӯллӣр* 'шов' от

---

[1] Форма на *-чӛн* в качестве категории наименования производственных групп и имени обладания отмечена в чулманско-гилюйских и учуро-зейских говорах. См.: Г. М. Василевич. Очерки диалектов. . ., стр. 236, 273.

[2] Эвенки Буягинского наслега иногда переносно называют лося *лӯгдӯрӣн* 'темный, большой'.

ӯлли- 'шить'; *элгэр* 'олений караван' от *элгэ-* 'вести за узду, веревку, руку и т. д'.

При помощи суфф. *-хик* образуются существительные, обозначающие назначение предмета: *д'уга-хик* 'летник' от *д'уга-* 'провести лето'; *олӣ-хик* 'обувь из камыса, одеваемая во время таяния снега весной для лыж' от *олӣ-* 'брести по снегу, воде и т. д'.

От глагола *олӣ-* 'брести' образовано и существительное *олом* 'брод', бытующее в якутском языке.

Суфф. *-дӣ*, не подчиняющийся гармонии гласных, образует названия насекомых и мелких летающих животных: *лэ̄риндӣ* 'бабочка', *кучӣдӣ* 'летучая мышь'. По-видимому, он образовался от глагола *-дӣ* 'сесть, садиться (о птице, летающем животном, насекомом)'.[1] Слово *лэ̄рӣндӣ* употребляется в баргузинском диалекте, *лэредӣ* — в большинстве восточных говоров.[2]

§ 23. Образование глагольных основ. Отыменные основы глаголов образуются при помощи следующих общеэвенкийских суффиксов: *-ма* (*-мэ*, *-мо*), *-ми*, *-лā* (*-лэ̄*, *-лӣ*), *-ла* (*-лэ*, *-ло*), *-ӈ* (*-ӈи*), *-тэ*, *-то* (*-ты̄*), *-да* (*-дэ*, *-до*), *-мӯ*, *-ссā* (*-ссэ*, *-ссо*), *-нā* (*-нэ*, *-нӣ*).

Желательность, кроме суфф. *-мӯ*, выражается суфф. *-гла* (*-глэ*, *-гло*). Эта форма распространена в верхнеленских, в тунгирском говорах, чульманско-гилюйском, учурско-зейском и сахалинском диалектах.[3] Кроме значения желательности, этот суффикс имеет значение собраться произвести действие: *д'ӯлāвӣ хӯрӯглӯд'ӯм* 'хочу, собираюсь ехать домой', *таӈиглад'ам ~ тандāвӣ н'экэд'эм* 'собираюсь читать', *ӣглад'ам ~ ӣдāвӣ н'экэд'эм* 'собираюсь сделать'.

Действие, производимое одновременно или многими поочередно, оформляется суфф. *-тӣ*. Этот вид множественности встречается в соседних учурско-зейских, олекминском и тунгирском говорах.[4]

Примеры: *бэйэл эмэтӣрэ* 'пришли люди (все одновременно с разных сторон или один за другим)', *ороро тӣнтӣкэллӯ* 'распустите оленей'.

Этим же суффиксом оформляется одно и то же действие, производимое последовательно одним лицом:

эн'ӣнми н'амӣлвӣ уйтӣрэн 'мать (моя) попривязала (своих) важенок'.

---

[1] Глагол этот — на пути превращения в суффикс и поэтому еще не подчиняется гармонии гласных.

[2] Г. М. Василевич. Эвенкийско-русский словарь, стр. 244.

[3] Г. М. Василевич. Очерки диалектов, стр. 223.

[4] Там же, стр. 223, 273.

Дополнительная длительность действия выражается суфф. *-тар*[1] так же, как и в учурско-зейских говорах. Такие глаголы обычно употребляются со спрягаемым глаголом *б-* в значении 'стать':

ӈэнэтэр бхā, āннад'иӷāт 'немного поедем и остановимся на ночлег'; *āхитар бӷин, экэл хэрӯврэ* 'пусть поспит, не буди'.

Непродолжительная длительность действия оформляется суфф. *-хи*:

аминн'ӯнмī авалихикал, тадук хӯрӯдӫвī 'поработай немного с отцом (своим), потом уйдешь'; *кунакан āхихинан, тāдук н'āн соӈоллон* 'ребенок немного поспал и опять заплакал'.

Быстрота моментальность, мгновенность, неожиданная для субъекта, выражается общеэвенкийским суфф. *-нча*:

д'укэлī ӈэнэд'энэ, бӯлтунчахā, тэӷэхинчэм 'идя по льду, поскользнувшись, присел (он)'; *акинми ӈорчад'ана бӈкāнчāран* 'брат (мой), борясь, упал на спину'.

Быстрота и стремительность действия выражается также суфф. *-лī*:

аминми бэрвī лангāлīран, тāдук дэгд'эрī нīкīвэ пэктирэнэн 'отец (мой) схватил ружье (свое) и выстрелил в летящую утку'; *бī, ӯркэвэ нīлīхэ, д'ӯлāвī чӯмбӯлīм* 'я, открыв дверь настежь, вскочил в дом (свой)'.

Действие, совершаемое быстро, ускоренно, выражается глаголом с суфф. *-малдō*. Он является составным (*-мал+-до*), первая часть его подчиняется гармонии гласных, вторая не подчиняется.

Примеры: *тоӷово иламалдōкāл, ӯллэйэ ирīд'иӷэт* 'растопи скорее печь, сварим мяса'; *оорвор д'авамалдōхāл, хӯрӯмэлчэкэллу* 'поймав (быстро) оленей, поезжайте скорее'.

С помощью суфф. *-рга* образуются глаголы со значением „принять ту или иную окраску": *коӈнорго-* 'почернеть'; *hумӈарга-* 'посереть, побледнеть'.

С помощью суфф. *-лди* образуются глаголы, обозначающие движение жидкости в каком-либо мягком сосуде:

бӯйӯрӯӈ эчīн иррэ, īкэдӯ йамбулдид'аран 'кровяная колбаса еще не сварилась: булькает в котле'.

Глаголы с суфф. *-мкā* выражают попытку произвести действие:

эр мōва чинīмкāран да эчэ кēйан чиӈира 'попробовал (он) срубить это дерево, но не смог срубить'; *биракāнма олōмкōрон да хуӈта бичэ* 'попробовал (он) перейти речку вброд, да оказалась глубокой'.

Эти же глаголы могут выражать угрозу:

[1] Там же, стр. 273.

ахилтанадалāн эвīмкэ̄кэл, кīнэлэ̄ эд'иӈэ̄с сӯрӯрӯ 'попробуй играть до вечера, в кино не пойдешь'.

Усиленная интенсивность, предел результата действия выражаются суфф. *-йāт (йāчи)*:

магазīндук кнīгава гад'āйāтчара 'из магазина разбирают книги (берут помногу, разбирают быстро)'; *ди'ктэвэ д'эпйэ̄чим* 'наелся (я) ягодами доотвала'; *эхилэ кīнэлбэ ичэйэ̄ттэп* 'наконец насмотрелись (мы) кино'.

Действие, производимое через силу, едва-едва, кем-либо старым, больным или маленьким (вообще беспомощным существом), выражается глаголом с суфф. *-т (-чи)*:

эхэкэ̄в эмэтчэрэн 'идет кое-как дедушка (мой)'; *д'эвгэ̄вī д'эпичиллэн* 'начал (он) есть едва пищу (свою)'.

Для подчеркивания вопроса служит суфф. *-ргӯ(н)* при глагольной основе:

ороптī эдӯ оӈкоргӯра-гӯ, баргīлā-гӯ ӈэпэргӯрэ? 'олени (наши) здесь будут пастись или на той стороне?'; *нуӈан эдӯ āннаргӯн-гӯ, иниӈинмэ̄н илтэниргӯн-гӯ?* 'он здесь будет ночевать или сегодня поедет дальше?'.

В говоре зафиксировано производство образных глаголов и прилагательных от одних и тех же основ:

а) с помощью суфф. *-ла (-лэ, -ло)*, *-ра (-рэ, -ро)*: *коӈнō-ло- ~ конно-ро-* 'чернеть, идти чернея'; *чоло-ло- ~ чоло-ро-* 'стоять или идти, вытянув голову на тонкой шее'; *д'антā-ла- ~ д'анта-ра-* 'стоять или идти, вытянув вперед курносый нос с широкими ноздрями';

б) с помощью суфф. *-лī*: *коӈно-ли-* 'посматривать черными глазами, имея черное лицо'; *чоло-лī-* 'мотать головой, выглядывать'.

Прилагательные от этих основ образуются с помощью суфф. *-рīн*, характеризующим форму, внешний вид предмета.[1] Они образованы в отдельных случаях от глагольных основ, в большинстве от заимствованных якутских слов. Кроме того, такие прилагательные бывают и названиями людей по качеству, следовательно, принимают значение существительного: *мэтэрīн* 'выгнутый' (*мэтэй-* 'выгибаться вперед'); *бōкчō-рīн* 'горбатый' (*бōкчōй-* 'нагибаться, наклоняться'); *бад'а-рīн* 'кривоногий' (*як. баадьай-* 'нетвердо и медленно ступать толстыми, широко раставленными кривыми ногами'); *арба-рīн* 'косматый, лохматый' (*арбай-* 'быть растрепанным', 'торчать дыбом'); *н'олбо-рīн* 'овальный, удлиненный' (*н'олбой-* 'иметь овальную форму', 'быть удлиненным'); *сэлтэ-рīн* 'утолщенный на конце' (*сэлтэй-* 'утолщаться, вздуваться на конце'); *былча-рīн* 'пучеглазый' (*былчай-*

[1] Г. М. Василевич. Эвенкийско-русский словарь, стр. 787.

'выпучиваться, выпирать через край'); *лоңто-рӣн* 'большеносый, с заостренным носом' (*лоңтой-* 'иметь большой нос'); *моло-рӣн* 'имеющий овальное лицо с выпуклым лбом' (*молой-* 'иметь заостренное книзу полное лицо при широких скулах'); *мэлэ-рӣн* 'широколицый, плосколицый' (*мэлэй-* 'выставлять широкое круглое лицо'); *н'оло-рӣн* 'узколицый, длиннолицый' (*н'олой-* 'иметь слишком длинное, узкое лицо'); *олчо-рӣн* 'одноглазый, кривой' (*олчой-* 'всматриваться одним глазом, прищурив другой'); *д'антарӣн* 'курносый, с широкими ноздрями' (*д'антай-* 'иметь слишком широкие ноздри'); *килэ-рӣн* 'гладко-блестящий (о поверхности)' (*килэй-* 'блестеть'); *чоло-рӣн* 'имеющий длинную шею с маленькой удлиненной головой' (*чолой-* 'поднимать голову'); *нэлэ-рӣн* 'ровный, широкий (о поверхности)' (*нэлэй-* 'распахнуться, открыться настежь'); *чоко-рӣн* 'с выступающим затылком, с длинной и тонкой шеей' (*чокой-* 'иметь острый, угловатый, выдающийся затылок'); *һумна-рӣн* 'бледный, бледнолицый' (*һумна-* ~ *һунна-* 'покрыться плесенью'); *йамбу-рӣн* 'водянистая масса в чем-л. мягком, например, вымя', (*йамбу-* 'разбить сосуд с жидкостью, бить по водянистому круглому предмету').

Примеры иного типа: *һуд'а-ңга* 'краснолицый, краснокожий' и *һуд'а-рӣн* 'красный'; *һэлтэ-р* 'большеголовый' и *һэлтэ-рӣн* 'имеющий утолщение на конце'; *лэптӧ-й* 'бородач' и *лэпту-рӣн* 'мохнатый'; *чурчӯ-ла* 'узколобый' и *чурчу-рӣн* 'маленький, худой, с узким лбом'; *куча-й* 'жидковолосый' и *куча-рӣн* 'редкошерстный'; *кӭд'э* 'кривошеий' и *кэд'э-рӣн* 'кривой, кривоногий'; *амчи* 'беззубый' и *амчирӣн* 'беззубый, с провалившимися губами'.

§ 24. Формы имен.

1) С тем же значением, что и в других эвенкийских говорах, употребляются следующие суффиксы: повторности *-тикин*, усиления *-ма* (*-мэ*, *-мо*), уступительности *мӣт* (*-мӧт*, *-мэ̄т*).

2) Уменьшительность и ласкательность, наряду с суфф. *-кӣн* (*-кэ̄н*, *-кӧн*), *-чӣн* (*-чэ̄н*, *-чӧн*), выражается еще суфф. *-кӯчӯн* (*-кӱ̆чӱ̆н*), *-кта* (*-ктэ*, *-кто*). Эти суффиксы употребляются при существительных: *д'ӯкӣн* ~ *д'ӯчӣн* ~ *д'ӯкӯчӯн* ~ *д'ӯкта* 'домик', *һӱтэкэ̄н* ~ *һӱтэчэ̄н* ~ *һӱтэкӱ̆чӱ̆н* ~ *һӱтэктэ* 'ребеночек'.

Суфф. *-кӣн* употребляется также с прилагательными, числительными, местоимениями, глагольно-именными формами и наречиями: *айа-кӣн* 'хорошенький', *уха-кӣн* 'малюсенький'; *ыла-кӣн* 'троечка', *тунна-кӣн* 'пятерочка'; *тар-кӣн* 'тот (маленький)', *нуна-кӣн* 'он (маленький)', *һавалд'арӣ-кӣн* 'работающий (маленький)'; *горо-кӧн* 'далеконький', *һима-канд'ы* 'быстренько'.

Суфф. *-кта* чаще присоединяется к собственным именам: *Тӣн'а-кта* 'Танечка', *Уйба̄-кта* 'Иванушка'.

Суфф. *-кта* употребляется также с прилагательными на *-рӣн* и глагольно-именной формой на *-рӣ*: *һула-рӣн* ~ *һула-рӣкта*

'красный-красненький', *навалд'а-рӣ ~ навалд'а-рӣкта* 'работающий-работающий (маленький)'.

Суфф. *-кӯчӯн* (*-кӯчӯн*) присоединяется к качественным прилагательным (представители родов Мӗтаткӑр и Чӑкигир употребляют в этом случае суфф. *-кыкӯн*): *айа-кӯчӯн, айа-кыкӯн* 'хорошенький'.

3) Значение увеличительности придают суфф. *-кӯн, -нд'ӑ* (*-нд'ӑ, -нд'ӧ*), *мийӑ* (*-мийэ*), присоединяющиеся к словам любой именной части речи: *бэйэ-кӯн, бэй-нд'ӗ, бэйэ-мийӗ* 'человечище'; *коӈнорӣ-кӯн, коӈнорӣ-нд'ӑ, коӈнорӣ-мийӑ* 'чернущий'; *нуӈа-кӯн, нуӈа-нд'ӑ, нуӈа-мийӑ* 'он'; *горо-кӯн, горо-нд'ӧ, горо-мийӑ* 'далеко'; *эмэд'эрӣ-кӯн, эмэд'эрӣ-нд'ӗ, эмэд'эрӣ-мийӗ* и т. д. 'идущий'.

4) Наряду с увеличительно-ограничительными суфф. *-мӣгда, -гда* употребляется суфф. *-рагда*, значение которого совпадает со значением *-гда*, а суфф. *-мӣгда*, кроме того, имеет оттенок пренебрежения и обычно присоединяется к прозвищам: *дӣли-гда ~ дӣли-рагда* 'большеголовый, с большой головой'; *оӈокто-гдо ~ оӈокто-рогдо* 'большеносый, с большим носом'; *дӣл-мӣгда* 'головастик', *оӈокто-мӣгда* 'носище'.

Суфф. *-гда* может также выражать ограничение:

д'ӯдӯвар ахӑгдалтӣн hӯтэлн'ӯнмэр эмӗнмӯчӗл 'дома остались одни женщины (их) с детьми (своими)'; *инидинмӗн ӯлӯкӣгдэлбэ вӑчӑ* 'сегодня убил (он) только белок'.

Суфф. *-гда* характерен для сымского, подкаменно-тунгусского, сахалинского диалектов и тунгирского говора.[1]

5) К качественным прилагательным и наречиям присоединяется суфф. *-ӈаха*[2] (*-ӈэхэ, -ӈохо*), придающий значение усиления; при этом у основ на *-н* последний опускается.

Пример: *албӣӈаха бирава hэдэрэв* (*hэдэрэп*) 'переехали (мы) очень широкую реку'; *hӣмӑӈахат бӧкаллу* 'сделайте быстренько'.

Усиление передается также синтаксически словосочетанием. Наряду с именем усиления *сӧ ~ хӧ* 'очень' с прилагательными и наречиями употребляется якутское слово *олус* с тем же значением: *сӧ hэгдӏ ~ олус hэгдӏ* 'очень большой'; *сӧ горо, олус горо* 'очень далеко'.

Следует заметить, что имя усиления *сӧ ~ hӧ* выражает значение силы, храбрости: *сӧ бэйэ* 'храбрый человек', *сӧвӑн сӑкал* 'узнай его силу (характер)'.

6) Пренебрежение выражается суфф. *-ми*, который распространен очень широко и присоединяется не только к существительным, но и к другим знаменательным частям речи:

[1] Г. М. Василевич. Очерки диалектов. . . ., стр. 321.

[2] Эта форма отмечена в зейском говоре верхнеалданско-зейского диалекта, см.: Г. М. Василевич. Эвенкийско-русский словарь, стр. 779.

эр д'ӯ-м и тӯҕэ инин бивкā 'этот домишко зимой бывает холодным', *хоктōк бэйэ э м э-мā-чэ̄* 'пришел пьяный человек', *авунмā г о р о п т ы-мā* 'шапка (моя) старенькая?'.

7) Суфф. *-кāкун* (*-кэ̄кун*, *-кōкун*), *-кāкут* (*-кэ̄кут*, *-кōкут*) в глаголах выражает жалость, сочувствие; присоединяется также к прочим знаменательным частям речи:

у г ӯ ч а к к ā к у н м и доколōтчорон 'бедный (мой) олень (верховой) хромает', *ӈӯтэв э н ӯ л к э̄ к ӯ т ч э̄* 'бедный ребенок (мой) заболел', *ӯлӯкāвэ ы л а к ā к у н м а вāчā* 'только три белки убил (он)'.

8) Суфф. *-канча* (*-кэнчэ*, *-кончо*), подобно суфф. *-гачāн* придает значение подобия какому-либо живому (или мифическому) существу (образное сравнение):

ӈāргиканчанӯит эхилэ эмэмийэ̄рэн 'подобный черту (наш человек) наконец пришел', *эр д э г ī к э н ч э āвунин эчэ* 'это же шапка птицеподобного'.

§ 25. Формы оценки действия.

1) Суфф. *-кӯт* наряду с усилением значения действия, может выражать, в зависимости от контекста, неодобрение, недовольство:

ороты ӣлэ̄ х ӯ р ӯ к ӯ т ч э̄ л? 'олени (наши) куда девались?'; *омолгихал пулāнмар эчэ̄л д'алувкӯтта* 'парни-то план (свой) не выполнили'.

2) Пренебрежение, отвращение, презрение выражается также суфф. *-мī*, *-ӈаха*, *-мийā*:

хоктōк бэйэ э м э м ī ч э̄ (*эмэӈэхэчэ̄* ~ *эмэмийэ̄чэ̄*)! 'ну, пришел пьянчуга!'.

3) Глаголы с суфф. *-кāкут* выражают сочувствие, жалость:

бӯссэд'эрī куӈāкāн эхилэ айат ā х и к ā к у т т а н 'больной ребенок наконец-то хорошо заснул', *олончō орон эхīдэлэ̄ х и л г и н д'э к э̄ к ӯ т т э н* 'испугавшийся (бедный) олень до сих пор дрожит'.

Эти же глаголы в контексте могут приобретать различные значения, оттенки:

кэ-кэ, эрэ̄ г а к ā к ӯ т к а л 'ладно уж, возьми это'; *тар бэйэ н'āн э н э л и л к э̄ к ӯ т ч э̄* 'тот человек опять заленился'; *ӈавāвī этэм г у к э̄ к ӯ т т ī н-д э̄, улōк бичэ̄* 'хотя он сказал, что закончил работу, но это оказалось ложью'.

Об имени прилагательном

§ 26. Прилагательные образуются от именных и глагольных основ при помощи следующих суффиксов: *-дī* (*-тī*), *-р*, *-ттī*, *-гӯ*, *-рāн*, *-хā*, *-кин*. Примеры: *эвэнки* 'эвенк', *эвэ-дī* 'эвенкийский'; *тӯҕэ* 'зима', *тӯҕэ-р* 'зимний'; *эхī* 'теперь', *эхī-ттī* 'со-

временный'; *н'ō-* 'быть впереди', *н'ō-гӯ* 'передовой'; *ӈэрӣ-* 'светать', *ӈэ-рӣн* 'светлый'; *ургэ* 'тяжесть', *ургэ-хӣ* 'тяжелый'; *олго-* 'сохнуть', *олго-кин* 'сухой'.

2) Некоторые качественные прилагательные имеют суфф. *-хӣ*: *ала-хӣ* 'вкусный', *hэкӯ-хӣ* 'горячий', *ӯргэ-хӣ* 'тяжелый', *гӯд'эйӣ-хӣ* 'красивый'.[1]

3) Прилагательные, обозначающие цвет, оформляются суфф. *-рӣн*: *коӈно-рӣн* 'черный', *багда-рӣн* 'белый', *hула-рӣн* 'красный', *чӯ-рӣн* 'зеленый, синий'.

4) Прилагательные, обозначающие признак по материалу, образуются при помощи суфф. *-ма*. Но, наряду с производными прилагательными, такое же значение принимают имена существительные, выступающие в функции определения.[2]

Большинство существительных, обозначающих качество, принимает значение прилагательных синтаксическим способом, выступая в функции определения: *ӈэрӣн д'ӯ* 'светлый дом' (букв.: свет дом)', *иӈин долбо* 'холодная ночь (холод ночь)', *ӈонум hокто* 'длинная дорога', *hэгдı кунӣкӣн* 'большой ребенок', *гугда ахикта* 'высокая ель', *н'ама hулла* 'теплое одеяло', *мōма д'ӯ ~ мō д'ӯ* 'деревянный дом (букв.: дерево дом)', *талума тıгэ ~ талу тıгэ* 'берестяная посуда (береста посуда)', *сэлэмэ кото ~ сэлэ кото* 'железный нож (железо нож)'.

5) Относительные прилагательные, образующиеся при помощи суфф. *-дī* (*-тī*), в говоре обозначают признак только по языку: *йакō* 'якут', *йакōдī* 'якутский'.

Примеры: *лӯчāдīт айат тӯрэчивкī* 'по-русски говорит хорошо'; *колхōзтӯ йакō̤дī шкōла бихин* 'в колхозе есть школа [с преподаванием] на якутском языке'; *эвэдī hэӆэнмэ hэӆэд'эрэ* 'поют песню на эвенкийском языке (эвенкийскую песню)'.

Числительные

§ 27. Количественные числительные:

1 — *ӯмӯн ~ ӯмӯкō̤н*	9 — *д'эӆин*
2 — *д'ӯр*	10 — *д'āн*
3 — *ылан*	11 — *д'āндук ӯмӯн*
4 — *дıгин*	12 — *д'āндук д'ӯр*
5 — *туннa*	20 — *д'ӯр д'āн ~ д'ӯр д'āр*
6 — *н'ӯӈӯн*	30 — *ылан д'āн ~ ылан д'āр*
7 — *надан*	100 — *н'амā*
8 — *д'апкун*	1000 — *тыхынча*

[1] Томмотские эвенки слово *гӯд'эйӣхī* употребляют, только говоря о маленьких детях, выражая чувство ласки к красивому, здоровому ребенку.

[2] По-видимому, это вызвано влиянием якутского языка.

Суфф. *-кāн* (*-кэн*), присоединяясь к собирательным числительным на (*-ни*), выражает ограничение:

нунартын ыланīкāн эмэчэл 'они пришли только втроем'; *тар һэгдı д'ӯва дıгнīкэ̄н ӧмалчара* 'тот большой дом быстро построили только вчетвером'.

Кроме того, повторительные числительные имеют вторичный суфф. *-кāн* (*-кэ̄н*) (в говоре эвенков рода Буягил): *д'ӯрэ̄-кэ̄н* 'два раза', *ылара̄-кāн* 'три раза', *тунӈара-кāн* 'пять раз', и т. д.

Это отмечено также в кур-урмийском говоре.[1]

§ 28. Множительные числительные образуются суфф. *-мāн: илармāн* 'тройной'. Слово *д'ӯпты* 'двойной' образовано от числительного *д'ӯр* 'два', оно приобрело самостоятельное значение 'слой, ряд предметов, сложенных друг на друга'. Количество рядов, слоев показывает числительное, стоящее перед неизменяемым словом *д'ӯпты*. Примеры: *д'ӯр д'ӯпты* 'в два ряда, слоя (два двойной)'; *ылан д'ӯпты* 'в три ряда, слоя (три двойной)'.

Слово *д'ӯпты* в эвенкийском языке является глагольной основой со значением 'сдваивать', 'надевать что-л. в два, в три слоя':

иӈин инэӈӣ ӧча̄, кӯӈгӯвӣ д'ӯптıкал 'настал холодный день, надень второе пальто (букв.: удвой пальто)'.

§ 29. Собирательные числительные для счета дней имеют суфф. *-лла* (*-ллэ*):

ылаллалӣ эмэдэ̄вэр 'приезжайте через три дня', *тунӈаллава алāттаӈ* 'ждали (мы) пять дней'.

При счете животных эти числительные принимают суфф. *-рагда* (*-рэгдэ*), *-рӯгдӯ*:

ылара̄гда ӯд'авāн ичэм 'увидел (я) следы трех (диких оленей, лосей)', *дıгӣрэ̄гдэвэ ахилгам* 'наметил (я) четверку (четырех диких оленей или лосей)'.

Если лось, дикий олень один (без стада), он называется *ӯмӯ̇рӯгдӯ*[2] 'одиночка':

биракāн дāптудӯн ӯмӯ̇рӯ̇гдӯ̇ бичэ̄ 'на устье речки был лось-одиночка'.

Оленя, который отбивается от стада и пасется отдельно, называют *эмӯкчэ̄гин* (*ӯмӯкчэ̄гин*) 'один, уходящий от стада':

хэ̄мчэ̄ орон эмӯкчэ̄гин биӈкин 'потерявшийся олень обычно уходил от стада один (отдельно)'.

---

[1] Г. М. Василевич. Очерки диалектов. . ., стр. 285.

[2] Словом *ӯмӯ̇рӯгдӯ̇* называют и человека с одним глазом, рукой или ногой.

Местоимения

§ 30. Личные местоимения в винительном падеже имеют формы: *минэ* 'меня', *синэ* ~ *хинэ* 'тебя', *мӯнэ* 'нас', *сӯнэ* ~ *хӯнэ* 'вас'.

Другая формы — с суфф. *-вэ* — употребляется редко.

§ 31. Возвратное местоимение *мэ̄н-* 'сам' имеет личную и безличную форму. Личная форма образуется из корня *мэ̄н-* и лично-притяжательных суффиксов:

мэ̄н-ми	'я сам'	*мэр-вӯн* ~ *мэр-бун*	'мы (вкл.) сами
мэ̄н-ни	'ты „'	*мэр-ти*	'„ (искл.) „'
мэ̄н-ин	'он „'	*мэр-рун*	'вы сами'
		мэр-тин	'они „'

Безличная форма образуется из корня *мэн-* и возвратно-притяжательного суффикса:

мэ̄н-ми	'самого себя'
мэ̄р-вэр	'самих „'

§ 32. Притяжательные местоимения могут быть лично-притяжательными или возвратно-притяжательными.

1) Лично-притяжательные местоимения образуются с помощью суфф. *-ӈи*:

мин-ӈӣ	'мой'	*мун-ӈӣ*	'наш (вкл.)'
син-ӈӣ	'твой'	*мит-ӈӣ*	'„ (искл.)'
нуӈан-ӈӣн	'его'	*сун-ӈӣ*	'ваш'
		нунар-ӈӣтин	'их'

Они употребляются только в неполных предложениях в диалоге и не могут выполнять функции определения:

— ӯмӯн орон хэ̄мчэ. — ӈӣӈӣ? — мӯнӈӣ '— один олень потерялся. — чей? — наш'.

В значении притяжательных местоимений употребляются личные местоимения в именительном падеже, выступающие определениями. Связь с ними выражается соответствующим лично-притяжательным суффиксом при определяемом существительном.

Примеры: *бӣ оронми эмэрэн* 'пришел мой олень', *сӣ д'ӯс н'ама* 'твой дом теплый', *нуӈан бэрин айа* 'его ружье хорошее'.

2) Возвратно-притяжательные местоимения образуются из основы возвратного местоимения в единственном числе *мэ̄н-*, притяжательного суфф. *-ӈи* и лично- или безлично-притяжательных суффиксов.

Лично-притяжательная форма

мэӈ-ни-в	'свой-мой'	*мэн-ӈи-вун*	'свой-наш (вкл.)'
мэӈ-ни-с	'свой-твой'	*мэн-ӈи-т*	' „ „ (искл.)'
мэӈ-ни-н	'свои-его'	*мэн-ӈи-хун*	'свой-ваш'
		мэн-ӈи-тiн	'свой-их'

Возвратно-притяжательная форма

мэн-ӈи-ви	'свое (его)'
мэн-ӈи-вэр	' „ (их)'

§ 33. Указательные местоимения: *эр* 'этот', *тар* 'тот' при неатрибутивном употреблении произносятся *эри*, *тари*, а при атрибутивном — *эр*, *тар*.

Примеры: *эр кунӈакāн со иргэчī* 'этот ребенок очень умный'; *тар ӯрэ эдӯк горо* 'та гора отсюда далеко'.

В винительном падеже единственного числа указательные местоимения имеют суфф. *-э̄* (*-ā*): *эр-э̄* 'этого', *тар-ā* 'того'.

§ 34. Неопределенные местоимения образуются при помощи частицы *-гила* (после *-н* — *-ӈила*), что характерно для аянских и чумиканских говоров.

Примеры: *ӈī-гила биракāн дāптудӯн āннӈачā* 'кто-то ночевал на устье речки', *баргīлā "екӯн-ӈила конно̄лод'орон* 'на той стороне что-то чернеет'.

§ 35. Местоимения с отрицательным значением употребляются с частицей *-кэт* (*-кат*).

Примеры: *эдӯ ӈī-кэт эвкī олломīра* 'здесь никто не ловит рыбу', *hактырадук "екӯн-кат эвкī ичэврэ* 'из-за темноты ничего не видать'.

§ 36. Местоимения с утвердительным значением имеют частицу *-н'ӯн*.

Примеры: *ӈī-н'ӯн кинэвэ айāвукī* 'всякий любит кино', *магазīндӯвун "е-н'ӯн бихин* 'в нашем магазине есть все'.

Местоимение *"екӯн-дā* в утвердительном значении употребляется с усеченной основой *"е-*: *"е-дā*.

Глагол

§ 37. Изъявительное наклонение.

1) Настоящее совершенное время (переводимое русским прошедшим) образуется так же, как и во всех эвенкийских говорах (*эмэ-* 'прийти'):

	ед.	множ.
		эмэ-рэв
1-е л.	*эмэ-м*	*эмэ-рэп*
2-е л.	*эмэ-нии*	*эмэ-рэс*
3-е л.	*эмэ-рэн*	*эмэ-рэ*

2) Прошедшее время имеет две формы: первая с суфф. *-чā* (*-чэ̄*, *-чō*), вторая с суфф. *-рā*.

Суфф. *-чā* оформляются глаголы, обозначающие действие, произведенное в определенное время при отсутствии говорящего. В 1-м лице глаголы с суфф. *-чā* не употребляются, так как говорящий, являясь сам действующим лицом, отсутствовать, понятно, не может. Таким образом, глаголы прошедшего времени с суфф. *-чā* выступают только в 2-м и 3-м лице:

сā эмэ-чэ̄с	'ты пришел'
нуŋан эмэ-чэ̄н	'он „ '
сӯ эмэ-чэ̄хӯн	'вы пришли'
нунартiн эмэ-чэтiн	'они „ '

Суфф. *-рā* оформляются глаголы, обозначающие действие, происшедшее при присутствии говорящего. Они употребляются во всех трех лицах:

бā эмэ-рāв	'я пришел'	*бӯ эмэ-рāвӯн*	'мы (вкл.) пришли
сā эмэ-рāс	'ты „ '	*мит эмэ-рāт*	' „ (искл.) „
нуŋан эмэ-рāн	'он „ '	*сӯ эмэ-рāхӯн*	'вы пришли'
		нуŋартiн эмэ-рāтiн	'они „ „ '

Форма на *-рā* характерна для соседних учурско-зейских говоров [1] и чульманско-гилюйских говоров.[2]

3) Будущее время образуется при помощи суфф. *-д'иӈā* (*-д'иӈэ*), который является фонетическим вариантом суфф. *-д'аŋā* (*-д'эŋэ̄*, *-д'оŋō*):

таŋ-д'иӈāн	'прочтет'
омŋо-д'иӈāн	'забудет'
эмэ-д'иӈэ̄н	'придет'

§ 38. Повелительное наклонение.

1) Глаголы повелительного наклонения настоящего времени имеют следующую форму:

ā-ктэ	'зайду-ка'	*ā-ктэвун*	'зайдем-ка (вкл.)'
ā-кэл	'зайди'	*ā-гэ̄т*	'зайдем-ка (искл.)'
ā-гин	'пусть зайдет'	*ā-кэллу*	'зайдите'
		ā-ктiн	'пусть зайдут'

1-е лицо включительной формы с суфф. *-гāт* (*-гōт*, *-гэ̄т*) употребляется в тех случаях, когда предлагается произвести действие только двум лицам:

---

[1] Г. М. Василевич. Очерки диалектов. . ., стр. 266—267.

[2] Там же, стр. 242.

кэ, мит тимӣ олломӣнаӈаӣт 'давай мы (с тобой) завтра поедем рыбачить'; *д'ӯктэ киӈнэвэ обаӈаӣт* 'давай вдвоем сделаем лыжи'.

Таким образом, в повелительном наклонении томмотский говор сохраняет двойственное число.

2) В будущем времени глаголы повелительного наклонения имеют лишь формы 2-го лица обоих чисел с суфф. *-даӣви, -даӣвар* (*-таӣви, -таӣвар*). Формы 1-го и 2-го лица нами не зарегистрированы.

Примеры: *сӣ эрэ одаӣвӣ* 'ты это сделаешь', *сӯ элэ эмэдэвэр* 'вы сюда придете', *сӣ минэ алаӣттаӣвӣ* 'ты меня подождешь', *сӯ бэрилбэр д'ӯбэттэвэр* 'вы обменяетесь своими ружьями'.

3) В описываемом говоре повеление может выражаться не только глаголом повелительного наклонения, но и формой на *-да* (*-дэ, -до*) с личными суффиксами 2-го и 3-го лица. Обычно эта форма употребляется, когда говорящий раздражен. Такое повеление относится ко 2-му или 3-му лицу обоих чисел.

Примеры: *эмэдэс элэ!* 'иди же сюда!'; *эмэдэн hӣмат!* 'пусть же придет быстро!'; *ороврор тӣндэхӯн!* 'распустите же оленей (своих)!'; *тоӈово илададӣн!* 'пусть же растопят печь!'.

§ 39. Долженствовательное наклонение образуется из глагольно-именной формы на *-ӈаӣт* (*-ӈот, -ӈэт*) и личных суффиксов, а также с помощью вспомогательного глагола *би-* в прошедшем времени.

Настоящее (будущее) время

о-ӈаӣтив	'я должен сделать'	*о-ӈаӣтывун*	'мы (вкл.) должны сделать'
		о-ӈаӣтит	'„ (искл.) „ „'
о-ӈаӣтис	'ты „ „ „'	*о-ӈаӣтихун*	'вы должны сделать'
о-ӈаӣтин	'он „ „ „'	*о-ӈаӣтитин*	'они „ „ „'

Глагол прошедшего времени в долженствовательном наклонении образуется из долженствовательной глагольно-именной формы и вспомогательного глагола *би-* в прошедшем времени (с суфф. *-хӣ*):

сӣ эр котово оӈаӣт бихӣс (бичэс) 'ты должен был сделать этот нож', *бӯ нӯлгиӈэт бихӣвӯн (бичэвӯн)* 'мы должны были перекочевать', *нуӈартын эмэӈэт бихӣтӣн (бичэтӣн)* 'они должны были приехать (прийти)'.

§ 40. Выражение предположения.

1) Глаголы, выражающие вероятное предположение, образуются из глагольно-именной формы на *-на* с личными суффик-

сами и слова *бид'иӈэ̄н*, принявшего значение 'вероятно, возможно':

бӣ омӈо-нӧв	*бид'иӈэ̄н*	'я,	наверно, забыл'
сӣ омӈо-нӧс		'ты,	
нуӈан омӈо-нӧн		'он,	
мит омӈо-нӧт		'мы, наверно, забыли'	

2) Значение вероятности действия может выражаться также сочетанием глагола настоящего времени и вспомогательных слов *кэхин*, *бадаӡа* (якутск.), *бука* (якутск.), имеющих значение 'наверно', 'вероятно', 'возможно':

бӣ хэ̄мӈӣм	*бука, кэхин, бадага*	'я,	вероятно, потерял'
сӣ хэ̄мӈӣнни		'ты,	
нуӈан хэ̄мӈӣрэн		'он,	
мит хэ̄мӈӣрэт		'мы, вероятно, потеряли'	

Эта форма, в сравнении с предыдущей, имеет оттенок меньшей уверенности.

3) Глаголы с суфф. *-рка* (*-ркэ*, *-рко*) употребляются только с частицей *-гӯ* 'ли', 'или' и выражают неуверенность в том, что действие произведено, или сомнение в том, какое именно из предполагавшихся действий произведено. Эти глаголы в 3-м лице обоих чисел личного окончания не имеют.

Примеры: *тар бэйэвэ ичэркэв-гӯ*, *эркэв-гӯ* — *омӡочӧ бихим* 'того человека видел (я) или нет — забыл'; *гӭваннан эр бираканду̇ ӯлӯмӣркэл-гӯ*, *бэйӯктэркэл-гӯ* 'в прошлом году на этой речке белковали или охотились на диких оленей (лосей) (— не знаю)'.

4) Предположение о том, что действие совершится, выражается также сочетанием глагола в форме прошедшего неоднократного времени с суфф. *-нуки* и неизменяемой формы вспомогательного глагола 'быть' — *бид'иӈэ̄н:*

иниӈинмэ̄н тӭгдэӈкин бид'иӈэ̄н 'сегодня, вероятно, будет дождь'; *сӣ таӈиӈкис бид'иӈэ̄н: эр дукувунмав таӈкал* 'ты, вероятно, умеешь читать: прочти это письмо (мое)'.

5) Предположение о том, что действие может произойти, неполная уверенность в этом, выражается частицей *-кӣйэ* (*-кӣйа*), добавляемой к глаголу:

орорти гороллo-кӣйа — *дэвӯннэ̄ктэл балдичӓл* 'олени (наши), наверно, ушли далеко — грибы выросли; *амӣнни эмэрэн-кӣйэ*, *сӣ бимӣ эдӯ тэӡэтчэнни* 'отец наверно пришел, а ты сидишь здесь'.

§ 41. Форма ближайшего будущего времени на *-д'ал(и)* с личными суффиксами, характерная для говоров южных диалектов, в томмотском говоре выражает оттенок пре-

достережения, опасения, надежды, что действие совершится. Она не имеет особых форм времени.

Примеры: *никтірэвд'эллэ, айат тэтіктін* 'могут замерзнуть, пусть оденутся получше'; *д'эгдīд'элиннн, тоҕовп хīдэвīп* 'можешь пустить пожар, потуши (после, потом) огонь'; *хурӯд'ӯлим hīмāт эмэкэл* 'вот-вот уйду, иди скорее'; *книгайа бӯд'эллэ, хӯрӯктӯкӯл* 'может, дадут книгу, сходи'.

§ 42. Форма возможности. Глаголы, обозначающие действие, возможность совершения которого утверждается на основании определенных признаков или обстоятельств, имеют суфф. *-мухи* и личные суффиксы. По всей вероятности, эта форма заимствована из якутского языка, где есть глаголы утвердительного наклонения с суфф. *-ыыһы* (*-ииһи, -ууху*).[1] Такие глаголы в описываемом говоре не имеют временных форм и в предложении выступают как без лично-притяжательных суффиксов, так и с ними.

Примеры: *элī орор hэдэмӯхи(л), арба бичэ̄, д'олол ичэвд'эрэ* 'здесь олени могут перейти вброд: [здесь] мелко, виднеются камни'; *ӯлӯкīвэ вāмӯхин, сō айат ӯд'актавкī* 'он может убить белку, выслеживает очень хорошо'; *бī эмэмӯхинми, эдӯ бэйӣр кэтэл бичэ̄л* 'я могу приехать, здесь есть много диких оленей (лосей)'.

§ 43. Форма утверждения. В описываемом говоре широко распространена форма утверждения, которая выражена в суфф. *-кӯн* (*-кӯн*). Она обычно не имеет личных суффиксов и употребляется в ответах при диалоге. Встречается во всех эвенкийских говорах.

Примеры: *омолгичан орорвот бакад'иҕāн? — бакакӯн!* 'мальчик найдет наших оленей? — конечно, найдет!'; *сī тымī эмэдиҕэ̄с? — эмэкӯн!* 'ты завтра придешь? — конечно, приду!'.

§ 44. Отрицательные формы глагола.

1) Глаголы отрицания *э-* в настоящем времени имеют три формы.

Первая форма: глагол отрицания *э-* в 1-м и 2-м л. ед. ч. имеет суффикс вида обычности действия *-ӈна* и личные суффиксы, а во множественном числе еще и суффикс настоящего времени *-рэ*, в 3-м л. — суффикс обычности действия *-вки* (во множ. ч. + суфф. *-л*). Эта форма употребляется, когда спрашивают о действии и отвечают отрицательно:

тар баргīлāнīкī! 'вон на той стороне утка!'; *эӈнэм ичэрэ, "ехалби эвкīл ичэрэ очал, агданча бихим* 'не вижу, глаза стали плохо видеть (букв.: невидящими стали), состарился'.

[1] Л. Н. Харитонов. Современный якутский язык, стр. 211.

Вторая форма настоящего времени образуется с помощью суфф. *-чэ* и лично-притяжательных суффиксов. Употребляется, когда констатируют факт отсутствия действия в момент вопроса: *кинигэлбэ ӯнийэрэ, сӣ ганни? — эчэв гара* 'продавали книги, ты взял? — нет, не взял'.

Третья форма настоящего времени образуется из имени отрицания *эчӣн* и лично-притяжательных суффиксов. Употребляется, когда говорят о действии, еще не произведенном.

Примеры: *эргэчӣн улукӣвэ бӣ эчӣнми ичэрэ* 'такую белку я еще не видел', *эн'инни эчӣн эмэрэ* 'твоя мать еще не пришла'.

Спряжение глагола *э-* в настоящем времени

Первая форма	Вторая форма	Третья форма
э-ӈнэ-м бра 'не делаю'	*э-чэ-в бра* 'я не сделал'	*э-чӣн-ми бра* 'я еще не сделал'
э-ӈнэ-нни бра 'не делаешь'	*э-чэ-с бра* 'ты не сделал'	*э-чӣн-ни бра* 'ты еще не сделал'
э-вкӣ бра 'не делает'	*э-чэ бра* 'он не сделал'	*э-чӣн бра* 'он еще не сделал'
э-ӈнэ-рэ-в бра 'мы (вкл.) не делаем'	*э-чэ-л-бун бра* 'мы (вкл.) не сделали'	*э-чӣн-мун бра* 'мы (вкл.) еще не сделали'
э-ӈнэ-рэ-п бра 'мы (искл.) не делаем'	*э-чэл-ти бра* 'мы (искл.) не сделали'	*э-чӣн-ти бра* 'мы (искл.) еще не сделали'
э-ӈнэ-рэ-с бра 'вы не делаете'	*э-чэ-л-лун бра* 'вы не сделали'	*э-чӣн-нун бра* 'вы еще не сделали'
э-вкӣ-л бра 'они не делают'	*э-чэ-л бра* 'они не сделали'	*э-чӣр бра* 'они еще не сделали'

2) Глагол *э-* в прошедшем времени также имеет две формы: с суффиксами *-чэ* и *-хи*; второй из них соответствует суфф. *-ри* других глаголов.

Первая форма	Вторая форма
э-чӭ-в бра 'я не сделал'	*э-хӣ-в бра* 'я не сделал'
э-чӭ-с бра 'ты „ „'	*э-хӣ-с бра* 'ты „ „'
э-чӭ-н бра 'он „ „'	*э-хӣ-н бра* 'он „ „'
э-чӭ-вун бра 'мы (искл.) не сделали'	*э-хӣ-вун бра* 'мы (искл.) не сделали'
э-чӭ-т бра 'мы (вкл.) не сделали'	*э-хӣ-т бра* 'мы (вкл.) „ „'
э-чӭ-хун бра 'вы не сделали'	*э-хӣ-хун бра* 'вы не сделали'
э-чӭ-тин бра 'они не сделали'	*э-хӣ-тин бра* 'они „ „'

3) Будущее и другие времена образуются, как и у других глаголов.

4) Форма, подчеркивающая твердую решимость (или необходимость) не совершать действие, образуется суфф. *-тэ̄* и личными глагольными суффиксами:

би этэ̄м синэ алāтта 'я тебя не стану ждать'; *сī этэ̄нни талā хӯрӯрӯ* 'нет, ты туда не пойдешь'; *нуӈан этэ̄н гара* 'нет, он не возьмет'.

Предложения типа: *улāтэс, этэ̄с?* 'ну как, покормите меня или нет (хотите покормить меня или нет)?' в говоре не зарегистрированы.

5) Форма сомнения образуется с помощью суффикса процесса действия *-д'э*, личных суффиксов и частицы *-гӯ* (*-нӯ*): *гад'ам-гӯ, эд'эм-гӯ?* 'взять мне или нет?'; *эмэд'эн-нӯ, эд'-эн-нӯ?* 'придет (он) или нет?'; *од'ара-гӯ, эд'эрэ-гӯ?* 'сделают (они) или нет?'.

§ 45. Служебно-вспомогательные глаголы.

1) В томмотском говоре вместо эвенкийского отрицательного глагола *мулли-ми* 'не уметь' употребляется сочетание отрицательного глагола *э-* и якутского слова *сатāн* 'уметь, суметь' со знаменательным глаголом в форме на *-ра* (*-рэ, -ро*):

куӈāкāн эвкī сатāн ororvo илбэ̄рэ 'ребенок не умеет гнать оленей'; *бī эд'ıӈэв сатан ora* 'я не сумею сделать'; *нуӈан этэ̄н сатāн ӯйрэ* 'он не сможет привязать'.

2) Отрицательный глагол *алба-мī* 'не мочь' также заменяется словосочетанием, состоящим из глагола отрицания *э-*, слова якутского происхождения *к"ейан* 'мочь', 'победить' и знаменательного глагола в форме на *-ра* (*-рэ, -ро*):

би эхīв к"ейан ичэрэ 'я не смог увидеть'; *hӯтэв этэ̄н к"ейан hӯрӯврӯ* 'ребенок (мой) не сможет унести'; *нуӈартın эд'иӈэ̄тın эдӯ к"ейан hавалла* 'они не смогут здесь работать'.

3) Значению отрицательного глагола *бā-мī* 'не хотеть' соответствует сочетание глаголов *эчэ эйэ̄ттэ* 'хотеть, желать'. Знаменательный глагол при этом принимает возвратно-притяжательную форму деепричастия на *-дā* (*-дэ̄, -дō*).

Примеры: *этırикэ̄н эмэдэ̄вī эчэ̄ эйэ̄ттэ* 'старик не захотел ехать'; *куӈāкāр д'эптэ̄вэр эчэ̄л эйэ̄ттэ* 'дети не захотели есть'.

Во всех подобных случаях все глагольные суффиксы (лица, времени, вида, наклонения, числа) присоединяются к глаголу отрицания *э-*, а знаменательный глагол изменяется в числе (*-ви, -вэр*).

§ 46. Глагольно-именные формы. В описываемом говоре зарегистрированы следующие часто употребляемые глагольно-именные формы: на *-рӣ*, *-чӑ*, *-нӑ*, *-вкӣ*, *-лтак*. Форма на *-ӈӑт* имеет значение долженствования.

Примеры: *бэйӯктэӈэ̄т бираканд'ӯвар ӯрӣнд'иӆэ̄т* 'остановимся на той речке, где должны охотиться на диких оленей'; *олломӣӈӑт адылвӣ айат олгӣкал* 'ту сеть (свою), которой должен ловить рыбу, высуши лучше'.

Реже употребляются формы на *-д'ӑк* (*-д'э̄к*, *-д'о̄к*) и *вун* (*-вӯн*). Последняя в говоре не оформляется суффиксом винительно-назначительного падежа (*-а*, *-э*) и притяжания.

Примеры: *амарӣн ӑннад'ӑк hарандӯвар сӯкэвэр омӈочо̄л* 'на том месте, где ночевали в прошлый раз, забыли (они свой) топор'; *омӈод'о̄ктулӑвар омолгивар мучӯвкӑнчӑл* 'к тому месту, где забыли, отправили (они) обратно (своего) парня'; *д'эпивӯн ӯллэйэвэр бакахӑл, улумӣлд'иӆэ̄т* 'добыв мяса для еды, начнем белковать'; *ӑннӈавун мо̄йа hӯгат* 'напилим дров для ночлега'.

Форма имитации действия в говоре имеет фонетический вариант суфф. *-гсӑ* (← *-ксӑ*) — *хӑн*, сохранивший конечный *-н*. Эта форма употребляется с глаголом *о̄-* 'стать'.

Примеры: *кунӑкӑн эн'инин эмэрӣдӯн ӑхихӑн о̄чӑ* 'к приходу матери ребенок сделал вид, будто спит (притворился спящим)'; *нунан энэлд'энэ hавалихӑн о̄д'аран* 'он, ленясь, делает вид, будто работает'.

Форма на *-да* употребляется только в местном падеже с личными притяжательными суффиксами. Она имеет значения:

а) ограничительности, причем соответствует форме на *-д'ан* в винительном падеже других говоров; б) выражает второстепенное действие, предшествующее главному.

Примеры: *бӣ мо̄ладалӑв*, *сӣ мӯлэкэл* 'пока я готовлю дрова, ты сходи за водой'; *эн'ӣнни д'эптэлэ̄н*, *нэкӯнмӣ ӯгиркэл* 'пока мать (твоя) ест, подержи брата (своего)'; *аминмун эмэлдэлэ̄н*, *тоӆовор илад'иӆӑт*, *ӯллэйэ ирӣдэ̄вэр* 'до прихода отца затопим печь, чтобы сварить мяса'.

Не зарегистрированы формы на *-мачин* и *-вка*.

§ 47. Деепричастные формы. Формы на *-на* (*-нэ*, *-но*), *-мӣ*, *-дӑ* (*-до̄*, *-дэ̄*), *-ӈахӣ* (*-ӈэхӣ*, *-ӈохӣ*), *-хӑ* (*-хэ̄*, *-хо̄*) в говоре имеют такие же значения, как и в других диалектах.

1) Деепричастие разновременного действия имеет два варианта суффикса — *-ха* и *-ксӑк*; оно выступает в форме как единственного, так и множественного числа. Последнюю форму употребляют олекминские эвенки из родов Чӑкигир и Мӗтаткӑр.

Примеры: *hавāвū этэхэ̄*, *дэримкӯд'иӈэ̄с* 'кончив (свою) работу, отдохнешь'; *ирэ̄хэвэ монӈūхā*, *мӯкӯкэ̄йэ ӯллид'иӈэ̄в* 'выделав шкуру, сошью доху'; *мэ̄ликсак тоӈовū илам* 'проснувшись, затопил (я свою) печь'.

2) Широко распространена форма, характерная для тунгирского и чульманско-гилюйских говоров,[1] на *-кэ̄н*. В токкинском говоре она имеет значение деепричастия последовательного действия и употребляется как с лично-притяжательными аффиксами, так и без них.

Примеры: *аминми*, *ӯлӯмūхэ̄ эмэд'экэ̄н*, *чайимтīллан* 'отец, как только пришел с охоты на белок, начал пить чай'; *ӯллэ ирд'экэ̄нин*, *ӯллэвэ д'эпиллэв* 'как только сварилось мясо, начали есть мясо'.

3) Деепричастная форма на *-мнак* (*-мнэк*, *-мнок*), как и в большинстве восточных говоров,[2] имеет значение цели и в некоторых случаях образа действия:

ӯлӯмūмнэк, *нуӈартīн hӯӈтӯ биракāндулā нӯлгирэ* 'чтобы белковать, они перекочевали на другую речку'; *н'амūлвар хиримнакил*, *эӈнэкэ̄рвэр уйтирэп* 'чтобы подоить (своих) важенок, привязали (мы) телят'; *олбнчō орор хамӈūнмар илтэмнэк hӯктид'эхинэ* 'испугавшиеся олени побежали мимо (своего) дымокура'.

4) Условная деепричастная форма на *-рак* (*-рэк*, *-рок*) с лично-притяжательными суффиксами выражает действие, при условии совершения которого происходит другое действие. Ограниченность употребления — только для выражения зависимого действия с самостоятельным субъектом — приближает ее к глагольному наклонению.

Примеры: *кинигэйэ гаракис*, *бū таӈд'иӈāв* 'если возьмешь книгу, я прочитаю'; *эн'ūнни āвунас ӯллирэкин*, *гороптивū миндӯ бӯдэ̄вū* 'если мать (твоя) сошьет тебе шапку, то старую (свою) мне отдай'; *hавāвū этэрэкис*, *кūнэлэ̄ хӯрӯд'иӈэ̄т* 'когда кончишь работу, пойдем в кино'.

5) Форма на *-далā* (*-дэлэ̄*, *-долō*) с притяжательными суффиксами обозначает второстепенное действие, которое является следствием главного действия:

куӈāкāр дэрдэлэ̄вэр hавалла 'дети работали до усталости', *сэлэвэ hуларгадалā н тоӈодӯ дīчэрэ* 'железо держали в огне до покраснения'.

Деепричастные формы на *-ммэ̄н*, *-кнан* (*-кнэн*, *-кнон*) в говоре не зарегистрированы.

---

[1] Г. М. Василевич. Очерки диалектов . . ., стр. 212 и 245.
[2] Там же, стр. 244, 269, 287, 288, 313.

Наречия

§ 48. Наряду с общеэвенкийскими наречиями качества *аран-аран* 'едва-едва', *эңэнӣ* 'слишком', 'чересчур' употребляются заимствованные якутские *олус* 'очень', 'весьма' и русское *нэхӣлэ* 'насилу':

ӈӯтэс олус айат татчаран 'ребенок (твой) учится очень хорошо'; *нэхӣлэ ororvӣ бакам, сӧт дэрӯм* 'кое-как нашел (я) оленей, очень устал'.

Наиболее употребительные наречия времени: *эхиткӭн* 'теперь, сейчас'; *инэӈ* 'днем'; *тімӣ* 'завтра'; *тэӈэлтэнэ* 'утром'; *ӑхилтӑна* 'вечером'; *ӯр ~ ӯри* 'недавно'; *амарӣн* 'тогда, в прошлый раз'; *таллаха* 'тогда, в то время'; *эрдэ* (← якутск.) 'рано'; *былыр* (← якутск.) 'давным-давно, в старину'.

Наречия образа действия *тікэ* 'так', 'таким образом' (лит. *тугӣ*).

Примеры: *таткӣттулӑ эмэхӭ, тікӭ гундӭвӣ*: *„би татымнак эмэн“* 'придя в школу, скажешь так: „я пришел учиться“'; *ичэкэл*: *оронмо тікӭ ӈигивӯвкӣ* 'смотри: оленя свежуют так'.

От наречия *тікӭ* с помощью суффикса *-хӧ*, не поддающегося гармонии гласных, образуется другое наречие образа действия *тікӭхӧ* 'так', 'так, как было', 'в таком виде':

соксодӯ ᵸекӯн-кат ӑчин, тікӭхӧ эмӭним 'в пасти (ловушке) ничего нет: оставил (я) так, как было'; *киӈнӭввэв, хукчахӑл, тікӭхӧ нӭчӭл* 'мои лыжи сломали (они, кто-то) и оставили в таком виде'.

К наречиям образа действия следует отнести формы глагола со словом *ӧкин*, не поддающимся гармонии гласных, но произносящимся слитно. Эта форма отмечена в чульманско-гилюйских и учурско-зейских говорах.[1]

Примеры: *орор эдӭтін мучӯра, ӈоктодӯ мӯкӯкӭвэ далохӧкин локочӧл* 'чтобы не вернулись олени, на дороге повесили доху с раскинутыми рукавами'; *ӯркэвэ нэлэхӧкин нӣхӭ, йӯчӭ* 'вышел (он), открыв дверь настежь'.

От глагольных и именных основ наречия образа действия образуются суффиксом продольного падежа *-ли*:

н'ӯриктэвӣ бултӣлӣ игдынан (*бултӭ-* 'пригладить') 'волосы (свои) причесал (он) гладко'; *мӧл коӈнӧлӣ д'эгдэчӭл* (*коӈно* 'чернота') 'деревья сгорели до черноты'.

К наречиям следует отнести звукоподражательные слова, характеризующие действие. Они могут быть в удвоенной или

[1] Там же, стр. 243, 270.

утроенной форме. Такие наречия широко распространены в соседних говорах и диалектах.[1]

Примеры: *тигэл гыр тіктэ, һāлтын укчавра* 'посудины (со звоном) „гыр" упали, некоторые (из них) разбились'; *āмуттӯ тӯӈ-тӯӈ пэктірӯдʼэрэ* 'на озере стреляют „тунг-тунг" (один за другим)'; *орор һоктолā тас-тас-тас һӯктідʼэхинэ* 'олени по дороге „тас-тас-тас" побежали (стуча копытами)'.

В этот же ряд следует поставить способы выражения признака действия формой на *-с* с глаголом *ō*. Таким образом выражаются моментальность, быстрота действия:

эдіндӯк гулувӯн чāтулин дʼӯхэс ōра 'от ветра угли костра разгорелись (покраснели)'; *мōл хигдідōлитін ᵘекӯӈнила дʼэрис ōран* 'между деревьями что-то мелькнуло'.

Частицы

§ 49. В описываемом говоре широко употребительны частицы: *-ка* (*кэ, -ко*), *-ӈāн* (*-ӈэн, -ӈōн*), *-гӯ* (*-кӯ, -ӈӯ*), *-нʼӯн, -гила* (*-ӈила*). Последняя характерна только для некоторых восточных говоров.

Примеры: *ӈӣ-гила һоктолā тіргимэн ӈэнэчэ* 'кто-то по дороге прошел пешком', *ᵘекӯн-ӈила эду бихин — һӈмāт эмэкэл* 'что-то здесь есть, иди скорее'.

Частица *-кат* (*-кэт, -кот*) имеет отрицательное значение в отрицательных предложениях:

ᵘекӯна-кат экэл гара миндӯ 'мне ничего не бери', *ӈидӯкэт эдэвэр тэдэврэ* 'никому не говорите'.

Частица *-кэнэ* (*-канā, -конō*) соответствует по значению русскому союзу 'а' или частице 'же':

сӣ танкал, би-кэнэ дукикта 'ты читай, а я (же) буду писать'; *ōкин-канā нунартін эмэӈэт бихītін?* 'когда же они должны были приехать?'.

Частица *-ті* по значению соответствует русским 'вот и,' 'так и есть'.

тар-ті эмэрэ нʼāн 'вот и приехали (они) опять', *ororвī бакачā-ті* 'так и есть, нашел (он) оленей'.

В роли частицы утверждения выступает форма глагола отрицания *эчэ* со значением 'ведь', 'же', 'разве не':

тар нуӈан эчэ 'это же он! (разве это не он?)'; *бī тэдэврāв эчэ* 'я же сказал! (разве я не сказал?)'; *бӈāт ōрпс эчэ* 'ты же обещал сделать! (разве не обещал сделать?)'.

В значении 'только' наряду с частицей *-нʼӯн* употребляется частица *-ма* (*-мэ, -мо*), которая обычно присоединяется к местоимениям и имеет оттенок упрека:

[1] Там же, стр. 243, 270, 314—315.

сӣ-мэ тарӑ ханни, hӯнтӯл эвкӣл-гӯ харӑ? 'только ты знаешь о том, а другие не знают, что ли?'; *нуӈан-ма тандӑвӣ эйӭчивкӣ, бӣ н'ӑн тандимчӑв* 'только он хочет читать, я бы тоже читал'; *нунартын-ма угӯкӯн ӯлӯкӣвэ вачал, бэйӯктэд'энӭтин бид'иӈӭн* 'только они мало белок убили, наверно, охотились на диких оленей'.

К частицам можно отнести и показатель *-хӯкӭн*, который присоединяется только к местоимению *нуӈан* 'он'. Значение такой формы приблизительно: 'он-то уже' или 'он везде тут как тут'. Иногда у местоимения конечный *-н* опускается (*нуна-хукан*).

Примеры: *нуӈан-хӯкӭн талӑ хӯрӯмэлчэчӭ* 'а он-то уже прискакал'; *нуна-хӯкӑӈ hавалдӑвӣ н'экэлчӭ* 'а он-то уже начал собираться работать'.

Характерная только для данного говора частица *-кӣйа* (*-кӣйэ*) употребляется с глаголами, выражая предположительность:

аминтӏ эмэрэн-кӣйэ, д'ӯлӑвӑр хӯрӯгӧт 'отец (наш), наверно, пришел, пойдем домой'; *ороӏтӏ тоготчоро-кӣйа, игитӏн эвкӣ дӧлдӏвра* 'олени (наши) наверно лежат, не слыхать их шума (звона их бубенчиков)'.

Частица *-к'е* при глаголе придает действию оттенок решительности, риска. Часто такие глаголы употребляются с наречием *тэлки* 'кстати':

од'ам-к"е мӭнми! 'вот возьму да сделаю сам!'; *хӯрӯрӯмк"е тэлки!* 'вот возьму да уйду (а что, если я пойду)!'.

Союзы

§ 50. Значение союза принимает слово *таллаха* 'тогда' (← *тар* 'то' + *лаха* суффикс времени). Этот союз соединяет с главным придаточные предложения условия и времени:

айайа латуйа бакакаллу, таллаха бӣ д'авийахун ӧд'иӈӑв 'найдите хорошей бересты, тогда я сделаю (для вас) лодку'; *бӣ эдэрӈэхив колхӧз ӧрӣн, таллаха эдӯ ӯмӯн мо д'ӯ бихӣн* 'когда я был молодым, организовался колхоз, в то время здесь был один деревянный дом'.

Междометия

§ 51. По значению междометия можно разделить на две группы:

1) выражающие непосредственные ощущения человека и его чувства;

2) выражающие волевые реакции человека.

Междометия первой группы выражают чувства страха, досады, отвращения, ощущение жары, холода, боли, вкуса и т. п. Суффиксы этих междометий те же, что и в соседних говорах.[1]

Примеры: *ŋэлэмэ̄*! 'боязно!', 'грешно!'; *тикӯн'ē*! 'ой, как досадно!', 'зло берет!'; *ичэмэ̄йē*! 'противно смотреть!'; *āмā!* 'ох, спать хочется!'; *энō*! 'ой, больно!'; *hэкук'ē*! 'ух, жарко!'; *иŋин'ē*! 'ох, холодно! морозит!'; *идар'ē*! 'горько!', 'кисло!'.

Междометия второй группы: *hэ̄й! hэ̄й*! — понукание оленей; *мōдӯ! мōд*! — предостережение оленям, чтобы не натолкнулись на дерево, когда их ведут вереницей при кочевке; *чэт! тулилэ*! — окрик на собаку; *ма ма! ма*! — призывный окрик для оленей.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ СИНТАКСИСА

§ 52. Структура простого предложения не отличается от общеэвенкийской, в частности, литературной. Некоторые отклонения наблюдаются в формах связи слов в предложении.

1) В простом предложении с двумя действующими лицами: одно (существительное) в именительном падеже, другое — в совместном, сказуемое бывает всегда в единственном числе:

н'амā эŋнэкэ̄н-н'ӯнмā эмэчэ̄ 'важенка пришла (со своим) теленком'; *этирāкэ̄н атирāкāнн'ӯнмā нӯлгиктэд'эчэ̄* 'старик кочевал (со своей) старухой'.

2) Если при подлежащем имеется определение-числительное, то сказуемое также всегда бывает в единственном числе:

ылан бэйӯн āмуттӯ бичэ̄ 'на озере было три диких оленя'; *ӯрāкāттӯк тунна орон эмэрэн* 'из стойбища пришли пять оленей'.

3) Сказуемое выступает в единственном числе также в том случае, когда при подлежащем в единственном числе определением бывает имя количества *кэтэ* 'множество, много':

д'ӯгахиктӯ кэтэ орон д'ӯŋачā 'на летнике провело лето много оленей'; *гоӣн оскōладу кэтэ куŋакан ād'иŋэ̄н* 'на будущий год в школу поступит много детей'.

§ 53. Некоторые глаголы управляют другими падежами — сравнительно с литературным языком.

Примеры:

		Томмотск.	Литературн.
гӯн-	'сказать кому-л.'	дат. (← якутск.)	отпр.-напр.
ӯлгӯчэ̄н-	'рассказать кому-л.'	дат. (← якутск.)	отпр.-напр.

[1] Там же, стр. 247, 270.

hўклэхин-эв-	'лечь где-л.'	дат. (← якутск.)	отпр.-напр.
	'спуститься с чего-л.'	вин., отлож.	вин.
ўлй-	'накормить кого-л.'	вин.	дат.-мест.
ўнэлэ-	'бояться чего-л.'	отлож.	твор.
ин'э-	'смеяться от чего-л.'	отлож.	твор.
ис-	'дойти до чего-л.'	местн.	вин.
бака-	'найти где-л.'	отлож.	дат.-местн.

§ 54. *Для* описываемого говора характерно полное отсутствие согласования у определения с определяемым словом.

Примеры: *бӯ hэгдӏ бирала эмэрэв* 'мы приехали к большой реке'; *колхӧсту hэгдӏ д'ӯлба ӧра* 'в колхозе построили большие дома' (определение — прилагательное);

бэйэ ылан бэйўнмэ ичэчэ 'человек увидел трех диких оленей'; *бӣ тунна hорокӣдук иланмӓн вӓм* 'я из пяти глухарей убил трех' (определение — числительное).

Принадлежность предмета лицу выражается личным местоимением и лично-притяжательным суффиксом:

бӣ оропвов илбэкэл 'моих оленей пригони (домой)'; *си киннэлбэс гам* 'взял (я) твои лыжи'.

Имена указания *эр*, *тар* 'этот', 'тот' в роли определения также не согласуются ни в числе, ни в падеже: [1]

эр оропбо ўйкэл 'привяжи этих оленей'; *тар н'амӣдӯ тўрўкэйэ бӯкэл* 'той важенке дай соли'.

Для говора характерно примыкание, так же как и в якутском языке, например: *мӧ д'ӯ* (→ якутск. *мас дьиэ*) 'деревянный дом (букв.: дерево дом)'; *сэлэ кото* (← якутск. *тимир быһах*) 'железный нож (букв.: железо нож)'.

§ 55. Как и во всех восточных говорах, подлежащее при повествовании часто выражается двумя словами: существительными (или местоимением) и вспомогательным глаголом *би-* 'быть' в форме на *-ми*.[2] Перед таким подлежащим в переводе употребляется союз 'а'.

Примеры: *нуңан бимӣ пэктирэнчэ-дэ, урӓчӓ* 'а он выстрелил, но промахнулся'; *бэйўр бими бид'эмўхи hэтэкэрўд'эхинчэл* 'а дикие олени стоять будут что ли, ускакали'.

§ 56. В повествовательном предложении подлежащее, выраженное числительным или именной глагольной формой, имеет при себе вспомогательный глагол *би-* в деепричастной форме на *-нэ*:[2]

---

[1] Это отмечено в кур-урмийском говоре. См.: Г. М. Василевич. Очерки диалектов. . ., стр. 290.

[2] Там же, стр. 288.

д'ӯр бинэл эхэкӭвэ вӑчӑл 'будучи двое (вдвоем), убили медведя'; *таткӑвчӑ бинэ эвкӣ хӑра* 'будучи обученной, не знает'.

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

§ 57. Лексика описываемого говора отличается большим количеством заимствованных якутских и русских слов. Заимствования из якутского языка наблюдаются в самых разнообразных разделах лексики: в названиях месяцев, частей тела, одежды, пищи, явлений природы, географических названиях и т. д.

Например, названия месяцев употребляются только якутские:

Томмотск.	Якутск.	Значение
тохсун'н'у ~ токсун'н'у	*тохсунньу*	'январь'
олун'н'у	*олуньу*	'февраль'
кулун тутар	*кулун тутар*	'март'
мӯс устар	*муус устар*	'апрель'
ыам ыйа ~ ᵂем ыйа	*ыам ыйа*	'май'
бэс ыйа	*бэс ыйа*	'июнь'
от ыйа	*от ыйа*	'июль'
атырд'ах ыйа	*атырдьах ыйа*	'август'
балаӡан ыйа ~ балаган ыйа	*балаӡан ыйа*	'сентябрь'
алтын'н'ы ~ алтын'н'и	*алтыньы*	'октябрь'
сэтин'н'и	*сэтиньи*	'ноябрь'
ахсын'н'ы ~ ахсин'н'и	*ахсыньы*	'декабрь'

Названия времен года употребляются только в виде корня без суфф.-*нӣ*: *тӯӡэ* 'зима', *д'уӡа* 'лето'.

Периоды осени и весны, меньше месяца, имеют множество названий, обозначающих раннее, позднее время и т. п. переходные оттенки, ибо у эвенков на весну и осень всегда приходилось их основное занятие — охота. Так, названия для весны: *нэлки* 'самая ранняя весна (март)', *овӣлаха* 'период охоты на диких оленей и лосей на лыжах' (*овин* 'наст'), *ч''егӣлаха* 'период замерзания ночью поверхности снега после оттепели' (*ч''ега* 'наст'), *hилэкэлэхэ* 'период появления проталинок' (*hилэкэ-* 'протаять'), *н'эун'э* 'поздняя весна (май)'.

Названия для осени: *боло* 'осень (общее)', *иркилэхэ* 'ранняя осень' (*иркин* 'самец дикого оленя до спаривания', *ирки-* 'обдирать кожицу с рогов'), *сирӯлаха* 'период спаривания диких и домашних оленей' (*сирӯ* 'пороз, олень-бык'), *сигэлэхэ* 'поздняя осень до выпадения снега, период тальниковых ремешков и лыка для хозяйственных нужд' (*сигэ* якутск. 'тальниковый ремешок').

Некоторые носители томмотского говора в периодах лета выделяют 'период выявления мошек' *hӯнмилэхэ* (*hӯнмиктэ* 'мошка'), 'период появления комаров' *ŋанмалаха* (*ŋанмакта* 'комар'), 'период появления оводов' *ыргалаха* (*ыргакта* 'овод').

§ 58. Названия частей тела, организма в основном те же, что и во всех эвенкийских говорах: *дıл* 'голова', *н'ӯриктэ* 'волосы', *омкото* 'лоб', *саримукта ~ харимукта* 'брови', *"еха* 'глаз', *оŋокто* 'нос', *анчан ~ hанчан* 'щека', *hэмӯн* 'губа', *ӣктэ* 'зуб', *сурка ~ хурка* 'клык', *н'икинма* 'шея', *мӣрэ* 'плечо', *д'эг ~ д'эӈ* 'нижняя челюсть', *ŋӓла* 'рука', *ӣчӭн* 'локоть', *ун'акачӣн* 'палец', *hанŋа* 'ладонь', *охӣкта* 'ноготь', *hэнŋэн* 'колено', *ӣнӯ* 'язык', *hалган* 'нога', *чӯŋӯрӯ* 'пуп', *ӯкӯн* 'грудь (женщины)'.

Некоторые названия имеют якутские синонимы, например:

Томмотск.	Якутск.	Значение
ичэмӯктэ ~ "еха коунорӣнин ~ "еха коунокон ~ чакарван ~ "еха иччин	*харах иччитэ*	'зрачок'
комурган ~ хомурган	*хомурӈан*	'ключица'
омукал	*окумал*	'плечевая кость'
д'эг ~ хэŋийэ	*сэŋийэ*	'нижняя челюсть'
уругун ~ эрбэк	*эрбэх*	'большой палец'
дулгӯ ун'акачан ~ дулгӯ тарбак ~ орто тарбак	*орто тарбах*	'средний палец'
бӗ ун'акачӣн ~ гэрбӣйэ ӓчин ~ ӓта hӧк	*аата суох*	'безымянный палец'
чимиткикан ~ ылгын ~ ылгын чыкыйа	*ылгын чыкыйа*	'мизинец'
айӯкӣн ~ hагдыкӣ	*бэрбээкэй*	'бабка, лодыжка'
д'алан ~ hата ~ бэрбӗкэй		
нӣŋти ~ ӣŋти ~ hагдыкӣ ~ hэнӯр ~ тиŋилэк	*тиŋилэх*	'пятка'
чэкэктэ ~ чэкэн ~ таŋалай	*таŋалай*	'нёбо'
ӣктэ тэкэнин ~ мӯлэ ~ мӣлэ	*миилэ*	'десна'

Много синонимов имеют слова со значением 'поясница' и 'бедро':[1] *hонтонмо ~ нӯгдı ~ эŋэйэ ~ нугдикӣ ~ содбӧптӯкӣт*

[1] Приводимые ниже слова — не столько синонимы, сколько названия частей поясницы (позвоночника) по позвонкам. *(Примеч. редактора).*

~ нэмкӯкэ̄н 'поясница'; *дэвэкӣ ~ сэргӣ ~ йд'йрэ ~ конкочок* 'бедро'.

Представители родов Буяга и Иңилахинкур лоб называют *ҥэ̄йэ*, остальные — *омкото*.

§ 59. Среди терминов родства из общеэвенкийских употребляются следующие: *амӣн* 'отец', *эн'ӣн* 'мать', *аткӣ* 'свекровь', *ҥунӣт* 'дочь', *омолгӣ* 'сын', *кӯкин* 'невестка', *акӣн* 'старший брат', *нэкӯн* 'младший брат, сестра', *экӣн* 'старшая сестра'.

Некоторые термины употребляются наряду с якутскими:

Томмотск.	Якутск.	Значение
эткӣ ~ ӓткӣ ~ тӯ-ҥӯр	*тӯҥӯр* 'сват, 'свояк'	'свекор'
эткӣ ~ кынны ~ амӣн ~ ӓтки	*аҕа кынны*	'тесть'
эхэкэ̄ ~ амӣкӣн	*экэ*	'дед (отец отца, матери)'
эвэ ~ энӣкэ̄н	*эбэ*	'бабка (мать отца, матери)'
аткӣ энин ~ ин'э кынны	*ийэ кынны*	'теща'
кӯтӯ̄т	*кӯтӯот*	'зять'
саңас ~ хаңас	*саҥас*	'золовка (жена старшего брата, дяди)'

В значении 'человек' употребляется только слово *бэйэ*, молодой человек' — *н'ӯҥӯктӯ бэйэ, эдэр* (якутск.) *бэйэ*.

Из общеэвенкийских широко употребляются слова: *аңнакӣ* 'чужеродец, человек другой нации'; *мӓтӓ* 'гость, приезжий'; *этирӣкӣн* 'старик'; *атирӣкӣн* 'старуха'; *бэйэ* 'мужчина'; *ахӣ* 'женщина'; *омолгы* 'парень'; *омолгычӣн* 'мальчик'; *ҥунӣт* 'девушка'; *ҥунӣткӣн* 'девочка'.

§ 60. Названия жилища почти все эвенкийские: *д'ӯ̄* 'дом, жилище (вообще)'; *д'ӯ̄кчӣ* 'юрта'; *угдӓмӓ* 'юрта, крытая корой'; *элбэ̄лэ̄н* 'шалаш, односкатый навес'; *ӯтэ̄н* 'чум конической формы'; *калтӓмӓ* 'чум полуконусообразной формы'.

Несколько таких слов заимствовано из якутского и русского языков: *отӯ̄* (якутск. *отуу*) 'шалаш из сена, ветвей'; *титӣк* (якутск. *титиик*) 'летний навес для оленей'; *балӓкка* (русск. *палатка*); *балаган ~ палага ~ ампар д'ӯ̄ ~ симӯ̄бӯйэ* (русск. *балаган, амбар, зимовье*).

§ 61. Предметы домашней утвари, употребляющиеся в основном при кочевом образе жизни, носят такие же названия, что и в других (преимущественно восточных) говорах эвен-

кийского языка. Например: *пкэ̄* 'котел'; *пкэчэ̄н* 'котелок'; *ивкэ̄н* 'большая деревянная ложка — черпак для снега'; *умка̄н* 'маленькая деревянная ложка для супа, каши'; *кото* 'нож'; *урывӯн* 'железный крючок для вытаскивания мяса из котла'; *тӯрӯкэрӯк* 'мешочек для соли'; *олло̄н* 'железный крюк для подвешивания котла над костром'; *хэлэрӯк* 'длинный чехол из камыса дикого оленя для железных предметов' (например: *олло̄н*, *урывун* и т. п.)'; *кэдэрэ̄* 'длинная (как русская коса) с мелкими зубцами железная кожемялка'; *чӯчӯн* 'круглый железный зазубренный скребок на длинной деревянной ручке (для выскабливания мездры)'; *н'ӯливӯн* 'длинный, дугообразный (как *кэдэрэ̄*) железный скребок без зубцов (для соскабливания шерсти со шкуры и выжимания воды с намоченной кожи)'; *ӯ* 'круглый (с лезвием, насаженный на деревянную ручку) длиной до 30 см железный скребок (для первичного соскабливания мездры)'; *мӯрӯчӯн* 'круглая коробка, обтянутая ровдугой, вышитой или разрисованной красным суриком и черной'; *авха* 'прямоугольная коробка (для женского рукоделия), обтянутая ровдугой, украшенной полосками цветной ткани'; *ун'аптӯн* 'наперсток'; *томко* 'нитка'; *ныгрӣ* 'стружки тальника (для вытирания посуды)'.

Предметы домашней утвари и одежды, заимствованные у русских, носят русские названия: *кочбл* 'котел', *лбска* ~ *н'оска* 'ложка', *мэхэмэ̄н* 'безмен', *булӓ̄т* ~ *пулӓ̄т* 'платок', *сӓ̄л* 'шаль', *урба̄ки* 'рубаха', *ыстӓ̄н* 'штаны', *остбл* 'стол', *лӓ̄ппы* 'лавка, скамейка', *кобордбк* ~ *ковордбк* 'сковорода'.

Якутскими по происхождению являются названия берестяных посудин, например: *тӯйас* (якутск. *тууйас* ← русск. *туес*) 'берестяной короб со съемной деревянной крышкой'; *"егас* ~ *"еӡас* (якутск. *ыаӡас*) 'большая берестяная посудина цилиндрической формы'; *чабычак* (якутск. *чабычах*) 'берестяная посудина в виде чаши', а также некоторых изделий из дерева: *кытыйа* (якутск. *кытыйа*) 'большая деревянная чашка'; *ытык* (якутск. *ытык*) 'мутовка'.

Постель, меховая одежда и обувь также сохранили эвенкийские названия, употребляющиеся во всех других говорах, например: *тэргэхэ* 'постель'; *hулла* 'одеяло'; *хэктэвӯн* 'матрац', коврик, шкура оленя, лосенка, медведя (для спанья)'; *тирӯ* 'подушка'; *кумала̄н* 'коврик из шкур с голов оленей'; *кӯнгӯ* 'пальто из ткани', *мӯкӯкэ̄* 'доха, шуба из оленьей шкуры' (букв.: 'кабарга'); *ӯhэ* 'рукав'; *бугйа̄н* 'обшлаг рукава'; *а̄вун* 'шапка'; *сэ̄птӯн* 'наушник шапки'; *н'элаптӯн* 'меховая опушка, пришиваемая к шапке для защиты глаз от ветра, снега'; *нэ̄лби* 'кусок плотной ткани, пришиваемый к шапке для защиты шеи от снега с веток'; *коколло* 'рукавицы'; *кукчӯ* 'детские рукавицы без пальцев'; *ӯтэптӣн* 'подкладка рукавицы из заячьей шкурки, простроченной

ватой; *эрки* 'женские штаны, натазники из ровдуги' (летние) или из камыса (зимние)'; *арамӯс* 'летняя ноговица из ровдуги (длинная гамаша на всю ногу)'; *олохык* 'зимняя ноговица из камыса (длинная, на всю ногу)'; *унта* 'короткая, ниже колен, обувь из камыса, подошва из лосиной ровдуги'; *hэрэ* 'подошва'; *сӯхэ* 'ровдужные завязки обуви'; *кӯрпэк* 'длинная, выше колен, обувь из камыса с ровдужной подошвой'; *олӧччу*: 1) 'короткая, ниже колен, обувь из лосиной ровдуги'; 2) 'женская летняя обувь с голенищем ниже колен из плотной ткани, низ голенища обшивается ровдугой кабарги или другой тонкой кожей (сафьян, хром), подошва из лосиного камыса'; 3) 'мужская летняя обувь с коротким (до икр) голенищем из плотной ткани, низ также обшивается ровдугой, голенище спереди имеет разрез, подошва из лосиного камыса; обматывается (как русские лапти) длинной бечевой или длинным тонким ровдужным шнуром'; *сатӣт* ~ *хатӣт* 'короткая (ниже икр) мужская обувь из камыса без завязок, подошва также из камыса'; *hэмчӯрэ* ~ *эмчӯрэ* 'короткая (ниже икр) мужская обувь из ровдуги или из камыса, с ровдужной подошвой'; *доктон* 'меховые или суконные чулки; *кэлкэ* 'меховые галоши из оленьей шкуры, надеваемые поверх обуви зимой'.

§ 62. Мясные продукты и кушанья называются только по-эвенкийски: *ӯллэ* 'мясо'; *ургакта* 'вяленое на солнце мясо'; *ӯлӧӈуки* ~ *ӯлэӈкӯ* 'сушеное мясо, нарезанное кусочками'; *hорочӧ* 'сушеное толченое мясо'; *качан* 'сушеные (нарезанные кусочками) хрящи, жилы'; *гӹта* 'суп из сушеных хрящей, жил'; *hӯӈэл* 'сушеная кровь'; *н'ӣмин* ~ *н'ӣминтэр* 'похлебка из взбитой крови оленя или лося'; *лохтӗ* 'вареная (круто) кровь'; *сэвэн* ~ *сэвэрин* 'медвежье мясо, нарезанное мелкими кусочками, сваренное с жиром потрохов, салом груди'; *чӯнмӯрэ*, *хилэвкэ* 'похлебка с нарезанными кусочками мяса'; *хилэ* ~ *силэ* 'суп, бульон'.

Некоторые другие продукты имеют якутские названия: *бурдук* (якутск. *бурдук*) 'мука́, хлеб на поле'; общеэвенкийское *пурча* 'сушеная рыба в порошке' (якутск. *барча* 'разная мелкая рыба, сперва сваренная, потом прокопченая' → томмотск. *барча* 'сушеная рыба, истолченная в порошок'). Некоторые молочные продукты: *сорат* (якутск. *суорат*) 'простокваша'; *"ед'эӈэй* (якутск. *иэдьэгэй*) 'творог'; *кӧрчэк* (якутск. *кӯөрчэх*) 'взбитые мутовкой сливки'.

Из русского языка заимствованы: *килӗп*, *лэпёскэ* 'хлеб, лепешка'; *сӑкар* ~ *сӑкыр* 'сахар', *кӑхи* 'каша', *д'ӯкала* 'юкола', *курупа* 'крупа', *курупчӑски* 'крупчатка' и т. п. Издавна в эвенкийском языке бытует слово *судурӑн* (русск. *затуран* ← тюркск.) 'кушанье или питье из ржаной муки, поджаренной в коровьем

масле с добавкой соли'.[1] Эвенки этот продукт употребляют с чаем.

§ 63. В названиях ягод общим с другими говорами являются: *hӣмиктэ ~ сӣмиктэ* 'брусника', *д'иктэ* 'голубица', *игэликтэ* 'красная смородина', *инүэктэ* 'черемуха', *ӱтӱмӱктэ ~ ӱтӱмӱктӱ* 'жимолость', 'толокнянка (костяника)' называется *кӧмакта ~ кӧнакта*. Наряду с названием *игэликтэ* употребляются синонимы: *инүэбӱктэ, чурӗду, hӱнгаликта ~ hинүаликта* и якутское название *каптаҕас* (якутск. *хаптаҕас*) 'красная смородина, кислица'. Слово *игэликтэ ~ инүамукта* 'черемуха' имеет синонимы: *чэрӗмпэ* (русск. *черемуха*) и *карас* (якутск. *харас*), *капарӑс* (якутск. *хаппырас*) 'черемуха'. Потомки родов Метаткар и Чакигир черную смородину называют *тӗhэкэн*, остальные — *мӧйноҕон ~ мӧн'н'огон* (якутск. *моонньоҕон*) 'черная смородина' и *д'эд'эн* (якутск. *дьэдьэн*) 'земляника'.

§ 64. Явления природы в основном носят эвенкийские названия, например: *эдӣн* 'ветер'; *hӱннүэ* 'метель'; *иманна* 'снег'; *умкакта* 'снег на ветках'; *бӧна* 'град'; *hалгӑ ~ ливгӗ* 'первый снег, пороша'; *тигдэ* 'дождь'; *н'ӧкта* 'кратковременный дождь'; *агдӣ* 'гром'; *д'ухэн* 'молния'; *hӧлиндӑ* 'радуга'; *тамнӑхэ* 'туман'; *йэхӣ* 'мелкий дождь, ветер с дождем'; *хилэхэ* 'роса'; *хӑҥыха* 'иней'; *н'эндэлэ* 'ясная погода, погожий день'; *хинкэв* 'тьма осенней ночи, непроглядная тьма'. Наряду со словом *д'ухэн* употребляется *чагылҕан* (якутск. *чаҕылҕан*) 'молния', наряду с *hалга ~ либгэ — кыраха* (якутск. *кыраһа*) 'пороша, первый снег', наряду с *hӱннүэ — бурга* (русск. *пурга*).

§ 65. Названия домашнего оленя и упряжи почти все общеэвенкийские: *н'амӣ ~ н'амӣ* 'важенка (самка домашнего оленя)'; *гилгэ* 'холощеный домашний олень'; *сачарӣ ~ хачарӣ ~ чачарӣ* 'двухгодовалая важенка'; *"евкӑн* 'двухгодовалый самец'; *иктӗнэ* 'олень-бык двух-трех лет'; *н'оңаркан ~ н'оҕаркан* 'олень трех лет'; *эүнэкӗн* 'теленок домашнего оленя'; *сӧннӱнан ~ хӧннӱнан* 'важенка с теленком'; *бӑнгӑй ~ вӑнгӑй* 'нетелящаяся важенка'; *ӱмӑрӣ* 'важенка, потерявшая теленка, но доящаяся'; *дулаҕ* 'яловая важенка'; *угӱчак* 'верховой олень'; *инивӱгдӗн* 'вьючный олень'; *гэлӱн* 'одичалый олень'; *д'эптӣ орон* 'олень, имеющий привычку жевать матерчатую ткань (например, белье, развешанное для просушки, разные тряпки)'; *бодовун* 'олень, идущий свободно при кочевке'.

Еще примеры: *ухи* 'узда'; *ут нни* 'недоуздок, надеваемый на морду оленя'; *ытмар* 'завязки, пришитые к недоуздку и завязываемые на затылке, за ушами оленя'; *нуүны* 'узда без не-

[1] Э. К. Пекарский. Словарь якутского языка, т. II, М., 1959, стр. 2321.

доуздка (часть узды)'; *чӯрэ̄ктэ* 'украшение к недоуздку из ровдужной бахромы, скрепленной металлическими трубочками, цветным сукном или тканью'; *сарпы̄р* 'бахрома из ровдуги, пришитая к недоуздку'; *эмэӈэн* 'вьючное седло'; *нэ̄мэ* 'седло'; *тиӈэптӯн* 'подпруга'; *горгы* 'подпруга для седла'; *тэнӣнэ* 'коврик — подстилка под вьюк'; *инмэк* 'торсук, вьючная сума'; *ӣкэ̄вйэ̄* 'мягкая вьючная сумка'; *тӣптӣн* 'завязки из ровдуги у торсуков и мягких вьючных сумок'; *мӣвут* 'аркан'; *ӯхӣкэ̄н* 'тесемка'; *чэчэ̄* 'веревка из кожи, срезанная с краев очищенной от шерсти и высушенной шкуры оленя'; *толгокӣ* 'маленькие охотничьи сани'.

В названиях домашнего оленя и упряжи есть несколько заимствованных слов. Например, кроме *н'о̄гӯхут*, в значении 'передовой олень в нарте' употребляют еще *бэрэ̄ччит* (от русск. *вперед* + якутский афф. *-чит*, который образует имя, выражающее профессию, постоянное и временное занятие, мастерство или сноровку);[1] *л'э̄мпи ~ лэ̄мки* (русск. *лямки*); *сырга ~ хырга* (якутск. *сыарҕа*) 'нарта, сани'; *ӧтӯ* (якутск. *өтүү*) 'веревка для обвязывания клади на нартах, санях'; *сэвэхэ* (якутск. *сэбэһэ*) 'веревка, сплетенная или скрученная из конского волоса'.

В урмийском говоре и учуро-зейском и сахалинском диалектах металлическая пряжка на подпруге верхового оленя называется *горги*,[2] а в томмотском говоре это слово означает подпругу верхового оленя, в отличие от *тиӈэптӯн* 'подпруга вьючного оленя'.

Слово *до̄птӯн*, которое в подкаменно-тунгусском и илимпийском диалектах и олекминском говоре означает нижнюю подстилку под вьюком, а в урмийском говоре[3] — верхнюю подстилку под вязками вьюка, в томмотском говоре означает подстилку под верховым седлом.

§ 66. В названиях дикого оленя и лося заимствований из других языков нет. Отмечены следующие общие эвенкийские названия: *мо̄тӣ ~ то̄кӣ* 'лось (вообще)', *лоӄо̄й ~ лӯкӯчо̄н* 'лось-самец зимой', *со̄рэ̄* 'лось-самец осенью', *анам ~ анаму* 'лось-самец летом', *н'аргӯ* 'двугодовалый лось-самец', *мандаха* 'лось от года до двух лет', *па̄ла̄нчаа̄н* 'лось трех лет', *тӯтэкэ̄н* 'лось четырех лет', *энӣн* 'лосиха', *нына̄н* 'лосенок', *нына̄нан* 'лосиха с лосенком', *ирӯн ~ багдарӣн* 'дикий олень (вообще)', *н'эӈчэн* 'самец дикого оленя зимой', *иркин* 'самец дикого оленя ранней осенью', *сирӯ ~ хирӯ* 'самец дикого оленя поздней осенью', *курайкӣ* 'самец дикого оленя летом', *гӯлкэчэ̄н* 'самка дикого оленя до двух лет', *hэксэргэ* 'самец дикого оленя от одного до

[1] Л. Н. Харитонов. Современный якутский язык. Якутск, 1947, стр. 100.
[2] Г. М. Василевич. Эвенкийско-русский словарь, стр. 92.
[3] Там же, стр. 121.

двух лет', *чуруп* 'самец дикого оленя трех-четырех лет', *тупилӗн* 'дикий олень-самец четырех лет', *гōгō* 'самка дикого оленя', *hōŋначāн* 'теленок дикого оленя'.

§ 67. Средства охоты называются так же, как и в других говорах эвенкийского языка: *бэр ~ пэктирэвӯн* '(огнестрельное) ружье'; *ӯлӯмӯгдӯ* 'кремневое ружье для охоты на белку'; *мōхук* 'чехол для ружья из камыса или брезента'; *ӯхэкэ* 'пуля'; *ӯхэкэрӯк* 'мешочек из ровдуги или камыса кабарги для пуль'; *тэвӯр* 'заряд, заряженный патрон'; *бэркэн*[1] 'лук'; *н'ӯр* 'древко стрелы'; *ил* 'тетива'; *лукī* 'стрела'; *йӯлга ~ д'ӯлга ~ н'ӯлга* 'железный наконечник на стреле', 'стрела для самострела'; *hурка* 'петля'; *огōр* 'изгородь из сваленных деревьев (для самострелов, петель)'.

В названиях средств охоты отмечены следующие якутские слова, употребляющиеся наряду с эвенкийскими: *лукī ~ йӯлга ~ ох* (якутск. *ох*) 'стрела'; *тирэвкэвун ~ сōho ~ соксо* (якутск. *сохсо*) 'пасть (ловушка)'; *hурка ~ туhах* (якутск. *туhах*) 'петля для ловли зайцев, лис, куропаток'.

Некоторые предметы, используемые при рыбной ловле, также носят якутские названия: *атыйах* (якутск. *атыйах*) 'берестяное лукошко, низкий короб (в него кладут рыбу при ловле)'; *бадāйы* (якутск. *бадаайы*) 'продолговатая деревянная лопата, используемая при ловле рыбы сетями; *чорōк* (якутск. *чороох*) 'тонкие, длиною в метр, деревянные палочки, вставляемые при ловле рыбы в сети'.

Из русского языка заимствованы: *чāркāн* 'черкан (деревянная ловушка для ловли хорьков, горностаев, евражек и других мелких зверьков)', *капкан* (русск. *капкан*).

§ 68. Названия зверей и птиц не отличаются от названий в других говорах эвенкийского языка. Приведем некоторые примеры: *ӯлӯкī* 'белка', *ӯлгӯкī* 'бурундук', *д'элэки* 'горностай', *солоŋго ~ холоŋго* 'хорек', *сулакī ~ хулакī* 'лиса', *нонно* 'рысь', *андагī* 'соболь', *иргичī ~ дӯннэт* 'волк', *сатымāр ~ хатымāр* 'очень крупный медведь', *бырын* 'медведица', *hӯйэкэчэн* 'медведь в возрасте одного-двух лет', *hӯтӯкэн* 'медвежонок', *дилтэр* 'медведь четырех лет', *hорокī* 'глухарь', *нимэ* 'глухарь-самец', *hīнукī ~ hīнукīчэн* 'рябчик', *hӗлакī* 'куропатка', *н'уун'акī* 'гусь', *гаӈ* 'лебедь', *карав* 'журавль', *никī* 'утка', *турāкī* 'ворона', *бли* 'ворон', *кīран* 'коршун', *интīлгӯн* 'сова', *куккӯ* 'кукушка', *чивкāчāн* 'птичка', *дэӈī* 'птица (вообще)', *бэйнэ* 'зверь (вообще)'.

---

[1] Ныне слово *бэркэн* в томмотском говоре употребляется только в значении 'лук детский, игрушечный'.

Некоторые звери и птицы, наряду с эвенкийским, имеют якутские названия, например: *аһылāк ~ сирдэ̄ги ~ кутурук* (якутск. *аһыылах ~ сирдээ̄и ~ кутурук*) 'волк'; *эхэ ~ эбэкэ̄ ~ ад'ирга* (якутск. *эһэ ~ эбэ ~ ад'ырɣа*) 'медведь'; *бэлē̄лэк* (якутск. *бэлиэлээх*) 'горностай'; *кирса ~ кырса* (якутск. *кырса*) 'песец'; *ӱ̄с* (якутск. *үүс*) 'рысь'; *эрдэгэс ~ эрдээ̄эс* (якутск. *эрдэгэс*) 'тетерев, самка глухаря'; *туруйа* (якутск. *туруйа*) 'журавль'; *бӱчугурас* (якутск. *бочугурас*) 'рябчик'; *элие* 'коршун'; *мэкчиргэ* (якутск. *мэкчиргэ*) 'сова'; *мохсоɓол* (якутск. *моксоɓол*) 'сокол'.

Из русского языка заимствованы слова: *нэтэ̄гэ* 'летяга', *кырынас* 'горностай', *нараган* (русск. обл. *нарагон*) — особый вид степной лисы, в южной киргизской степи.[1] Это слово употребляется редко.

§ 69. Основной мерой расстояния является *нӱ̄лги* 'кочевка, равная примерно 8—10 км', остальные меры длины русские или якутские: *бē̄рэстэ* 'верста'; *мē̄тэрэ* 'метр'; *арсы̄н* 'аршин'; *былас* (якутск. *былас*) 'маховая сажень, отмах'; *харыс ~ карыс* (якутск. *харыс*) 'расстояние между концами большого и среднего пальцев'; *сӧ̄м* (якутск. *сүем*) 'четверть — расстояние между концами большого и указательного пальцев'. Наряду с якутским словом *харыс* употребляется эвенкийское *тӱ̄рикта* с тем же значением. Для измерения толщины слоя сала у оленя, лося или медведя употребляются слова: *ӱмӱ̄ндӱлэ̄ ~ ӱмӱ̄н ӈа̄ла, д'ӱ̄рдӱлэ̄ ~ д'ӱ̄р ӈа̄ла* и т. д. 'толщиной в один палец, в два пальца' и т. д.

Названия мер веса и емкости заимствованы из русского языка: *то̄н* 'тонна', *кӣлэ* 'кило', *гырā̄м* 'грамм', *бӱ̄т* 'пуд', *боппӱ̄да* 'полпуда', *мӱ̄нта* 'фунт', *лӣтэрэ* 'литр'; имеются также эвенкийское *ӱмӱ̄н тīгэ, д'ӱ̄р тīгэ* и т. д. 'мера емкости, равная поллитру', (букв.: 'одна посудина, две посудины и т. д.'). Под посудиной подразумевается поллитровая бутылка:

ӱмӱ̄н тīгэ аракива эмӱ̄чэ̄ 'привез (он) бутылку (поллитровую) спирта'.

§ 70. Географические названия.

1) Названия поселений обычно совпадают с названиями рек, на берегу или в устье которых они расположены, например: *Йакōкāт, Укулā̄н, Угойā̄н, Кэ̄нкӱ̄, Улӱ̄, Модут.*

2) Названия рек в основном эвенкийские и якутские.

Эвенкийские: *Ӈаумӈа* (Амга), *Учур, Инӈэ̄нӈ̄* (Ингэгли), *Тумтō̄м* (Тимптон), *Уӈэлэ* (Ингили), *Балбаӈā̄* (Балбанга), *Бутāмӈӱ̄* (Бутамнгу), *Кэ̄нкӱ̄* (Канку), *Ӣ̄ктэ* (Юкто), *Кы̄рбы̄кā̄н* (Кырбыкан), *Ы̄нтӣ* (Ынты), *Эрэтэмнэ̄й* (Регамнай), *Далкāт* (Далкит), *Амуд'ичā* (Амудичи), *Кумакā* (Кумаки), *Н'ӣрэчӣ* (Ни-

[1] Э. К. Пекарский. Словарь якутского языка, т. II, стр. 1680.

речи), *Ӯӈӧлэ* (Унгола), *Огн'ӧкон* (Огнекон), *Сӣвӯктэ* (Сивукта), *Корумкӓмӓкӣт* (Корумкамакит), *Бӧтама* (Ботама), *Д'ӯкӯӈрэ* (Дукунга), *Нӓлдынд'а* (Налдындя), *Д'агдаглӣ* (Дягдагли).

Якутские: *Дӯлӯӈ* (Дюлюнг), *Ургӧрдӧк* (Югердэх), *Бэрд'ибэс* (Берджигэс), *Улӯ* (Улу), *Тӧйдӓх* (Тойдах), *Сылгылӹр* (Сылгылыр), *Бэс ӯрэх* (Бэс-Юрэх), *Кэдэрги*, *Каптаӷастӹр* (Каптагастыр), *Тарыннӓх* (Тарыннах), *Бэстӗх* (Быстях), *Оттӗх* (Еттэх), *Чокӯрдӓх* (Чекурдах), *Айан ӯрэх* (Аян-Юрэх), *Хара-ӯрэх* (Хара-Юрэх), *Харыйа* (Хария), *Ат ытар* (Ат-Ытар), *Тӣт-ыллыктӓх* (Тит-Ыллыктах), *Атаӷа-хӧк* (Атага-Хок), *утэннӗх* (Ютэннэх), *Балаӷаннӓх* (Балаганнах), *Кымырдаӷас* (Кысырдагас), *Ытаха* (Ытаса), *Чайдӓх* (Чайдах), *Соха хайа* (Сохо-Хая).

В названиях рек зафиксировано несколько русских названий: *Талай* 'Талый', *Болотнай* 'Болотный', *Берэк* 'Берег', *Нагорнай* 'Нагорный', *Быкчан* 'Бычок' (русск. *бык* + эвенкийский уменьшительно-ласкательный суфф.). Имеются эвенкийско-якутские названия, например: *терӈт налдӏ* < *терут* (якутск. *торут*, *торду*), 'начало, основа' + эвенкийское *налдӏ* 'приток реки', *манан чэкэ* < *маннан* (якутск. *манан*, *маган*) 'белый' + эвенкийское *чэкэ* ~ *чэкэктэ* 'небо'.

3) Названия озер по большей части эвенкийские, некоторые — якутские:

эвенкийские: *Гӓгиӈра* (Гагингра); *Бэлбӯкӗӈрэ* (Белбукангра), *Чэпэк*, *Охыгдачи* (Осигдачи); *Токчоко ӓмут* (Токчоко амут), *Тӯтэкӗн* (Тутекан), *Кудучӣ ӓмут* (Кудучи амут), *Д'эмпӯчӣ* (Джемпучи), *Оӈоктойо ӓчин амуд'ин* (Онгоктьё ачин амудин), *Элэӈ амуд'ин* (Эленг амудин), *Дӯтэкӣ* (Дутаки), *Амуткӓн* (Амуткан), *Амуд'инд'а* (Амудинда), *Н'ачикта* (Начикта), *Һэнилликит* (Хинилликит);

якутские: *Соболӧх* (Соболох), *Н'олбур* (Нёлбур), *Хорӯ кӧл* (Хору-кёль), *Алыхардӓх* (Алысардах), *ӧлба* (Олба), *Алтан кӧл* (Алтан-кёль), *Кӯндэ кӧл* (Кундэ-кёль), *Токур кӧл* (Токургёль), *Сороӈнох* (Соронгнох), *Хампа*, *Татӓр кӧлэ* (Татар-кёлэ), *Холболӧх* (Холболох).

§ 71. Некоторые слова в описываемом говоре имеют иное значение, сравнительно с такими же словами в других говорах и диалектах. Например: *гӓвун* в верхоленском, зейском и урмийском говорах означает 'маленький шест до полуметра длиною, которым, сидя на корме, отталкиваются, подкрадываясь в лодке (к зверю на берегу)'.[1] В томмотском говоре *гӓвун* — 'палка длиной в полтора-два метра, которой отталкиваются при поднятии берестяной лодки против течения (отталкиваются сидя, двумя палками одновременно)'. Глагол *д'ари* в зейском говоре

[1] Г. М. Василевич. Эвенкийско-русский словарь, стр. 80.

означает 'подпевать шаману',[1] в томмотском — 'петь по-шамански, бессвязно петь во сне, исступленно вопить'. Слово *ондōгдо* в илимпийском диалекте означает 'олень-маньщик (для охоты на дикого оленя)'.[2] В томмотском говоре представители родов Мётаткăр и Чăкигир это слово употребляют в значении 'передовой олень в нарте'. В баргузинском диалекте и нерчинском говоре *тōрганды* — 'женская верхняя летняя одежда',[3] в томмотском *тōргăнны* — 'пиджак, сшитый из ткани'. Слово *уха* в большинстве эвенкийских говоров и диалектов означает 'зло', 'злой, сердитый, плохой', 'горе',[4] в томмотском оно употребляется, главным образом, в значении 'маленький', иногда в контексте выступает как глагол 'похудеть, сдать, устать'.

Примеры: *этирăкэн сōт ухачă, эвкă илла бадаӈа бōă* 'старик сильно сдал (похудел), больше, видимо, не встанет'; *ороты ухачăл, д'ӯлăвар эӯэтил исра, ăннаӈăт* 'олени (наши) устали, до дому не смогут дойти, будем ночевать'.

Слово *д'окē*, употребляющееся в большинстве восточных говоров и диалектов[5] в значении 'маленький', в томмотском говоре имеет значение 'удобный, аккуратный, небольшой по размеру'.

§ 72. Немало слов описываемого говора отличается от литературных своим фонетическим обликом:

Томмотск.	Литературн.	Значение
н'аӈра	*н'аӈн'а*	'грязь'
имӯхэ	*имӯксэ*	'сало'
имӯрэн	*имӯрэ*	'топленый жир'
харимукта ~ саримукта	*саримăкта*	'ресницы'
чиӈирэкэн	*синэрэкэн*	'мышь'
hăӈкă ~ hăӈкăчэн	*хăнӯки*	'рябчик'
гōр	*гōн*	'гусь в период линьки'
инивӯгдэн	*инигэдерă*	'вьючный олень'
hанчан ~ анчан	*анчан*	'щека'
ихэлэ	*хисэлэ*	'ящерица'
ичэмуктэ	*ичэмук*	'зрачок'
этирикэн	*этыркэн*	'старик'
атирăкăн	*атыркан*	'старуха'
энăн	*энēчэн*	'лосиха'
умкăн ~ уӈкăн	*уӈкăн*	'деревянная ложка'
дōктōн	*дэктэннэ*	'меховые чулки'

[1] Там же, стр. 151.
[2] Там же, стр. 324.
[3] Там же, стр. 395.
[4] Там же, стр. 458.
[5] Там же, стр. 112.

барча	*пурча*	'сушеная, раскрошенная рыба'
сиргӣ ~ хыргӣ	*сиругӣ*	'песок'
бэркэн	*бэр*	'лук (оружие)'
киӈнэ	*киӈлэ*	'лыжи, обтянутые камысом'
н'ӣмэктэ	*ниргэктэ*	'кожица молодых рогов'
омкото	*омкочо*	'лоб'
сбнӈачан	*сбнӈан*	'новорожденный теленок дикого оленя'
тэм	*тэму*	'плот'
кэӈгилэн	*коналлэ*	'ботало'
гарагандӑ-ми	*гарадӑ-ми*	'броситься чем-л.'
ус-ми	*хус-ми*	'стричь (волосы)'
ӈӳглэ-ми	*хуклэ-ми*	'лежать'
н'эхӳ-ми	*нисӯ-ми*	'привезти добычу'
кӳмнэ-ми	*кунлэ-ми*	'обнять'
эхиткэн	*эсӣкэкэн*	'сейчас, теперь'
ӈонум	*ӈоним*	'длинный'
сӳха	*сӯкса*	'завязки унтов'
мӳкӳ	*микчан*	'кабарга'
ӈунна-ми	*самна-ми*	'шевелиться'

§ 73. Значительное количество слов характерно для большинства говоров восточной диалектной группы. Вот некоторые примеры:

Томмотский говор	Восточные говоры и диалекты [1]	Значение
инэӈӣ	тнг., з., урм., чмк., а., сх.	'день'
сигӳн	з., алд., хнг., учр.	'солнце'
икэ	з., алд., хнг., учр., урм., чмк., сх.	'котел'
ӣкэчэн	алд., хнг., урм., сх., учр.	'котелок'
угдӑмӑ	алд., з., учр., урм., чмк., сх.	'юрта, крытая корой'
бэр	з., алд., учр., урм.	'ружье'
кӳӈгӳ	з., алд., учр., тнг.	'пальто'
д'эвгэ	тнг., з., алд., учр., урм., сх., чмк.	'пища'
сбнӯӈнан	учр., урм., сх.	'важенка с теленком'
эхэкэ	з., алд., хнг., урм., чмк., сх.	'дядя'

[1] Объяснение сокращений см. на стр. 46.

эгдэ̄н ~ агӣ ~ тэ̄н	алд., учр., тнг., ткм.	'тайга'
чэкэктэ	учр., алд., урм., сх.	'небо'
ӣнӯӣ	чмк., з., алд.	'язык'
ӯткэ̄н	тнг., з., алд., учр., урм., чмк., а., сх.	'пальма (нож на древке)'
нӣкӣ	алд., учр., урм., чмк., а., сх., олкм.	'утка'
кото	тнг., з., алд., учр., урм., чмк., сх.	'нож'
нонно	з., алд., чмк., сх.	'рысь (животное)'
ийэлдыӯ̄н	тнг.	'маленькая остроносая мышь, питающаяся сброшенными рогами'
коро ~ корон	учр., сх.	'яд для стрел, пуль'
дэвэкӣ ~ идирэ	олекм., тнг., алд., учр., урм., сх.	'таз, тазовая кость'
сигэ̄чэ̄н	тнг., з., учр.	'коршун'
киӈнэ̄	алд., учр., чмк., з.	'лыжи с мехом'
ҳэ̄ҕэ̄н	тнг., алд., учр., с-б.	'песня'
бэҕин	тнг., з., алд., учр., урм., чмк., а., сх.	'начальник, хозяин'
тік-	тнг., з., алд., учр., урм., чмк., а., сх.	'упасть, падать'
ҳэдэ-	тнг., з., алд., учр., урм.,	'перейти (реку, какое-л. место)'
илгӣма-	алд., учр.	'стоять'
тэкэргэ-	тнг., з., алд., учр., урм., чмк., сх.	'порваться'
бӯ̄ссэ-	алд., учр.	'болеть'
ав-	з., алд., чмк.	'вытирать'
булку-	з., алд.	'умыться, мыться'
тіргимэн(т)	тнг., з., алд., учр., урм., чмк., сх.	'пешком', 'пеший'
эрэгэр	тнг., з., алд., учр., урм., сх.	'все время, всегда, постоянно'
д'ӯгӯ	урм., сх.	'ради, для, за, из-за'

§ 74. Наряду с литературными словами употребляются синонимы, среди которых немало якутских слов:

Томмотск.	Литературн.	Значение
аркан ~ мӣрэ	*мӣрэ*	'плечо'
мӧ̄тӏ ~ тӧкӣ ~ конноко	*тӧкӣ*	'лось'

бэ̄йӯн ~ hэксэргэ ~ мэнэтӯ	*бэйӯн ~ багдака*	'дикий олень'
андагӣ ~ н'экэ̄	*н'экэ̄*	'соболь'
дӯннэ̄т ~ иргичӣ ~ ахылāк	*иргичӣ*	'волк'
сэргӣ ~ дарама ~ дэвэкӣ	*дэвэкӣ*	'таз (тазовые кости)'
hалгā ~ ливгэ̄ ~ кираха	*ливгэ̄*	'первый снег'
огбӯнā ~ hāрги ~ абāхи	*хāрги*	'черт, леший'
hёрки ~ д'ухэн ~ чагылҕан	*д'усэн*	'молния'
д'ӯ ~ мō д'ӯ ~ палага	*д'ӯ ~ гулэ*	'деревянный дом'
туйӣ ~ моӈнон	*моӈнон*	'шалун'
тэнэҕ ~ йвул ~ акāри	*моӈнон ~ акāри ~*	
аӈалу ~ иргэйэ āчин	*дулбун ~ тэнэк*	'дурак, глупый'
карāв ~ туруйа	*карāв*	'журавль'
иргихэ ~ ыхык	*иргисэ*	'провизия на дорогу'
бэр ~ пэктірэ̄вун	*пэктірэ̄вун*	'ружье'
лукӣ ~ йӯлга	*лукӣ*	'стрела'
лāӈ ~ тірэвкэ̄вӯн ~ соксо	*лāӈ*	'пасть (капкан)'
н'ōгӯхут ~ ондōгдо ~ бэреччит	*н'ōгӯсит*	'передовой олень в упряжке'
сырга ~ турку	*толгоки*	'нарта'
эрэкӣ ~ тёрнэ̄	*хилакта*	'ястреб'
эгдэ̄н ~ агӣ ~ тэ̄н	*агӣ*	'тайга'
hоктонмо ~ эӈэйэ ~ нугды ~ нэмкӯкэ̄н ~ дарама	*дарам ~ эӈэн'э*	'поясница'
нӯхӯктӯ ~ эдэр	*илмакта*	'молодой (о человеке)'
экӯктэ ~ упкат ~ бӯтӯннӯ	*упкат*	'все'
этэвчэ̄ ~ бэлэн	*этэвчэ̄*	'готовый'

§ 75. В говоре зафиксировано несколько не встречающихся в других говорах или встречающихся только в некоторых восточных говорах слов, например: *гӯӈгэ̄-ми* 'смолить' и производные от него *гӯӈгэ̄* 'черная смола для берестяной лодки'; *гӯӈгэвӯн* 'маленькая железная лопатка с длинной ручкой для смоления берестянки'; *йӯмнэ̄й* 'отверстие с железным ободком для выхода трубы в палатке' (от глагола *йӯ-* 'выходить'); *энэгэр* 'предмет, привязываемый к вьюку сверху над подпругой' (от *энэ-* 'привязать что-л. сверху на вьюк'); *огбр* 'изгородь из веток, снега у пасти (ловушки)' (от *огō-* 'свалить, срубить де-

рево'); *олом* 'брод, мель (во всю ширину реки, озера)' (от *олб-* 'пройти, проехать бродом').

Слово *бургивкэ* в ербогоченском диалекте обозначает 'дробь (ружейная)', в учурско-зейском — крошки'[1] (корень *бурги* + суфф. *-лэ̄н*);

бургилэ̄н 'погремушка, медный шарик с маленькими отверстиями, имеющий внутри металлические дробинки для звона'. Еще примеры: *атама̄нуки* 'кухонная тряпка (для горячей сковороды, ручек чайника, котла, кастрюль)'; это слово в фонетическом варианте *атамалкӣ* употребляется в урмийском говоре и Сахалинском диалекте.[2]

Слово *сугулэ̄н* в верхнеалданско-зейском диалекте означает 'мясо, приготовленное для варки',[3] в томмотском говоре *сӯгӯлбо̄н* означает 'ветви кустарника, употребляемые для подстилки под мясо'.

В разговорной речи часто употребляется наречие *уд'ук* 'насовсем, все время, постоянно, беспрерывно', образованное от якутского глагола *уд'уй-* 'уходить, отдаляться'.

Примеры: *тар бэйэ уд'ук эмэчэ̄* 'тот человек приехал насовсем'; *нуңартын уд'ук нӯлгиктэд'эвкил* 'они кочуют постоянно (все время)'.

Зафиксировано также наречие *бад'ан*, значение которого определяется контекстом:

бад'ан баканаа, "едā минду н'ā̄н эчэ̄с гара? 'случайно найдя, почему и мне не взял?'; *бад'ан ичэхэ̄, д'ӯлāви э̄рӣмчэс бо̄ нуңанман* 'к счастью, увидев, ты бы позвал его домой'.

В подкаменно-тунгусском диалекте *бад'ан* означает 'хорошо'.[4]

КРАТКИЕ ВЫВОДЫ

§ 76. В части фонетики.

1) Описываемый говор относится к группе восточных диалектов по признакам: а) наличия *с* ~ *х* в начале слова; б) употребление интервокального *х*; в) перехода *в* в *б* после сонантов *р* и *л* и в *п* после глухих согласных.

2) С чульманско-гилюйскими (алдано-зейскими) говорами его сближает: а) употребление *а* после долгого *ā*; б) наличие неассимилированных сочетаний в глагольных суффиксах настоящего времени; в) палатализация *н'* в суффиксе совместности и частице *-н'ӯн*; г) опускание *у* основы, с последующей заменой

[1] Г. М. Василевич. Эвенкийско русский словарь, стр. 69.
[2] Там же, стр. 39.
[3] Там же, стр. 367.
[4] Это отмечено в токкинско-верхоленском диалекте, см.: Г. М. Василевич. Очерки диалектов. . ., стр. 100—101.

его соединительным гласным *и*; д) наличие *х* вместо *кс* других говоров.

3) Фонетика описываемого говора испытала влияние фонетики якутского языка, на что указывает: а) наличие *ы* заднего ряда; б) наличие переднеязычного *ɛ*; в) изменение среднеязычного *й* в *д'* в начале слов; г) наличие губного притяжения; д) дифтонгоидное произношение долгого *ē* в начале слов.

4) Томмотский говор отличается от литературного эвенкийского языка: а) наличием *с ~ х* вместо *с* в начале слова; б) наличием интервокального *х* вместо *кс*; в) употреблением *б* после *л* и *р*, *п* после глухих согласных вместо *в*; г) употреблением *ā* после долгого *ā* вместо *э*; д) наличием неассимилированных сочетаний *ŋр*, *мр*, вместо *ŋн*, *мн* и *кр* вместо *кт*; е) употреблением палатализованного *н'* вместо *н*, в суффиксе совместного падежа и в частице *-н'ӯн*; ж) опусканием *у* основы; з) наличием заднеязычного *ы*, соответствующего *и*; и) наличием среднеязычных *ō* и *ӯ* вместо *э̄* и *у*; к) употреблением *д'* вместо йот в начале слова; л) наличием губного притяжения; м) наличием дифтонгоидного гласного вместо долгого *ē*.

§ 77. В части морфологии.

1) Томмотский говор сближают с группой говоров восточных диалектов: а) наличие суффикса желательности *-гла* и суффикса последовательности действия *-т*; б) наличие суфф. *-ŋаха* у прилагательных со значением усиления, суфф. *-рӣн* у прилагательных, обозначающих цвет; в) наличие суфф. *-кāн* (*-кэн*) у повторительных местоимений, частицы *-гила* (*-ŋила*) у неопределенных местоимений, суфф. *-кāт* у отрицательных местоимений; г) наличие формы на *-ŋāт* со значением долженствования.

2) Он имеет, кроме того, следующие общие черты с соседними чульманско-гилюйскими говорами: а) суффикс прилагательных *-хā*, *-рāн*; б) употребление личных местоимений в значении притяжательных; в) форму прошедшего времени на *-рā*; г) деепричастную форму на *-кēн*; д) суффиксы междометий *-мō*, *-ē*.

3) Некоторые черты характерны только для данного говора: а) суффикс множ. ч. *-йāйā*; б) суффикс ускоренного действия *-малдō*; суфф. *-булдı*; выражение усиленной интенсивности действия суфф. *-йāт* (*-йāчи*); в) наличие большого количества образных прилагательных и глаголов; г) уменьшительно-ласкательный суфф. *-кӯчӯн*, *-кы̄чун*; суффикс подобия *-канча*; д) повелительное наклонение на *-дā*; е) частицы *-кāйа*, *-кэнэ̄*, *-ма*, *hӯкāн*, *-кē*; ж) наречие *тікэ̄-хō*.

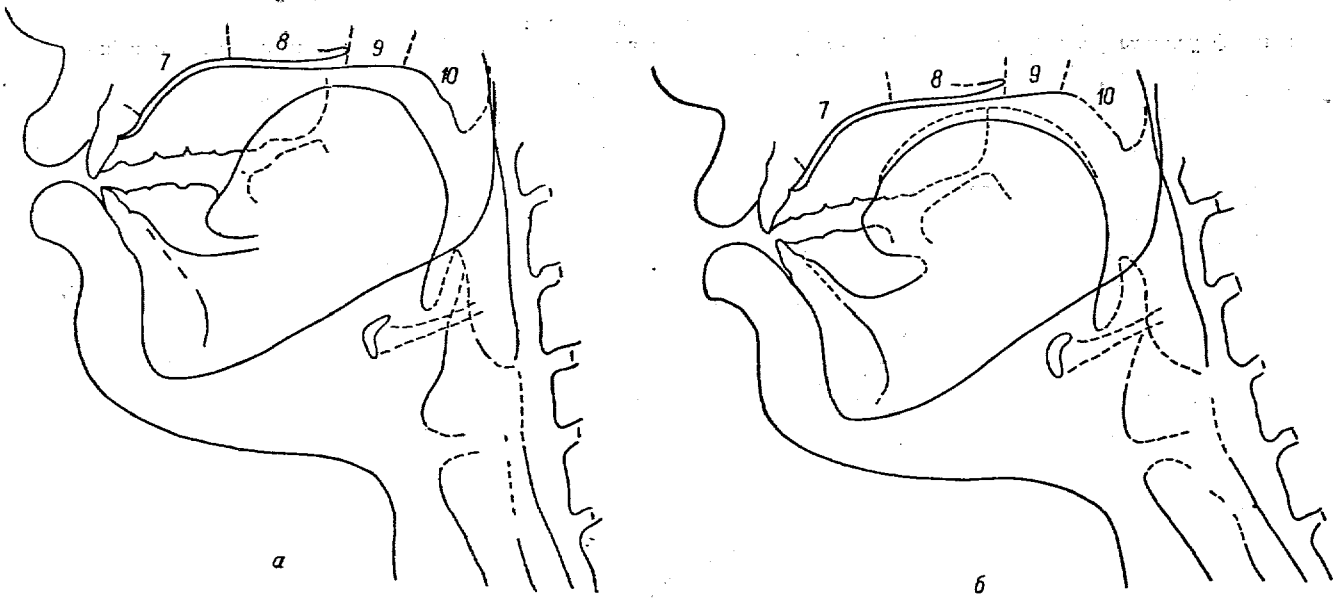
4) Влияние якутского языка сказывается: а) в способности выражать вероятность действия при помощи слов *бука*, *бадаŋа*; б) в наличии формы возможности действия на *-мӯхы* (*-мӯхи*); в) в употреблении личных местоимений вместо притяжательных.

5) Томмотский говор отличается от литературного языка: а) наличием суффикса винительного падежа *-ба*, *-па* вместо *-ва*; суффикса направительного падежа *-ткāкī* (лит. *-ткī*), *-тыкāкī* (лит. *-тыки*); б) отсутствием формы на *-вкā*; в) наличием долженствовательной формы на *-ӈāт* (лит. *-мачин*); г) наличием деепричастной формы на *-кēн* (лит. *-ммēн*); д) наличием суфф. *-ӈра* (лит. *-ӈда*) в географических названиях; е) отсутствием формы ближайшего будущего времени; ж) отсутствием отрицательных глаголов *мулли-*, *алба-*, *бā-*; з) отсутствием формы отрицательного глагола *э-* в настоящем времени с суфф. *-си*; и) наличием форм прошедшего времени на *-ча* и *-рī*; к) отсутствием послелога *д'арин*.

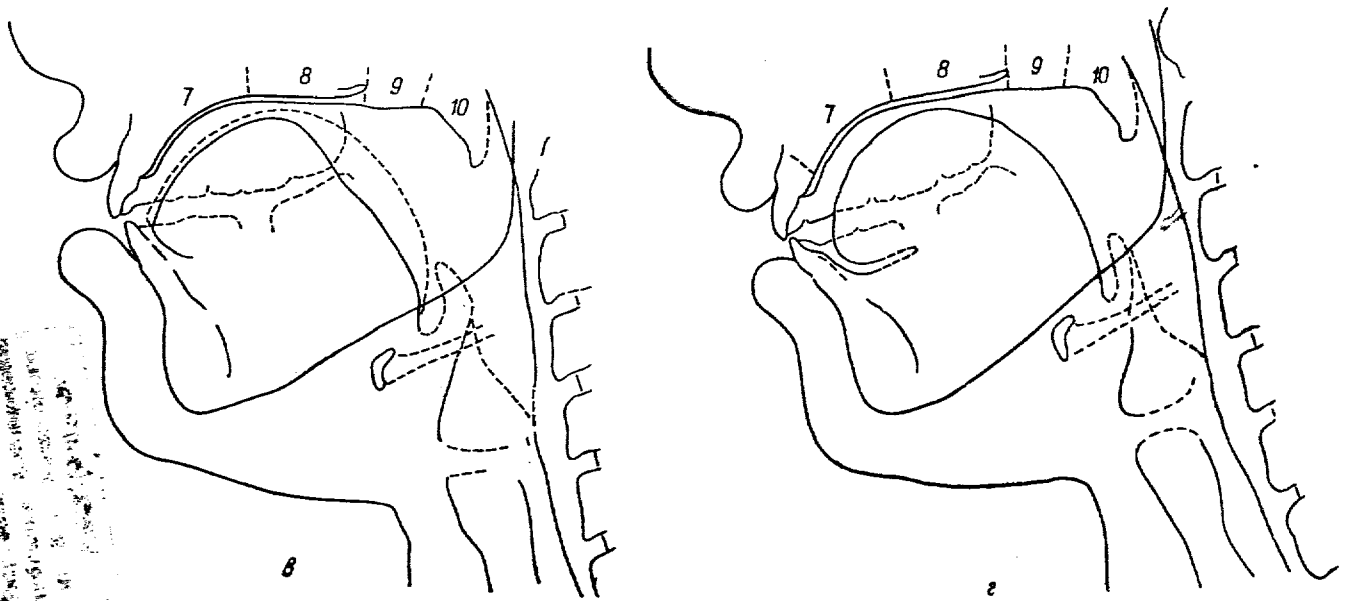
§ 78. В части синтаксиса отмечается полное отсутствие согласования, что также, по-видимому, есть результат влияния якутского языка.

§ 79. В лексике немало слов, заимствованных из якутского и русского языков. Значительное количество слов является общим с другими говорами восточной диалектной группы.

§ 80. Таким образом, томмотский говор является одним из северных говоров восточной диалектной группы, представляющим собой отдельный говор верхнеалданско-зейского диалекта.

а — произношение долгой гласной фонемы ӯ в слове *ӯ (ку)* 'верша'; *б* — произношение долгой гласной фонемы ӯ в слове *ӯ (кэчиктэ)* 'тополь'.

в — произношение долгой гласной фонемы ӣ в слове *ӣ* (*ктэ*) 'зуб'; *г* — произношение долгой гласной фонемы ӣ в слове *ӣ* (*ма*) 'наледь'.

38404

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

От редактора 3
Введение 5
А. В. Романова. Очерк токкинского говора 8
Общие сведения 8
Фонетика (§§ 1—18) 11
Морфология (§§ 19—47) 22
Словоизменение и словообразование имен (§§ 19—24) . . . 22
Об имени прилагательном (§§ 25—27) 27
Местоимения (§§ 28—33) 27
Числительные (§§ 34—36) 29
Глагол (§§ 37—44) 31
Наречия (§ 45) 39
Послелоги и частицы (§§ 46—47) 39
Основные черты синтаксиса (§§ 48—54) 40
Особенности лексики (§§ 55—66) 42
Некоторые выводы (§§ 67—69) 48
А. Н. Мыреева. Очерк томмотского говора 50
Общие сведения 50
Фонетика (§§ 1—15) 54
Морфология (§§ 16—51) 60
Словоизменение (§§ 16—20) 60
Словообразование (§§ 21—25) 63
Об имени прилагательном (§ 26) 70
Числительные (§§ 27—29) 71
Местоимения (§§ 30—36) 73
Глагол (§§ 37—47) 74
Наречия (§ 48) 83
Частицы (§ 49) 84
Союзы (§ 50) 85
Междометия (§ 51) 85
Некоторые особенности синтаксиса (§§ 52—56) 86
Лексические особенности (§§ 57—75) 88
Краткие выводы (§§ 76—80) 102

Романова Агния Васильевна, Мыреева Анна Николаевна

ОЧЕРКИ ТОККИНСКОГО И ТОММОТСКОГО ГОВОРОВ

Утверждено к печати
Институтом языка, литературы и истории
Якутского филиала Сибирского отделения АН СССР

Редактор Издательства *А. А. Зырин*
Художник *В. В Грибакин*
Технический редактор *Р. Е. Зендель*
Корректоры *Ж. Д. Панкратова*
и *В. А. Пузиков*

Сдано в набор 24/XI 1961 г. Подписано к печати 18/VIII 1962 г. РИСО АН СССР № 96-109В. Формат бумаги $60\times90^{1}/_{16}$. Бум. л. $3^{3}/_{8}$. Печ. л. $6^{3}/_{4}=6^{3}/_{4}$ усл. печ. л. Уч.-изд. л. 6,68. Изд. № 1448. Тип. зак. № 421. Тираж 1000.

Цена 40 коп.

Ленинградское отделение Издательства Академии наук СССР
Ленинград, В-164, Менделеевская лин., д. 1

1-я тип. Издательства Академии наук СССР. Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

Национальная библиотека РС(Я)
www.nlib.sakha.ru
00011745
tel: 435832, 424136;